Жюль Вернъ.

Въ странѣ мѣховъ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть II.

Съ рисунками Ферà и Байяра.

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.— 1898.

Дозволено цензурою. Москва, 16 сентября 1898 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Пловучій фортъ.

Что же, однако, случилось? Какимъ образомъ они могли „подвинуться“ на три градуса къ сѣверу? Оказалось, что фортъ Надежды, основанный лейтенантомъ Гобсономъ въ предѣлахъ Полярнаго моря, оторвался отъ берега. Заслуживалъ ли какого-нибудь упрека отважный агентъ компаніи? Разумѣется, нѣтъ. Каждый обманулся бы на его мѣстѣ. Никакая человѣческая проницательность не могла предусмотрѣть подобной случайности. Онъ располагался строиться на камнѣ, но построился даже и не на пескѣ, а прямо на водѣ! Эта часть земли, образовавшая полуостровъ Викторіи, которая на всѣхъ точнѣйшихъ картахъ англійской Америки присоединялась къ американскому материку, теперь оторвалась отъ него. Въ сущности, этотъ полуостровъ былъ не что иное, какъ огромная льдина, пространствомъ въ пятьсотъ квадратныхъ миль; послѣдовательные наносы придали ей видъ прочной почвы, на которой не было недостатка ни въ черноземѣ ни въ растительности. Полуостровъ былъ связанъ съ берегомъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Землетрясеніе 3 января разорвало эти связи, и полуостровъ сдѣлался островомъ, но островомъ пловучимъ и блуждающимъ, который въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ теченіе увлекло въ Сѣверный океанъ.

Да, это была не болѣе какъ льдина, уносившая также и фортъ Надежды вмѣстѣ съ его обитателями! Джэсперъ Гобсонъ немедленно понялъ, что иначе нельзя было объяснить замѣченной перемѣны въ широтѣ. Перешеекъ, т. е. узкая коса, связывавшая полуостровъ Викторіи съ материкомъ, очевидно, былъ разорванъ вслѣдствіе подземнаго сотрясенія, вызваннаго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вулканическимъ изверженіемъ. Пока продолжалась сѣверная зима и море было сковано сильными морозами, разрывъ этотъ не производилъ никакой перемѣны въ географическомъ положеніи полуострова; но когда настала оттепель, сплошныя льдины отплыли за горизонтъ и море очистилось, — эта часть берега, основанная на льдинѣ, уплыла со своими лѣсами, скалами, своимъ мысомъ и озеромъ подъ вліяніемъ какого-то неизвѣстнаго теченія. Нѣсколько уже мѣсяцевъ они уносились такимъ образомъ, и этого не могли замѣтить зимовщики, которые ни разу во время охоты не удалялись далеко отъ форта Надежды. Постоянные туманы мѣшали видѣть вдаль, а видимая неподвижность почвы не могла указать ни

лейтенанту Гобсону ни его товарищамъ, что изъ жителей материка они сдѣлались островитянами. Замѣчательно то, что направленіе полуострова не измѣнилось, несмотря на перемѣщеніе, что, безъ сомнѣнія, происходило отъ его пространства и прямолинейнаго направленія теченія, которому онъ слѣдовалъ. Дѣйствительно, если бы страны свѣта могли измѣниться относительно мыса Батурстъ, если бы островъ обернулся, а солнце и луна восходили и заходили бы на новомъ горизонтѣ, то Джэсперъ Гобсонъ, Томасъ Блэкъ, мистресъ Полина Барнеттъ, да и всякій другой поняли бы, что случилось. Но по какому-то случаю перемѣщеніе происходило слѣдуя земной параллели, и хотя оно было довольно быстрое, но его не замѣчали.

Джэсперъ Гобсонъ, хотя и не сомнѣвался въ отвагѣ, хладнокровіи и нравственной силѣ своихъ товарищей, однако, не хотѣлъ сообщать имъ истины. Всегда было время объяснить имъ новое положеніе, предварительно изучивъ его хорошенько. Къ счастью, эти добрые люди, солдаты или рабочіе, не были сильны въ астрономіи, въ вопросахъ широты и долготы и въ перемѣнѣ, случившейся нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ координатами полуострова, а потому не могли понимать послѣдствій, такъ справедливо тревожившихъ лейтенанта Гобсона.

Джэсперъ Гобсонъ, рѣшившись молчать до тѣхъ поръ, пока было можно, и скрывать положеніе, помочь которому въ то время не представлялось никакой возможности, собиралъ всю свою душевную твердость. Съ громаднымъ усиліемъ воли, которое не ускользнуло отъ мистресъ Полины Барнеттъ, онъ овладѣлъ собою и началъ утѣшать несчастнаго Томаса Блэка, который бѣсновался и рвалъ на себѣ волосы.

Бѣдный астрономъ совсѣмъ не подозрѣвалъ феномена, жертвой котораго сдѣлался. Не имѣя случаевъ наблюдать, подобно лейтенанту, странностей этой почвы, онъ ничего не могъ понять и придумать, кромѣ весьма неудачнаго факта, что въ этотъ день, въ назначенный часъ, луна не вполнѣ закрыла солнце. Но что же, однако, онъ долженъ былъ подумать? Что, къ стыду обсерваторій, эфемериды были невѣрны, и что столь желанное затменіе, ради котораго онъ прибылъ издалека, преодолѣвая всевозможныя затрудненія, не могло быть *полнымъ* для этого пояса земного сфероида на семидесятой параллели! Нѣтъ, онъ никогда и ни за что не допустилъ бы этого! Поэтому отчаяніе его и было такъ велико. Но онъ вскорѣ узналъ истину.

Джэсперъ Гобсонъ, увѣривъ товарищей, что случай съ неудавшимся затменіемъ могъ интересовать только астронома, а не ихъ, предложилъ имъ приняться снова за ихъ занятія, и они уже готовы были исполнить это. Но въ тотъ моментъ, когда они собирались спуститься съ вершины мыса Батурстъ, чтобы итти въ факторію, капралъ Джолиффъ остановился.

— Господинъ лейтенантъ, — сказалъ онъ, подходя къ Гобсону и дѣлая подъ козырекъ, — могу предложить вамъ одинъ простой вопросъ?

— Конечно, капралъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, не зная къ чему клонится рѣчь подчиненнаго, — говорите, пожалуйста.

Но капралъ не рѣшался говорить. Жена толкала его подъ локоть.

— Позвольте, господинъ лейтенантъ,— проговорилъ, наконецъ, капралъ, — я все насчетъ этого семидесятаго градуса широты. Если я хорошо понялъ, то мы не тамъ, гдѣ вы располагали быть.

Лейтенантъ нахмурился.

— Дѣйствительно, — отвѣчалъ онъ уклончиво, — мы немного ошиблись въ вычисленіяхъ.... наше первое наблюденіе было невѣрно. Но зачѣмъ... почему это можетъ интересовать васъ?

— Я хотѣлъ сказать, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ капралъ, принявъ лукавую мину, — и вы это хорошо знаете, что компанія обѣщала намъ двойное жалованье.

Успокойтесь, капралъ, — отвѣчалъ Гобсонъ. (Стр. 6.)

Джэсперъ Гобсонъ вздохнулъ свободнѣе. Дѣйствительно, его люди, какъ помнятъ читатели, имѣли право на увеличенное жалованье, если имъ удастся устроиться на семидесятой параллели или выше. Всегда разсчетливый, капралъ Джолиффъ во всемъ этомъ видѣлъ только денежный вопросъ, и могъ опасаться, что прибавка не была еще заслужена ими.

— Успокойтесь, капралъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ съ улыбкою, — и успокойте своихъ храбрыхъ товарищей. Ошибка наша, пока еще необъяснимая, не причинитъ вамъ никакого убытка. Мы не ниже, а выше семидесятой параллели, а слѣдовательно, вы получите двойное жалованье.

— Благодарю, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ капралъ съ просвѣтлѣвшимъ отъ радости лицомъ, — благодарю. Я радуюсь не потому, что мнѣ особенно пріятно держать въ рукахъ лишнія деньги, а потому, что эти деньги необходимы въ нашей жизни, которую при помощи ихъ можно устроить лучше.

И капралъ, въ сопровожденіи товарищей, ушелъ домой, нисколько не подозрѣвая ужасной и странной перемѣны, совершившейся въ природѣ и въ положеніи этой мѣстности.

Сержантъ Лонгъ тоже собирался спуститься съ мыса, но Джэсперъ Гобсонъ остановилъ его.

— Погодите, Лонгъ, — сказалъ онъ.

Сержантъ сдѣлалъ полуоборотъ направо и остановился въ ожиданіи.

На вершинѣ мыса остались только: мистресъ Полина Барнеттъ, Мэджъ, Томасъ Блэкъ, лейтенантъ и сержантъ.

Со времени затменія путешественница не произнесла ни слова. Она взорами спрашивала Джэспера Гобсона, который, казалось, избѣгалъ ея. Лицо отважной женщины выказывало болѣе удивленія, нежели безпокойства. Догадалась ли она? Предстало ли ея глазамъ объясненіе такъ же рѣзко, какъ глазамъ лейтенанта? Знала ли она ихъ положеніе, и практическій умъ ея вывелъ ли изъ этого послѣдствіе? Какъ бы то ни было, она молчала и облокотилась на Мэджъ, которая стояла, обнявъ ее за талію.

Что же касается астронома, то онъ ходилъ взадъ и впередъ, не будучи въ состояніи устоять на мѣстѣ. Волосы у него встали дыбомъ. Онъ размахивалъ руками и поминутно выражался междометіями отчаянія. Онъ грозилъ солнцу кулаками и смотрѣлъ на него прямо, рискуя ослѣпнуть.

Наконецъ, внутреннее волненіе его улеглось черезъ нѣсколько минутъ. Онъ почувствовалъ, что могъ говорить, и, скрестивъ руки на груди, сверкая глазами, съ гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ, грозно нахмуривъ брови, прямо остановился предъ лейтенантомъ Гобсономъ.

— Теперь наша очередь съ вами, — воскликнулъ онъ, — теперь наша очередь, господинъ агентъ Гудзонбайской компаніи.

Этотъ возгласъ, тонъ и поза походили на вызовъ. Джэсперъ Гобсонъ вовсе не хотѣлъ этого, и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на бѣдняка, отчаяніе котораго очень хорошо понималъ.

— Мистеръ Гобсонъ, — сказалъ Томасъ Блэкъ съ плохо сдержаннымъ раздраженіемъ, — не угодно ли вамъ будетъ объяснить мнѣ, что это значитъ? Если это съ вашей стороны шутка, то, въ такомъ случаѣ, она задѣнетъ кого-нибудь повыше меня, понимаете, и вы можете раскаяться.

— Что вы хотите этимъ сказать, мистеръ Блэкъ, — спросилъ спокойно Джэсперъ Гобсонъ.

— Я хочу сказать, сэръ, — отвѣтилъ астрономъ, — что вы обязались провести свой отрядъ къ предѣламъ семидесятаго градуса широты,

— Или дальше, — добавилъ Гобсонъ.

— Дальше, сэръ, — повторилъ Томасъ Блэкъ, — но что же я сталъ бы дѣлать дальше? Для наблюденія полнаго солнечнаго затменія я не долженъ былъ удаляться отъ линіи круговой точки, которую въ этой части англійской Америки ограничивала семидесятая параллель, а мы теперь на три градуса выше.

— Ну, что жъ, мистеръ Блэкъ, — отвѣчалъ Гобсонъ самымъ спокойнымъ тономъ, — мы ошиблись — вотъ и все.

— Вотъ и все! — съ яростью повторилъ астрономъ, котораго приводило въ отчаяніе спокойствіе лейтенанта.

— Я долженъ также вамъ замѣтить, — продолжалъ Джэсперъ Гобсонъ, — что если я ошибся, то и вы раздѣляли мою ошибку, потому что, по прибытіи нашемъ на мысъ Батурстъ, мы вмѣстѣ, вы съ вашими, а я съ моими инструментами, опредѣляли положеніе широты. Вы не можете сдѣлать меня отвѣтственнымъ за ошибку въ наблюденіи, которую допустили и съ своей стороны.

При этомъ отвѣтѣ Томасъ Блэкъ смѣшался и, несмотря на свое крайнее раздраженіе, не нашелъ что отвѣтить. Да и какъ онъ могъ оправдаться! Если и произошла ошибка, то и онъ былъ также виноватъ въ ней. Что подумаютъ въ ученомъ европейскомъ мірѣ и въ Гринвичской обсерваторіи объ астрономѣ, который могъ ошибиться въ опредѣленіи широты? Томасу Блэку ошибиться при вычисленіи высоты солнца и при такихъ обстоятельствахъ, когда только точное опредѣленіе параллели давало возможность наблюдать полное затменіе, при условіяхъ, какія могли долго не повториться! Какъ ученый, онъ былъ опозоренъ.

— Но какимъ же образомъ, — воскликнулъ онъ, еще разъ схвативъ себя за волосы, — какимъ образомъ я могъ такъ ошибиться?! Стало-быть, я не умѣю болѣе владѣть секстантомъ! я не могу вычислить угла! я, значитъ, ослѣпъ! Если такъ, то мнѣ остается только броситься съ этого мыса внизъ головою.

— Мистеръ Блэкъ, — серьезно сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — не обвиняйте себя: вы не ошиблись въ вычисленіи, и не можете ни въ чемъ упрекнуть себя.

— Значитъ, вы одни...

— Я тоже не виноватъ, мистеръ Блэкъ. Потрудитесь меня выслушать, и вы также, мистресъ Барнеттъ, и вы, Мэджъ, и вы, сержантъ Лонгъ. Я только попрошу васъ сохранить въ тайнѣ все, что сейчасъ скажу вамъ. Безполезно пугать и, можетъ-быть, приводить въ отчаяніе нашихъ добрыхъ товарищей по зимовкѣ.

Мистресъ Полина Барнеттъ, ея спутница, сержантъ и Томасъ Блэкъ приблизились къ лейтенанту. Они не отвѣчали, но молча какъ бы дали слово сохранить тайну, которую собирались услышать.

— Друзья мои, — началъ Джэсперъ Гобсонъ: — когда, годъ тому назадъ, мы прибыли въ эту мѣстность англійской Америки и опредѣлили положеніе мыса Батурстъ, то нашли, что этотъ мысъ находится на семидесятой параллели, а если онъ теперь за семьдесятъ-вторымъ градусомъ широты, т. е. на три градуса сѣвернѣе, то, значитъ, онъ отдѣлился отъ материка.

— Отдѣлился отъ материка! — воскликнулъ Томасъ Блэкъ. — Разсказывайте это другимъ, сэръ. Съ какихъ это поръ мысы стали отдѣляться отъ материковъ?

— А между тѣмъ, это случилось, мистеръ Блэкъ, — отвѣчалъ серьезно лейтенантъ Гобсонъ. — Весь этотъ полуостровъ Викторіи — не что иное, какъ ледяной островъ. Землетрясеніе оторвало его отъ американскаго берега, а теперь его уноситъ одно изъ сильныхъ сѣверныхъ теченій.

— Куда? — спросилъ сержантъ Лонгъ.

— Куда угодно Богу, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ.

Товарищи лейтенанта хранили молчаніе. Взоры ихъ невольно устремлялись къ югу, за обширныя равнины, по направленію къ разорванному перешейку; но съ мѣста, гдѣ они находились, они могли видѣть только съ сѣвера морской горизонтъ, окружавшій ихъ теперь со всѣхъ сторонъ. Если бы мысъ Батурстъ поднимался на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ океана, то окружность ихъ владѣнія ясно представилась бы ихъ взорамъ, и они увидѣли бы, что полуостровъ Викторіи превратился въ островъ. Сердце каждаго сжалось при видѣ форта Надежды и его обитателей, увлекаемыхъ теченіемъ въ открытое море, въ сторону отъ всякой земли, и сдѣлавшихся игралищемъ волнъ и вѣтровъ.

— Итакъ, мистеръ Гобсонъ, — сказала мистресъ Полина Барнеттъ, — этимъ и объясняются всѣ необъяснимыя странности, замѣченныя вами на этой мѣстности?

— Да, миледи, этимъ все и объясняется, — отвѣчалъ лейтенантъ. — Этотъ полуостровъ, — теперь островъ, — который мы считали и должны были считать неподвижно утвержденнымъ на своемъ основаніи, былъ не болѣе, какъ огромная льдина, присоединившаяся тысячи лѣтъ назадъ къ американскому материку. Мало-по-малу вѣтры наносили сюда земли, песку, насѣяли сѣмянъ, изъ которыхъ выросли лѣса и травы. Дожди налили прѣсной воды, которая образовала озеро и рѣчку. Растительность преобразила ее. Но подъ этимъ озеромъ, подъ этою землей и подъ этимъ пескомъ находится ледяная почва, плавающая по морю, вслѣдствіе своей удѣльной легкости. Да, это льдина, котораяноситъ и уноситъ насъ, и вотъ почему, со времени нашего поселенія на ней, мы не нашли ни одного камня, ни одного кремешка на ея поверхности; вотъ почему берега ея были отвѣсны; вотъ почему, когда мы рыли ловушку для оленей, ледъ показался на десяти футахъ, и вотъ почему, наконецъ, въ этой мѣстности были нечувствительны ни приливъ ни отливъ: они подымали и опускали вмѣстѣ съ собой весь полуостровъ.

— Дѣйствительно, теперь все объясняется, мистеръ Гобсонъ, — отвѣчала мистресъ Полина Барнеттъ, — и ваши предчувствія васъ не обманули. Но что вы скажете относительно прилива и отлива: отчего, будучи теперь недѣйствительны, они слегка чувствовались при нашемъ прибытіи къ мысу Батурстъ?

— Это потому, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ, — что при нашемъ прибытіи полуостровъ еще связывался своимъ непрочнымъ перешейкомъ съ материкомъ. Такимъ образомъ, онъ представлялъ также сопротивленіе приливу, и на его сѣверномъ побережьѣ поверхность воды поднималась только на два фута, вмѣсто двадцати, какъ она должна бы подняться. И вотъ съ тѣхъ поръ, когда, вслѣдствіе землетрясенія, разорвался перешеекъ и весь островъ получилъ возможность под-

ниматься и опускаться вмѣстѣ съ волнами прилива и отлива, это явленіе прекратилось; въ этомъ мы удостовѣрились вмѣстѣ нѣсколько дней тому назадъ, въ новолуніе.

Томасъ Блэкъ, несмотря на свое полное отчаяніе, слушалъ объясненія Джэспера Гобсона съ большимъ интересомъ; объясненія лейтенанта должны были казаться ему совершенно справедливыми; но, будучи взбѣ-

Гобсонъ разсматривалъ карту очень внимательно. (Стр. 13.)

шенъ, что такой рѣдкій, неожиданный и „нелѣпый" феноменъ, какъ онъ называлъ, случился именно для того, чтобы помѣшать ему наблюдать затменіе, онъ не проговорилъ ни слова и остался мраченъ: его душили стыдъ и отчаяніе.

— Бѣдный мистеръ Блэкъ, — проговорила мистресъ Полина Барнеттъ, — надобно согласиться, что никогда астрономъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ, не находился въ подобномъ непріятномъ положеніи.

— Во всякомъ случаѣ, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — мы здѣсь не виноваты; ни я ни вы не заслуживаемъ ни малѣйшаго упрека. Все сдѣлала природа, и она одна во всемъ виновата. Землетрясеніе разрушило связь, соединявшую полуостровъ съ материкомъ, и мы, дѣйствительно, странствуемъ на пловучемъ островѣ. Вотъ почему теперь пушные и другіе звѣри, заточенные, подобно намъ, на этомъ пространствѣ, такъ многочисленны въ окрестностяхъ форта.

— И вотъ почему, — сказалъ сержантъ, — отрядъ, посланный капитаномъ Кравенти, не могъ дойти до мыса Батурстъ.

— Поэтому, — замѣтила Мэджъ, — не показывались съ самаго лѣта и соперники, которыхъ вы опасались, мистеръ Гобсонъ.

— Слѣдовательно, — прибавила мистресъ Полина Барнеттъ, смотря на лейтенанта, — я должна отказаться отъ всякой надежды, по крайней мѣрѣ въ этомъ году, возвратиться въ Европу.

Путешественница сдѣлала послѣднее замѣчаніе тономъ, доказывающимъ, что она примирялась съ своей участью болѣе стоически, чѣмъ предполагали. Повидимому, она внезапно освоилась съ этимъ страннымъ положеніемъ, которое обѣщало ей, безъ сомнѣнія, много интересныхъ наблюденій. Притомъ же, если бъ она и пришла въ отчаяніе, если бъ всѣ ея товарищи жаловались и взаимно укоряли другъ друга, то могли ли они этимъ помѣшать тому, что уже случилось? Могли ли они остановить ходъ пловучаго острова и какимъ бы то ни было способомъ опять прикрѣпить его къ материку? Нѣтъ. Одинъ Богъ располагалъ будущностью форта Надежды, и поэтому слѣдовало покориться Его волѣ.

ГЛАВА II.

Мѣстонахожденіе.

Новое неожиданное положеніе, въ которомъ очутились компанейскіе агенты, нужно было изучить особенно тщательно, что Джэсперъ Гобсонъ и поспѣшилъ исполнить, разсматривая карту. Но для этого нужно было подождать завтрашняго дня, чтобы опредѣлить астрономически положеніе острова Викторіи (это названіе за пловучимъ островомъ было сохранено). Для этого нужно было взять двѣ высоты солнца, до и послѣ полудня, и измѣрить два часовыхъ угла.

Въ два часа лейтенантъ Гобсонъ и Томасъ Блэкъ опредѣлили по секстанту высоту солнца надъ горизонтомъ. Они разсчитывали на другой день, около десяти часовъ утра, возобновить тотъ же пріемъ, чтобы изъ двухъ высотъ вывести долготу пункта, занимаемаго островомъ въ Полярномъ океанѣ.

Но они не тотчасъ возвратились въ фортъ, и разговоръ довольно долго еще продолжался между Джэсперомъ Гобсономъ, астрономомъ, сержантомъ, мистресъ Барнеттъ и Мэджъ. Послѣдняя не слишкомъ заботилась о себѣ, вполнѣ отдаваясь на волю Провидѣнія. Но на свою госпожу, на свою „дочь Полину“, она не могла смотрѣть безъ волненія, думая объ испытаніяхъ, а можетъ-быть, и опасностяхъ, ожидавшихъ послѣднюю въ будущемъ. Мэджъ готова была пожертвовать

жизнью за Полину, чтобы спасти ту, которую она любила больше всего на свѣтѣ; но въ ихъ настоящемъ положеніи эта жертва была бы совсѣмъ безполезна. Во всякомъ случаѣ, она знала, что мистресъ Барнеттъ была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя приходили на отчаяніе при малѣйшей опасности. Она смотрѣла въ будущее отважно, безъ боязни, и, надо сказать правду, она еще не имѣла особеннаго повода къ отчаянію.

Дѣйствительно, еще не было неизбѣжной опасности для обитателей форта Надежды, и даже все допускало предположеніе, что они могутъ еще и не погибнуть. Джэсперъ Гобсонъ ясно высказалъ это своимъ товарищамъ.

Пловучему острову угрожали только двѣ опасности въ моряхъ, омывающихъ американскій материкъ, а именно: или онъ будетъ унесенъ теченіями моря до высокихъ полярныхъ высотъ, откуда нѣтъ возврата; или теченія увлекутъ его черезъ Беринговъ проливъ на югъ и даже въ Тихій океанъ, гдѣ, конечно, подъ вліяніемъ южнаго солнца и теплыхъ теченій, ихъ льдина-островъ растаетъ, и они погибнутъ въ безднахъ Тихаго океана.

Въ первомъ случаѣ, зимовщикамъ, захваченнымъ льдами и загражденнымъ непреодолимыми ледяными горами, безъ малѣйшаго сообщенія съ себѣ подобными, суждено погибнуть отъ холода или голода въ пустыняхъ сѣвера.

Во второмъ случаѣ, какъ было сказано выше, островъ Викторіи, увлекаемый теченіями до болѣе теплыхъ водъ Тихаго океана, мало-помалу растаетъ въ основаніи и пойдетъ ко дну подъ ногами своихъ обитателей.

Въ этомъ двойномъ предположеніи была неизбѣжная гибель какъ всѣхъ ихъ, такъ и ихъ факторіи, построенной цѣною такихъ трудовъ и лишеній.

Но могутъ ли быть эги два случая? Нѣтъ. Это не было вѣроятно.

Дѣйствительно, дѣло шло къ осени. Ранѣе трехъ мѣсяцевъ море должно было замерзнуть отъ дѣйствія первыхъ полярныхъ морозовъ. При сплошномъ льдѣ, можно было на саняхъ добраться до ближайшей твердой земли, къ русской Америкѣ, если островъ продержится на востокѣ, или къ азіатскому берегу, если его отнесетъ къ западу.

— Потому что, — прибавилъ Джэсперъ Гобсонъ, — мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ управлять нашимъ островомъ. Не имѣя возможности поставить на немъ парусъ, какъ на кораблѣ, мы не можемъ дать ему желаемаго направленія. Куда понесетъ насъ, туда мы и пойдемъ.

Доводы лейтенанта Гобсона, весьма ясные и обстоятельные, были приняты безъ спора. Очевидная истина, что сильные морозы присоединятъ островъ Викторіи къ обширному ледяному пространству, и даже можно было предположить, что онъ не слишкомъ удалится къ сѣверу или къ югу. Поэтому путешествіе въ нѣсколько сотъ миль по льду не могло затруднить этихъ отважныхъ рѣшительныхъ людей, привыкшихъ къ полярному климату и продолжительнымъ странствіямъ по сѣверному краю. Правда, для этого нужно было покинуть фортъ Надежды, предметъ всѣхъ ихъ стараній, и утратить выгоду столькихъ трудовъ, доведенныхъ до успѣшнаго конца; но что же дѣлать! Факторія, построен-

ная на этой подвижной почвѣ, не могла уже оказывать никакихъ услугъ Гудзонбайской компаніи: рано или поздно, островъ долженъ былъ растаять, и она все равно пошла бы ко дну.

Единственное неблагопріятное обстоятельство — лейтенантъ въ особенности настаивалъ на этомъ условіи — заключалось въ томъ, что въ продолженіе восьми или девяти недѣль до замерзанія Сѣвернаго океана островъ Викторіи могъ быть отнесенъ далеко на югъ или на сѣверъ.

Все зависѣло отъ неизвѣстныхъ теченій, установившихся у входа въ Беринговъ проливъ, и нужно было тщательно опредѣлить ихъ направленіе по картѣ Сѣвернаго океана. У Джэспера Гобсона была одна изъ этихъ картъ, и онъ попросилъ мистресъ Полину Барнеттъ, Мэджъ, астронома и сержанта послѣдовать за нимъ въ его комнату; но, не сходя еще съ мыса Батурстъ, онъ снова напомнилъ имъ о безусловномъ сохраненіи тайны о настоящемъ ихъ положеніи.

— Положеніе наше не такъ отчаянно, — прибавилъ онъ, — и я не нахожу нужнымъ смущать нашихъ товарищей, которые, можетъ-быть, и не увидятъ особенно дурныхъ случайностей.

— Однако, — замѣтила мистресъ Полина Барнеттъ, — не было бы благоразумнѣе начать теперь же постройку судна, достаточно большого, чтобы помѣстить всѣхъ насъ, и которое могло бы выдержать плаваніе въ нѣсколько сотъ миль.

— Это, дѣйствительно, будетъ благоразумно, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ, — мы такъ и сдѣлаемъ. Я придумаю какой-нибудь предлогъ для немедленнаго начатія этой работы и отдамъ приказаніе старшему плотнику, чтобы онъ началъ постройку прочнаго судна. Но для меня этотъ способъ возвращенія будетъ только въ крайнемъ случаѣ. Важнѣе всего избѣгнуть момента распаденія льдины, и потомъ мы будемъ стараться достигнуть земли посуху, какъ только замерзнетъ море.

Это былъ, дѣйствительно, самый лучшій способъ. Необходимо было, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца для постройки судна отъ тридцати до тридцати-шести тоннъ, а черезъ три мѣсяца оно не могло быть употреблено, потому что море будетъ тогда уже несвободно. Но если бъ лейтенанту и удалось перевезти маленькую колонію, то это была бы счастливая случайность, потому что посадить всѣхъ на судно во время теченія льдовъ — пріемъ очень опасный. Поэтому Джэсперъ Гобсонъ справедливо смотрѣлъ на предположенное судно, какъ на самое крайнее средство, и мнѣніе его всѣми было принято.

Снова было обѣщано лейтенанту, какъ лучшему судьѣ въ этомъ дѣлѣ, сохраненіе полной тайны. Черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи съ мыса Батурстъ, маленькое общество усѣлось въ общей залѣ, которая была совершенно свободна, потому что каждый имѣлъ занятіе внѣ дома.

Лейтенантъ принесъ превосходную карту атмосферическихъ и океаническихъ теченій, и было приступлено къ точному изслѣдованію той части Ледовитаго океана, которая простирается отъ мыса Батурстъ до Берингова пролива.

Два главныхъ теченія раздѣляютъ опасныя морскія пространства, лежащія между полярнымъ кругомъ и тѣмъ неизвѣстнымъ поясомъ, который называется „Сѣверо-западнымъ проходомъ“ со времени открытія Макъ-Клера, — по крайней мѣрѣ, гидрографическія изслѣдованія не обозначаютъ другихъ.

Одно изъ нихъ именуется Камчатскимъ теченіемъ. Начавшись на широтѣ полуострова этого имени, оно слѣдуетъ вдоль азіатскаго берега и перерѣзываетъ Беринговъ проливъ, доходя до Восточнаго мыса, крайней точки земли чукчей. Общее направленіе его съ юга на сѣверъ круто заворачивалось около шестисотъ миль за проливомъ и устремлялось прямо къ востоку, слѣдуя почти параллельно проходу Макъ-Клера, которому оно, безъ сомнѣнія, способствуетъ быть удобнымъ для плаванія въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ полярнаго года.

Другое теченіе, такъ называемое Берингово, направляется въ противоположную сторону. Пройдя по американскому берегу съ востока на западъ, въ ста слишкомъ миляхъ отъ материка, оно, такъ сказать, сталкивается съ Камчатскимъ теченіемъ при входѣ въ проливъ, потомъ, спускаясь къ югу и подходя къ берегамъ русской Америки, разбивается въ Беринговомъ морѣ о родъ круглой плотины Алеутскихъ острововъ.

Эта карта давала точный перечень самыхъ главнѣйшихъ морскихъ изслѣдованій.

Джэсперъ Гобсонъ разсматривалъ ее очень внимательно, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Потомъ, проведя рукой по лбу, словно желая отогнать какія-то грустныя предчувствія, онъ сказалъ:

— Надобно надѣяться, друзья мои, что роковая сила не увлечетъ насъ до этихъ отдаленныхъ мѣстностей, иначе нашъ пловучій островъ рисковалъ бы никогда не выйти оттуда.

— Отчего же, мистеръ Гобсонъ? — спросила съ живостью мистресъ Полина Барнеттъ.

— Отчего? Присмотритесь къ этой части Сѣвернаго океана, и вы легко поймете причину. Два опасныхъ для насъ теченія идутъ въ немъ въ противоположныя стороны. На мѣстѣ, гдѣ они встрѣчаются, островъ нашъ поневолѣ долженъ будетъ остановиться на огромномъ разстояніи отъ всякой земли. Тутъ именно онъ простоитъ зиму, и когда льды снова начнутъ таять, онъ или послѣдуетъ за Камчатскимъ теченіемъ въ глубь невѣдомыхъ пространствъ сѣверо-запада, или, увлекаемый Беринговымъ теченіемъ, потонетъ въ безднахъ Тихаго океана.

— Этого не случится, господинъ лейтенантъ, — сказала Мэджъ тономъ искренней вѣры: — Богъ не попуститъ этого!

— Но, — возразила мистресъ Полина Барнеттъ, — я не могу представить себѣ, по какой части Полярнаго океана мы плывемъ въ настоящее время, потому что впереди мыса Батурстъ я вижу только опасное Камчатское теченіе, устремляющееся прямо къ сѣверо - западу. Не страшно ли, что оно захватило насъ, и мы идемъ къ сѣверной Георгіи?

— Не думаю, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, помолчавъ съ минуту.

— Отчего же?

— Оттого, что это теченіе очень быстро, миледи, и что если бъ оно насъ захватило, то въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ мы находились бы въ виду какого-нибудь берега, а этого нѣтъ.

— Гдѣ же, по-вашему, мы теперь находимся? — спросила путешественница.

— Безъ сомнѣнія, между Камчатскимъ теченіемъ и берегомъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Вѣроятно, въ пространномъ водоворотѣ, который долженъ существовать у берега.

— Этого не можетъ быть, мистеръ Гобсонъ, — отвѣчала съ живостью мистресъ Полина Барнеттъ.

— Этого не можетъ быть? — повторилъ лейтенантъ. — Почему же, миледи?

— Потому, что островъ Викторіи, будучи подхваченъ водоворотомъ, а слѣдовательно, не имѣя опредѣленнаго направленія, конечно, подвергнулся бы какому-нибудь вращательному движенію.

— Вы правы, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — вы отлично понимаете эти вещи, и я ничего не могу возразить на ваше замѣчаніе, если не существуетъ какого-нибудь неизвѣстнаго теченія, не нанесеннаго на эту карту. Право, какъ ужасна эта неувѣренность! Я желалъ бы, чтобы скорѣе наступилъ завтрашній день, и мы могли бы окончательно убѣдиться въ положеніи острова.

— Настанетъ и завтрашній день, — отвѣчала Мэджъ.

Оставалось только дожидаться. Общество разошлось. Каждый принялся за свои обычныя занятія. Сержантъ Лонгъ предупредилъ товарищей, что предположенный на завтра отъѣздъ въ фортъ Соединенія не состоится. Онъ имъ объяснилъ, что, по здравомъ разсужденіи, время года оказалось довольно позднимъ, чтобы можно было добраться до факторіи прежде большихъ морозовъ, что астрономъ рѣшилъ остаться еще на одну зимовку для пополненія метеорологическихъ наблюденій, что фортъ Надежды не нуждается въ припасахъ и проч. Однимъ словомъ, Лонгъ вполнѣ успокоилъ ихъ.

Лейтенантъ Гобсонъ въ особенности приказалъ охотникамъ щадить пушныхъ звѣрей, съ которыми теперь не зналъ что дѣлать, но посовѣтовалъ охотиться за съѣдобными животными, для пополненія запасовъ факторіи. Онъ имъ приказалъ также не удаляться отъ форта далѣе, чѣмъ на двѣ мили, не желая, чтобы Марбръ, Сабинъ и другіе охотники увидѣли морской горизонтъ тамъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ находился перешеекъ, соединявшій полуостровъ Викторіи съ американскимъ материкомъ. Исчезновеніе узкой полосы земли, безъ сомнѣнія, открыло бы имъ истину.

Этотъ день казался лейтенанту Гобсону нескончаемымъ. Онъ нѣсколько разъ ходилъ на вершину мыса Батурстъ, одинъ или въ сопровожденіи мистресъ Полины Барнеттъ. Путешественница, какъ женщина отважная, ничего не боялась. Будущее не казалось ей ужаснымъ, и она даже шутила, говоря Джэсперу Гобсону, что ихъ островъ, можетъ-быть, дѣйствительно, былъ кораблемъ и могъ дойти до сѣвернаго полюса. При благопріятномъ теченіи почему бы и въ самомъ дѣлѣ не достигнуть этой недоступной точки земного шара?

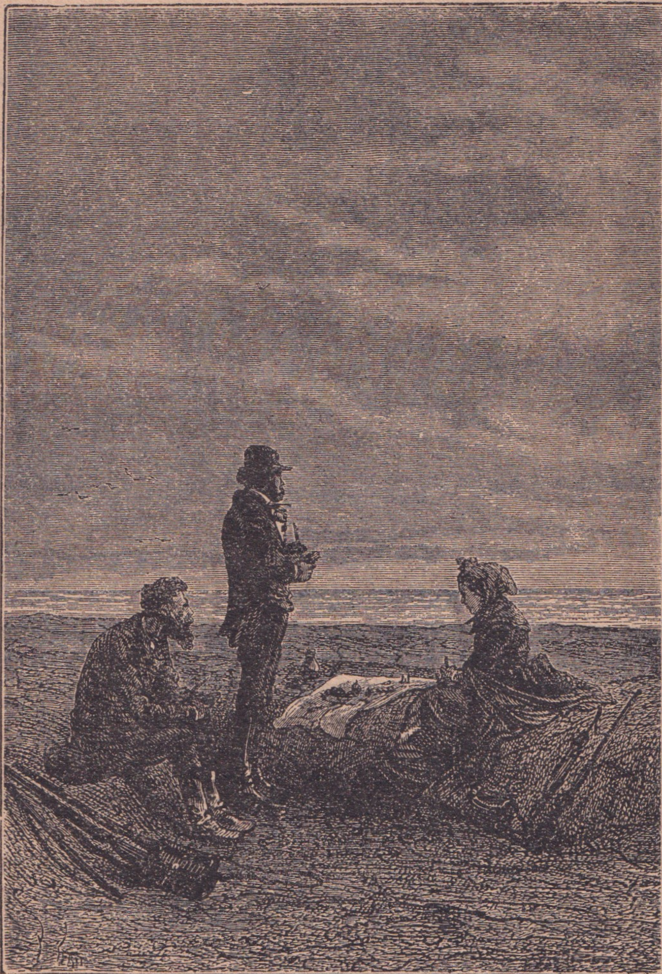
Лейтенантъ Гобсонъ качалъ головой, слушая, какъ его спутница развивала эту теорію, но взоры его не покидали горизонта, въ ожиданіи, не покажется ли вдали какая-нибудь извѣстная или неизвѣстная земля; но небо и море сливались въ круговой линіи, за которою ничего не было видно.

— Мистеръ Гобсонъ, — спросила мистресъ Полина Барнеттъ, — не намѣрены ли вы обойти нашъ островъ, и если намѣрены, то когда?

— Думаю, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ, — какъ только опредѣлю положеніе, осмотрю немедленно его форму и пространство. Эта мѣра необходима для уясненія перемѣнъ, могущихъ случиться въ

будущемъ. Но всего вѣроятнѣе, онъ оторвался на самомъ перешейкѣ, а потому, слѣдовательно, весь полуостровъ превратился въ островъ вслѣдствіе этого разрыва.

— Странная наша судьба, мистеръ Гобсонъ.— Другіе возвращаются изъ путешествій, обогативъ какими-нибудь новыми землями географи-

Они позавтракали, сидя на возвышеніи. (Стр. 20.)

ческій материкъ; а мы, напротивъ, уменьшимъ его, вычеркнувъ на картѣ этотъ мнимый полуостровъ Викторіи, — улыбаясь проговорила путешественница.

На другой день, 18 іюля, въ десять часовъ утра, при чистомъ небѣ, Джэсперъ Гобсонъ взялъ правильно высоту солнца, потомъ, вычисливъ этотъ результатъ и сопоставивъ его со вчерашнимъ наблюденіемъ, опредѣлилъ математически долготу мѣста.

Астрономъ даже не показывался во время этого занятія. Онъ дулся,

сидя у себя въ комнатѣ, какъ больной ребенокъ, какимъ онъ и былъ, разумѣется, внѣ ученой сферы.

Островъ находился въ это время подъ 157°37′ западной долготы отъ Гринвичскаго меридіана.

Мѣстонахожденіе было нанесено на карту въ присутствіи мистресъ Полины Барнеттъ и сержанта Лонга.

Въ этотъ моментъ пловучій островъ былъ отнесенъ на западъ, какъ и предвидѣлъ лейтенантъ Гобсонъ, но теченіе, не обозначенное на картѣ и неизвѣстное гидрографамъ этихъ странъ, очевидно увлекло его къ Берингову проливу. Значитъ, грозили всѣ опасности, которыя предчувствовалъ Джэсперъ Гобсонъ, если бъ до зимы островъ Викторіи не принесло къ берегу.

— Но на какомъ именно разстояніи мы находимся отъ американскаго материка?— спросила путешественница.— Вотъ самый интересный вопросъ въ настоящее время.

Джэсперъ Гобсонъ взялъ компасъ и тщательно измѣрилъ самую узкую полосу моря, оставленную на картѣ между берегомъ и семьдесятъ-третьей параллелью.

— Мы находимся болѣе чѣмъ въ двухстахъ-пятидесяти миляхъ отъ сѣверной оконечности русской Америки, образуемой мысомъ Барроу,— отвѣчалъ онъ.

— Нужно бы узнать, на сколько миль отошелъ островъ отъ мѣста, занимаемаго прежде мысомъ Батурстъ,— сказалъ сержантъ Лонгъ.

— По крайней мѣрѣ, на семьсотъ миль,— отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, снова справившись по картѣ.

— Но въ какое же приблизительно время долженъ былъ оторваться нашъ островъ?

— Безъ сомнѣнія, въ концѣ апрѣля,— отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ. — Дѣйствительно, въ это время отдѣлился островъ и уплылъ вмѣстѣ съ нерастаявшими льдинами къ сѣверу. Поэтому можно допустить, что мы, увлекаемые теченіемъ, параллельнымъ берегу, стремимся къ западу около трехъ мѣсяцевъ, что составитъ среднимъ числомъ отъ девяти до десяти миль въ день.

— Но развѣ это незначительная скорость?— спросила мистресъ Полина Барнеттъ.

— Нѣтъ, довольно значительная,—отвѣчалъ лейтенантъ.—Подумайте только, куда мы можемъ быть увлечены въ продолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, которые оставятъ еще свободными эту часть Сѣвернаго океана!

Лейтенантъ, мистресъ Полина Барнеттъ и сержантъ Лонгъ хранили нѣсколько времени молчаніе. Глаза ихъ не сходили съ карты этихъ полярныхъ пространствъ, которыя такъ упорно защищаются отъ изслѣдованій человѣка, и къ которымъ такъ настойчиво стремятся эти изслѣдованія.

— Стало-быть, въ нашемъ настоящемъ положеніи намъ нечего и предпринимать?— спросила путешественница.

— Нечего, миледи,— отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ,— совершенно нечего. Нужно ожидать, нужно пламенно желать этой сѣверной зимы, которая такъ страшитъ всѣхъ мореплавателей, но которая одна только

можетъ насъ спасти. Зима, это — ледъ, миледи, а ледъ — нашъ единственный якорь спасенія, который можетъ остановить ходъ пловучаго острова.

ГЛАВА III.

Вокругъ острова.

Съ этого дня рѣшили опредѣлять положеніе, какъ это обыкновенно дѣлается на корабляхъ, если только позволитъ погода. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ островъ Викторіи не былъ заблудившимся кораблемъ, странствующимъ на авось, безъ парусовъ и безъ руля!

На другой день по опредѣленіи мѣстонахожденія острова, Джэсперъ Гобсонъ объявилъ, что, не измѣнивъ своего положенія въ широтѣ, островъ подался еще на нѣсколько миль далѣе къ западу. Плотнику Макъ-Нэпу было приказано приступить къ постройкѣ обширнаго судна. Въ объясненіе этого приказанія, Джэсперъ Гобсонъ объявилъ, что намѣренъ будущимъ лѣтомъ изслѣдовать берегъ до русской Америки. Плотникъ, не допытываясь болѣе, началъ выбирать нужный матеріалъ, а мѣстомъ для постройки избранъ песчаный берегъ у подошвы мыса Батурстъ, чтобы удобнѣе было спустить судно въ воду.

Въ тотъ же день лейтенантъ Гобсонъ хотѣлъ привести въ исполненіе свой замыселъ — изслѣдовать мѣстность, гдѣ онъ находился въ заключеніи съ товарищами. Могли произойти значительныя измѣненія въ очертаніи этого ледяного острова, подверженнаго вліянію перемѣнчивой температуры водъ, и было очень важно опредѣлить его настоящую форму, пространство и даже толщину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Линію излома, которая, вѣроятно, находилась на перешейкѣ, необходимо было осмотрѣть особенно тщательно, чтобы узнать, не удастся ли на этомъ свѣжемъ изломѣ различить наслоенія льда и земли, составляющихъ почву острова.

Но въ этотъ день погода нахмурилась, и послѣ обѣда разразилась сильная буря. Небо заволоклось тучами, и пошелъ проливной дождь. Потомъ по кровлѣ дома застучалъ градъ, и вдали послышалось даже нѣсколько ударовъ грома — явленіе весьма рѣдкое въ этихъ отдаленныхъ широтахъ.

Лейтенантъ Гобсонъ долженъ былъ отложить свою экспедицію до болѣе благопріятной погоды. Но 20, 21 и 22 іюля состояніе неба не измѣнилось. Попрежнему буря была сильная, небо мрачное, и волны съ оглушительнымъ шумомъ разбивались о берегъ. Громадныя массы воды бросались на мысъ Батурстъ и, притомъ, съ такою силой, что нельзя было не опасаться за его прочность, которая была весьма сомнительна, потому что онъ состоялъ лишь изъ наслоеній земли и песку безъ твердаго основанія. Нельзя было не пожалѣть кораблей, находившихся въ такую ужасную бурю въ морѣ. Но пловучій островъ не чувствовалъ волненія, и громадная масса его не обращала никакого вниманія на гнѣвъ океана.

Въ ночь съ 22 на 23-е буря вдругъ утихла. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ разогналъ послѣднія облака на горизонтѣ. Барометръ

поднялся на нѣсколько линій, и атмосферическія условія показались лейтенанту Гобсону благопріятными для его экспедиціи.

Мистресъ Полина Барнеттъ и сержантъ Лонгъ должны были ему сопутствовать въ поискахъ. Дѣло шло о двухдневномъ отсутствіи, которое не должно было удивить обитателей факторіи, и вслѣдствіе этого былъ взятъ небольшой запасъ сушеной говядины, сухарей и нѣсколько бутылокъ водки — ноша весьма необременительная для походныхъ мѣшковъ. Тогда дни были очень долги, и солнце скрывалось съ горизонта лишь на нѣсколько часовъ.

По всей вѣроятности, имъ можно было не бояться никакой встрѣчи съ опасными животными. Медвѣди, руководимые инстинктомъ, казалось, покинули островъ Викторіи, когда онъ былъ еще полуостровомъ. Однако, изъ предосторожности, лейтенантъ Гобсонъ, сержантъ Лонгъ и даже мистресъ Полина Барнеттъ вооружились ружьями. Кромѣ того, лейтенантъ и сержантъ взяли кирки и большіе снѣговые ножи — вещи, необходимыя путешественникамъ въ полярныхъ странахъ.

Во время отсутствія Джэспера Гобсона и Лонга начальство надъ фортомъ законнымъ образомъ переходило къ капралу Джолиффу, т. е. къ его маленькой супругѣ, и лейтенантъ зналъ очень хорошо, что вполнѣ могъ довѣриться послѣдней. Что же касается Томаса Блэка, то нельзя было разсчитывать даже на присоединеніе его къ развѣдчикамъ. Во всякомъ случаѣ, астрономъ въ отсутствіе лейтенанта обѣщалъ тщательно наблюдать за пространствомъ сѣвера и измѣненіями, какія могли произойти какъ на морѣ, такъ и въ направленіи острова.

Мистресъ Барнеттъ напрасно пыталась уговорить бѣднаго ученаго: онъ ничего не хотѣлъ слушать. Онъ смотрѣлъ на себя, и не безъ основанія, какъ на игралище природы, и никогда не намѣренъ былъ простить ей эту насмѣшку.

Попрощавшись съ товарищами, мистресъ Полина Барнеттъ и оба ея спутника вышли изъ дому и направились къ западу, описывая продолговатую кривую линію, образуемую берегомъ отъ мыса Батурстъ до Эскимосскаго мыса.

Было восемь часовъ утра. Косые лучи солнца оживляли берегъ. Послѣднее морское волненіе мало-по-малу улеглось. Птицы, разсѣянныя бурей, возвращались назадъ цѣлыми тысячами. Стаи утокъ спѣшили на берега озера Барнеттъ, не зная, что попадутъ въ супъ мистресъ Джолиффъ. Нѣсколько полярныхъ зайцевъ, куницъ, мускусныхъ бобриковъ и горностаевъ подымались при приближеніи путешественниковъ и убѣгали, но безъ особой поспѣшности. Животныя, предчувствуя общую опасность, какъ бы получили способность выносить общество человѣка.

— Они очень хорошо знаютъ, что ихъ окружаетъ море, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — и что они не могутъ уйти съ этого острова.

— Но эти грызуны, зайцы или другіе, — спросила мистресъ Полина Барнеттъ, — развѣ не имѣютъ обыкновенія искать на югѣ болѣе теплаго климата?

— Имѣютъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Но если они не убѣгутъ по льду, имъ придется остаться, подобно намъ, въ заключеніи, и надо опасаться, что большая часть изъ нихъ погибнетъ зимой отъ холода и голода.

— Эти животныя, — сказалъ сержантъ Лонгъ, — окажутъ намъ услугу —

будутъ питать насъ; счастье для колоніи, что они не догадались убѣжать до разрыва перешейка.

— Но птицы, безъ сомнѣнія, оставятъ насъ? — спросила мистрисъ Полина Барнеттъ.

— Да, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Всѣ эти представители пернатыхъ породъ улетятъ до первыхъ холодовъ. Птицы счастливѣе насъ:

Онъ спустился внизъ и подалъ руку сержанту. (Стр. 28.)

онѣ могутъ перелетать большія пространства не уставая, и гораздо скорѣе насъ достигнутъ твердой земли.

— Почему бы имъ не послужить вѣстниками о нашемъ положеніи? — спросила путешественница.

— Это превосходная мысль, миледи! — воскликнулъ лейтенантъ Гобсонъ. — Дѣйствительно, намъ нужно поймать нѣсколько сотъ этихъ птицъ и, привязавъ имъ на шею бумажки, на которыхъ будетъ описано наше

отчаянное положенiе, пустить ихъ на волю. Джонъ Россъ въ 1848 году уже пытался подобнымъ же образомъ извѣщать остатки Франклиновской экспедицiи о присутствiи въ полярныхъ моряхъ своихъ кораблей „Антрепризы“ и „Инвестигатора“. Онъ поймалъ въ капканы нѣсколько сотъ бѣлыхъ лисицъ, каждой изъ нихъ повязалъ на шею мѣдное ожерелье, внизу котораго были вырѣзаны необходимыя свѣдѣнiя, и потомъ распустилъ ихъ по всѣмъ направленiямъ.

— Можетъ-быть, нѣкоторые изъ этихъ вѣстниковъ и попали къ несчастнымъ? — спросила мистресъ Полина Барнеттъ.

— Можетъ-быть, — отвѣтилъ Джэсперъ Гобсонъ. — Во всякомъ случаѣ, я помню, что одна изъ этихъ лисицъ, уже старая, была поймана капитаномъ Гаттерасомъ во время одного изъ его путешествiй, и оказалось, что она носила еще на шеѣ полуистертое ожерелье, какъ бы утонувшее въ ея бѣломъ мѣхѣ. Послѣдуемъ же и мы примѣру Джона Росса и сдѣлаемъ съ птицами то, чего, въ нашемъ положенiи, не можемъ сдѣлать съ четвероногими.

Бесѣдуя такимъ образомъ и строя планы о будущемъ, наши путники слѣдовали по берегу острова. Они не замѣчали въ немъ ни малѣйшей перемѣны. Берегъ былъ попрежнему крутъ, покрытъ землею и пескомъ и не представлялъ никакого свѣжаго излома, присутствiе котораго заставляло бы предполагать, что окружность острова уменьшилась недавно. Во всякомъ случаѣ, было страшно то обстоятельство, что громадная льдина, проходя черезъ болѣе теплыя теченiя, постепенно таяла снизу и уменьшалась въ толщинѣ — предположенiе, которое весьма основательно безпокоило Джэспера Гобсона.

Къ одиннадцати часамъ утра путники прошли восемь миль, отдѣлявшихъ мысъ Батурстъ отъ Эскимосскаго. У послѣдняго они нашли мѣсто стоянки семейства Калюмахъ. Отъ снѣговыхъ хижинъ, конечно, не оставалось ничего, но остывшая зола и тюленьи кости свидѣтельствовали о проходѣ здѣсь эскимосовъ.

Мистресъ Полина Барнеттъ, Джесперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ остановились отдохнуть на этомъ мѣстѣ, намѣреваясь провести короткую ночь у Моржоваго залива, достигнуть котораго они разсчитывали черезъ нѣсколько часовъ. Они позавтракали, сидя на одномъ возвышенiи, поросшемъ жидкою и тощею травой. Предъ ними развертывался широкiй морской горизонтъ съ отчетливою ясностью. Ни одинъ парусъ, ни одна ледяная гора не оживляли этой громадной водяной пустыни.

— Вы очень были бы удивлены, — спросила мистресъ Полина Барнеттъ, — если бъ какое-нибудь судно представилось въ эту минуту вашимъ глазамъ?

— Конечно, удивился бы, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ. — Но, признаюсь, это удивленiе было бы очень радостное. Въ теплое время года китоловы Берингова пролива иногда доходятъ до этой широты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Сѣверный океанъ сдѣлался садкомъ для китовъ и кашалотовъ. Но сегодня у насъ 23 iюля, и лѣта уже прошло много. Вся рыбачья флотилiя, безъ сомнѣнiя, теперь въ заливѣ Коцебу, у входа въ проливъ. Китоловы опасаются, и не безъ основанiя, разныхъ нечаянностей Сѣвернаго океана: они боятся быть затертыми льдами. Вотъ эти-то ледяныя горы и льдины, которыхъ они такъ боятся, именно и нужны намъ, ихъ-то мы и желаемъ для своего спасенiя.

— Онѣ придутъ, лейтенантъ.—отвѣчалъ сержантъ Лонгъ,—только надо имѣть терпѣніе, и черезъ два мѣсяца морскія волны не будутъ разбиваться о мысъ Эскимосовъ.

— Мысъ Эскимосовъ! — воскликнула, улыбаясь, мистресъ Барнеттъ. — Но это названіе, какъ и всѣ тѣ, которыя мы дали проливамъ и мысамъ полуострова, можетъ быть довольно рискованно. Мы уже потеряли портъ Барнеттъ, рѣку Полины, и кто знаетъ, что Эскимосскій мысъ и заливъ Моржей не исчезнутъ въ свою очередь!

— Они также исчезнутъ, миледи, — отвѣтилъ Джэсперъ Гобсонъ, — а послѣ нихъ — и весь этотъ островъ Викторіи, потому что ничто не привязываетъ его больше къ материку, и онъ роковымъ образомъ осужденъ на погибель. Гибель его неизбѣжна, и мы будемъ только безполезно растрачивать географическія имена. Но, во всякомъ случаѣ, названія наши не были еще приняты королевскимъ обществомъ, и почтенному Родрику Мурчисону *) не придется вычеркнуть изъ картъ ни одного названія.

— Нѣтъ, придется вычеркнуть одно, — замѣтилъ сержантъ.

— Какое? — спросилъ Джэсперъ Гобсонъ.

— Мысъ Батурстъ, — отвѣчалъ Лонгъ.

— Дѣйствительно, вы правы, сержантъ: теперь очередь мыса Батурстъ быть вычеркнутымъ изъ полярной картографіи.

Двухъ часовъ отдыха достаточно было для путниковъ. Въ часъ пополудни они пошли далѣе.

Передъ уходомъ Джэсперъ Гобсонъ съ высоты Эскимосскаго мыса бросилъ послѣдній взглядъ на окрестное море и, не замѣтивъ ничего достойнаго вниманія, спустился внизъ и присоединился къ своимъ спутникамъ.

— Миледи, — обратился онъ къ мистресъ Полинѣ Барнеттъ, — вы, я полагаю, не забыли туземнаго семейства, которое мы встрѣчали именно здѣсь передъ окончаніемъ зимы?

— Нѣтъ, мистеръ Гобсонъ, и я сохранила объ этой доброй бѣдняжкѣ Калюмахъ самое лучшее воспоминаніе. Она даже обѣщала навѣстить насъ въ фортѣ Надежды — обѣщаніе, котораго ей теперь невозможно исполнить. Но что заставило васъ спросить меня объ этомъ?

— Видите ли, миледи, я припомнилъ одинъ фактъ, который мнѣ тогда не казался достаточно серьезнымъ, и который пришелъ мнѣ теперь на память.

— Какой фактъ?

— Помните ли вы то безпокойное удивленіе, которое было обнаружено эскимосами при видѣ того, что мы основали факторію у подошвы мыса Батурстъ?

— Хорошо помню, лейтенантъ Гобсонъ.

— А помните, какъ я настойчиво хотѣлъ угадать мысль этихъ туземцевъ, но, къ несчастью, мнѣ это не удалось?

— Да, дѣйствительно...

— Ну, вотъ теперь, — сказалъ лейтенантъ Гобсонъ, — я понялъ ихъ качанье головой. Эти эскимосы, по преданью, по опыту, наконецъ, по какой-нибудь причинѣ, знали свойство и происхожденіе полуострова

---

*) Тогдашній президентъ общества.

Викторіи. Они знали, что мы построились не на прочной почвѣ. Но, безъ сомнѣнія, этотъ порядокъ вещей длился вѣка, они не считали опасность близкою, а потому не находили нужнымъ выяснить намъ ее.

— Должно-быть, мистеръ Гобсонъ; но, конечно, Калюмахъ не были извѣстны подозрѣнія родственниковъ, въ противномъ случаѣ, бѣдное дитя не задумалось бы предостеречь насъ, — сказала мистресъ Барнеттъ.

Насчетъ этого лейтенантъ Гобсонъ раздѣлялъ мнѣніе мистресъ Барнеттъ.

— Нужно сознаться, — сказалъ сержантъ, — что какая-то роковая сила заставила насъ поселиться на этомъ полуостровѣ именно въ ту минуту, когда онъ долженъ былъ оторваться отъ материка, чтобы странствовать по морямъ. Вѣроятно, лейтенантъ, давно, много лѣтъ, онъ находился въ этомъ положеніи. Вѣка, можетъ-быть.

— Вы можете сказать — тысячелѣтія, сержантъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Подумайте, что растительная земля, по которой мы ходимъ въ настоящую минуту, приносилась сюда вѣтрами по пылинкѣ, и что песокъ долеталъ до этихъ мѣстъ песчинками. Сколько же требовалось времени, чтобы изъ занесенныхъ сюда сѣмянъ разрослись эти ели, березы и кустарники! Можетъ-быть, эта льдина, на которой мы носимся, осталась еще отъ сотворенія міра.

— Ну, что жъ! — воскликнулъ сержантъ Лонгъ. — Эта капризная льдина могла бы подождать еще нѣсколько столѣтій и тѣмъ избавить насъ отъ безпокойства, а можетъ-быть, и опасности.

Этимъ весьма справедливымъ замѣчаніемъ окончился разговоръ, и путники отправились далѣе.

Отъ Эскимосскаго мыса до залива Моржей морской берегъ шелъ, слѣдуя направленію сто-двадцать-седьмого меридіана. Позади, на разстояніи четырехъ или пяти миль, виднѣлся остроконечный край озера, блестѣвшаго отъ солнечныхъ лучей, а немного дальше виднѣлись послѣдніе лѣсистые скаты, обрамлявшіе его берега. Нѣсколько орловъ пролетѣло въ воздухѣ, шумя своими громадными крыльями. Многочисленныя пушныя животныя: куницы, визоны, горностаи, скрываясь за нѣкоторыми песчаными возвышенностями или за жидкими кустами ежевики и лозы, смотрѣли на путниковъ. Они, повидимому, понимали, что имъ нечего бояться ружейныхъ выстрѣловъ. Джэсперъ Гобсонъ замѣтилъ также нѣсколько бобровъ, бродившихъ безъ цѣли и сбившихся съ пути послѣ исчезновенія ихъ маленькой рѣчки. Не имѣя хижинъ и проточной воды для устройства жилищъ, они осуждены были погибнуть отъ холода при началѣ большихъ морозовъ. Сержантъ Лонгъ узналъ также стаю волковъ, перебѣгавшихъ черезъ равнину.

Можно было думать, что представители всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ попали на пловучій островъ, и что плотоядныя, проголодавшись зимою, — такъ какъ имъ нельзя было пойти искать пищи въ болѣе тепломъ климатѣ, — могли сдѣлаться опасными для обитателей форта Надежды.

Однихъ только бѣлыхъ медвѣдей — на что, конечно, не слѣдовало жаловаться — недоставало фаунѣ острова. Впрочемъ, сержанту Лонгу показалась неясно, сквозь чащу березъ, какая-то огромная бѣлая масса; но, послѣ болѣе тщательнаго наблюденія, онъ подумалъ, что, должно-быть, ошибся.

Эта часть берега, смежная съ заливомъ Моржей, вообще мало возвышалась надъ уровнемъ моря. Нѣкоторыя мѣста ея даже равнялись съ водою, и послѣдніе остатки волненія покрывали пѣною ихъ поверхность. Нельзя было не опасаться, что на этой части острова почва понизилась очень недавно; но такъ какъ не было никакихъ указаній, то и не представлялось возможности опредѣлить важность этой перемѣны.

Джэсперъ Гобсонъ жалѣлъ, что не велѣлъ раньше сдѣлать зарубокъ возлѣ мыса Батурстъ: эти зарубки позволяли бы ему замѣчать пониженіе и осѣданіе берега; но обѣщалъ себѣ принять эту мѣру предосторожности тотчасъ же по возвращеніи въ факторію.

Понятно, что во время этой экспедиціи наши путники не могли итти ск ро. Они часто останавливались, осматривали почву, наблюдали, нѣтъ ли какой свѣжей трещины, а иной разъ изслѣдователи должны были на полмили углубляться внутрь острова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сержантъ втыкалъ вербовыя и березовыя вѣтки, которыя могли служить на будущее время указателями, что особенно было важно на болѣе низкихъ пространствахъ, прочность которыхъ казалась сомнительною. Послѣ этого легко было видѣть могущія случиться перемѣны.

Но, во всякомъ случаѣ, путники продолжали движеніе впередъ, такъ что около трехъ часовъ пополудни заливъ Моржей былъ не болѣе, какъ въ трехъ миляхъ къ югу. Лейтенантъ Гобсонъ могъ теперь указать мистресъ Полинѣ Барнеттъ на перемѣну, происшедшую отъ разрыва перешейка, — перемѣну, дѣйствительно, очень серьезную.

Прежде горизонтъ на юго-западѣ заграждался весьма длинною линіей берега, закругленнаго надъ обширнымъ Ливерпульскимъ заливомъ; теперь линія воды замыкала этотъ горизонтъ. Островъ Викторіи теперь заканчивался тамъ острымъ угломъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершился разрывъ. Всѣ чувствовали, что за этимъ угломъ взорамъ представится громадное море, омывающее южную часть полуострова по всей этой линіи, нѣкогда прочной, простиравшейся отъ залива Моржей до залива Уасборна.

Мистресъ Полина Барнеттъ смотрѣла на этотъ новый видъ не безъ нѣкотораго волненія. Она ждала этого; а между тѣмъ, сердце ея сильно билось. Она искала глазами материка, недостававшаго на горизонтѣ, — материка, который остался теперь болѣе чѣмъ на двѣсти миль назади, и очень хорошо сознавала, что стоитъ уже не на американской землѣ. Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ также раздѣляли волненіе своей спутницы.

Всѣ прибавили шагу, чтобы скорѣе добраться до остраго угла, замыкавшаго югъ. Почва немного поднималась на этой части берега. Слой земли и песку былъ толще, что объясняется близостью этой части къ материку, къ которому прежде присоединялся островъ. Толщина ледяной коры и земляного слоя на этомъ мѣстѣ соединенія, возраставшая, вѣроятно, съ каждымъ столѣтіемъ, доказывала, отчего перешеекъ этотъ долженъ былъ держаться до тѣхъ поръ, пока геологическое явленіе не вызвало разрыва. Землетрясеніе 3 января поколебало только американскій материкъ, но достаточно было толчка, чтобы оторвать полуостровъ и отдать его во власть океана. Наконецъ, въ четыре часа путники обогнули уголъ. Заливъ Моржей, врѣзывавшійся въ твердую землю, не существовалъ. Онъ остался на материкѣ.

— Право, миледи, — серьезно сказалъ сержантъ Лонгъ путешественницѣ, — счастье ваше, что мы не назвали его заливомъ Полины Барнеттъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчала послѣдняя, — я сама начинаю вѣрить, что я слишкомъ плохая крестная мать для географическихъ названій.

ГЛАВА IV.

Ночлегъ.

Итакъ Джэсперъ Гобсонъ не ошибся относительно точки разрыва: землетрясенію уступилъ перешеекъ. Не было никакого слѣда американскаго материка — ни скалы ни вулкановъ на западной сторонѣ острова, повсюду море.

Уголъ, образовавшійся на юго-западѣ острова отъ отдѣленія льдины, представлялъ довольно острый мысъ, который, будучи подмытъ болѣе теплыми водами и выставленъ на всѣ удары, очевидно, не могъ избѣгнуть близкаго разрушенія.

Путники продолжали путь. Мѣсто разрыва было чисто, точно произведено острымъ орудіемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было видѣть расположеніе почвы. Берегъ этотъ, состоящій наполовину изо льда, наполовину изъ земли и песку, возвышался футовъ на двѣнадцать. Онъ былъ положительно отвѣсный, безъ малѣйшаго откоса, и нѣкоторыя болѣе свѣжія полосы свидѣтельствовали о недавнемъ разрывѣ. Сержантъ Лонгъ указалъ даже на двѣ или на три небольшія льдины, которыя окончательно таяли въ морѣ. Понятно, что при движеніи прибоя теплая вода легче подмывала эту новую окраину, которую время не успѣло еще одѣть, подобно остальному берегу, покровомъ изъ снѣга и песка. Это обстоятельство очень безпокоило Джэспера Гобсона и его спутниковъ.

Путники, прежде чѣмъ остановиться на отдыхъ, захотѣли окончить осмотръ южнаго предѣла острова. Солнце, слѣдуя по весьма длинной дугѣ, не должно было зайти ранѣе одиннадцати часовъ вечера, а слѣдовательно, въ распоряженіи нашихъ путниковъ находился еще небольшой остатокъ дня. Блестящее свѣтило медленно склонялось къ западному горизонту, и косые лучи его чрезмѣрно удлиняли тѣни нашихъ развѣдчиковъ, которые то оживленно разговаривали между собою, то молчали, посматривая на море и думая о будущемъ.

Джэсперъ Гобсонъ намѣревался провести ночь у залива Уасборна. Достигнувъ этой точки, они сдѣлали бы около восемнадцати миль, т. е., если онъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ, половину своего кругового пути. Потомъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ и давъ своей спутницѣ возстановить изнуренныя силы, онъ разсчитывалъ возвратиться въ фортъ Надежды по западному берегу.

При изслѣдованіи новой мѣстности между заливами Моржей и Уасборномъ не произошло ничего особеннаго. Въ семь часовъ вечера лейтенантъ Гобсонъ былъ уже на мѣстѣ предположеннаго ночлега. Съ этой стороны тоже было измѣненіе. Отъ залива Уасборна не оставалось ничего, кромѣ продолговатой дуги, образуемой берегомъ острова; эта дуга

прежде ограничивала заливъ съ сѣвера. Она тянулась до самаго возвышенія, названнаго мысомъ Митчель, на протяженіи семи миль. Эта часть острова, повидимому, нисколько не пострадала отъ разрыва перешейка. Заросли сосенъ и березъ, находившіяся немного назади, зеленѣли, одѣтыя полною листвой. По равнинѣ пробѣгали въ большомъ количествѣ пушные звѣри.

Капралъ защищалъ засѣянныя гряды отъ птицъ. (Стр. 35.)

Мистресъ Полина Барнеттъ и оба ея спутника остановились на этомъ мѣстѣ. Если взоръ ихъ ограничивался на сѣверѣ, то на югѣ могъ обнимать цѣлую половину горизонта. Солнце уже было такъ низко, что изъ-за возвышенностей почвы, находившихся на западѣ, оно не могло освѣщать берега залива Уасборна. Но это еще была не ночь, даже не сумерки, потому что дневное свѣтило еще не скрылось.

— Господинъ лейтенантъ, — сказалъ сержантъ Лонгъ самымъ серьез-

нымъ тономъ, — если бы здѣсь какимъ-нибудь чудомъ зазвонилъ колоколъ, что значило бы это по-вашему?

— Часъ ужина, сержантъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Я думаю, что и мистресъ Барнеттъ раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Вполнѣ раздѣляю,— отвѣчала путешественница.— И намъ остается только поудобнѣе усѣсться. Вотъ коверъ изъ моха, правда, немного подержанный, но все-таки, кажется, разостланный именно для насъ Провидѣніемъ.

Мѣшокъ съ припасами былъ открытъ. Сушеная говядина, пирогъ съ зайчиной и нѣсколько сухарей составляли весь дорожный ужинъ.

Окончивъ черезъ четверть часа трапезу, Джэсперъ Гобсонъ возвратился къ юго-восточному краю острова въ то время, какъ мистресъ Барнеттъ отдыхала, сидя у корня тощей ели, а сержантъ Лонгъ занимался приготовленіемъ ночлега.

Лейтенанту Гобсону хотѣлось разсмотрѣть устройство льдины, составлявшей островъ, и, если возможно, узнать способъ ея образованія. Мѣстность позволила ему спуститься къ самой водѣ, и онъ могъ разсматривать отвѣсную стѣну, служившую берегомъ.

Въ этомъ мѣстѣ почва подымалась только на три фута надъ водою. Въ верхней части она состояла изъ довольно тонкаго слоя земли и песку, съ примѣсью истертыхъ раковинъ, а нижняя часть была изъ плотнаго льда, весьма твердаго, какъ-бы металлическаго, который и поддерживалъ наносный слой острова. Ледяной слой поднимался не выше фута надъ уровнемъ моря. На этомъ свѣжемъ изломѣ ясно виднѣлись наслоенія, однообразно раздѣлявшія массу. Эти горизонтальные пласты, казалось, показывали, что послѣдовательныя замерзанія совершались въ водахъ болѣе спокойныхъ.

Извѣстно, что замерзаніе начинается съ верхнихъ частей жидкости; потомъ, съ увеличеніемъ мороза, слой льда утолщается сверху внизъ. Такъ совершается замерзаніе спокойныхъ водъ. При теченіи же замѣчено, что льдины образуются внизу и потомъ всплываютъ на поверхность.

Что же касается основанія острова Викторіи, не было сомнѣнія, что на берегу американскаго материка оно произошло въ спокойныхъ водахъ. Замерзаніе поэтому совершалось сверху, и по здравой логикѣ должно было допустить, что таяніе начнется съ нижней части. Толщина льдины уменьшится, когда ее подмоютъ болѣе теплыя воды, и, по мѣрѣ таянія, она будетъ все глубже и глубже опускаться въ океанъ.

Вотъ въ чемъ заключалась главная опасность.

Какъ мы уже сказали, Джэсперъ Гобсонъ замѣтилъ, что прочный слой острова, собственно льдина, подымался не выше фута надъ поверхностью моря, а потому можно было навѣрно полагать, что подъ водою было еще четыре слоя. Замѣчено, что ледяныя горы, выдающіяся на футъ изъ воды, имѣютъ подъ водою четыре фута. Надо, однако, сказать, что смотря по способу образованія или происхожденія, плотность, или, если угодно, специфическій вѣсъ пловучихъ льдинъ, измѣняется. Тѣ, которыя произошли изъ морской воды, бываютъ скважисты, непрозрачны, голубого или зеленаго цвѣта, смотря по проходящимъ сквозь нихъ лучамъ, и относительно легкаго вѣса, сравнительно со льдинами прѣсноводными. Поэтому выдающаяся ихъ поверхность возвы-

шается болѣе надъ уровнемъ океана. Не было сомнѣнія, что основа острова Викторіи состояла изъ замерзшей морской воды. Все это привело лейтенанта Гобсона къ заключенію, что, принявъ въ расчетъ тяжесть минеральнаго и растительнаго слоя, покрывавшаго льдину, толщина ея въ водѣ должна быть отъ четырехъ до пяти футовъ. Что же касается возвышенностей острова, то, должно-быть, онѣ состояли изъ земли и песку.

Обстоятельство это очень встревожило Джэспера Гобсона. Только пять футовъ! А между тѣмъ, какъ много было причинъ разрушенія! Одною изъ главныхъ причинъ могло быть столкновеніе острова съ такимъ же ледянымъ великаномъ; подобное столкновеніе, конечно, окончилось бы гибелью форта Надежды и его обитателей; кромѣ того, сильное волненіе во время бури легко могло разломать такую, сравнительно тонкую, ледяную кору на нѣсколько частей, потомъ на болѣе мелкія льдины и, наконецъ, совсѣмъ уничтожить. Находясь подъ впечатлѣніемъ этой двойной опасности, Джэсперъ Гобсонъ отъ души желалъ только одного — полярной зимы и такого холода, чтобы ртуть замерзла въ термометрѣ: одинъ только полярный холодъ могъ укрѣпить основу острова и въ то же время установить сообщеніе между нимъ и материкомъ.

Лейтенантъ возвратился къ своимъ спутникамъ.

Сержантъ Лонгъ занимался устройствомъ спальни; онъ не хотѣлъ провести ночь подъ открытымъ небомъ, на что, впрочемъ, уже готова была путешественница. Онъ заявилъ Джэсперу Гобсону о своемъ намѣреніи выкопать родъ ледяного дома, достаточно широкаго для троихъ, такъ, чтобы онъ могъ предохранить ихъ отъ ночного холода.

— Въ странѣ эскимосовъ, — прибавилъ онъ, — ничего нѣтъ умнѣе, какъ держать себя по-эскимосски.

Лейтенантъ согласился, но посовѣтовалъ сержанту не слишкомъ углубляться въ ледъ, который былъ не толще пяти футовъ.

Сержантъ Лонгъ принялся за дѣло. Съ помощью кирки и снѣгового ножа, онъ живо раскопалъ землю и вырылъ нѣчто въ родѣ узкаго покатаго прохода прямо къ ледяной корѣ, которую земля и песокъ покрывали много столѣтій.

Не болѣе часа потребовалось для устройства этого подземелья съ ледяными стѣнами, способнаго сохранять теплоту, а потому могущаго служить пріютомъ на нѣсколько часовъ ночи.

Въ то время, когда сержантъ Лонгъ копался, подобно кроту, лейтенантъ Гобсонъ объяснялъ спутницѣ результаты своихъ наблюденій относительно физическаго устройства острова. Онъ не скрылъ своихъ серьезныхъ опасеній, вынесенныхъ изъ этого осмотра. По его мнѣнію, такая толщина льдины должна была способствовать сначала просачиванію воды, а потомъ и трещинамъ, которыхъ нельзя было предвидѣть и противъ которыхъ, слѣдовательно, невозможно было предпринять никакихъ мѣръ предосторожности. Пловучій островъ могъ каждую минуту или погрузиться въ воду, вслѣдствіе перемѣны своего специфическаго вѣса, или раздѣлиться на многіе островки, существованіе которыхъ не могло быть продолжительно. По его убѣжденію, обитатели форта Надежды должны были, по возможности, не удаляться далеко отъ факторіи и оставаться вмѣстѣ, чтобы всѣмъ раздѣлить одинаковую участь.

Вдругъ послышались крики.

Мистресъ Полина Барнеттъ и лейтенантъ разомъ вскочили. Они оглянулись вокругъ на кусты, на равнину, на море — нигдѣ никого, а между тѣмъ, крики усиливались.

— Сержантъ! сержантъ! — началъ звать Лонга лейтенантъ Гобсонъ.

Въ сопровожденіи мистресъ Барнеттъ, онъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ работалъ Лонгъ. Едва они прибыли къ ямѣ, какъ увидѣли, что сержантъ, схватившись обѣими руками за ножъ, который онъ вонзилъ въ ледъ, звалъ на помощь, хотя и громко, но съ полнымъ хладнокровіемъ.

— Держитесь крѣпче! — закричалъ ему лейтенантъ Гобсонъ.

Онъ спустился внизъ и подалъ руку сержанту, который съ его помощью успѣлъ выкарабкаться на берегъ.

— Боже мой, сержантъ, что съ вами случилось? — воскликнула мистресъ Полина Барнеттъ.

— Да вотъ, миледи, — отвѣчалъ Лонгъ, отряхиваясь точно мокрый пудель, — ледъ подо мною проломился, и я взялъ невольную ванну.

— Значитъ, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — вы не обратили вниманія на мое предостереженіе — не рыть слишкомъ глубоко подъ слоемъ земли.

— Господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ Лонгъ, — вы можете сами видѣть, что я прорубилъ ледъ только на пятнадцать дюймовъ. Но надо полагать, что здѣсь ледъ былъ вздутъ и образовалъ какъ бы сводъ пещеры. Онъ не лежалъ на водѣ, и я провалился въ него, словно сквозь обрушивающійся потолокъ. Если бы я не ухватился за свой ножъ, то ушелъ бы подъ островъ, а это было бы очень грустно, не правда ли, миледи?

— Болѣе, чѣмъ грустно, добрый сержантъ, — отвѣчала путешественница, протягивая Лонгу руку.

Объясненіе сержанта было вѣрно. Въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе скопленія воздуха, ледъ образовалъ родъ свода надъ водою, и тонкая ледяная кора, тронутая ножомъ, проломилась подъ тяжестью сержанта.

Этотъ порядокъ вещей, господствовавшій, вѣроятно, во многихъ частяхъ острова, былъ весьма неуспокоителенъ. Можно ли, въ такомъ случаѣ, быть увѣреннымъ, что ходишь по прочной почвѣ? Развѣ почва не могла уступить на каждомъ шагу при давленіи? И когда приходила мысль, что подъ этими тонкими слоями земли и неба разверзались бездны океана, какое сердце не сжималось отъ страха, несмотря на всю свою твердость!

Однако, сержантъ Лонгъ, не обращая вниманія на холодную ванну, хотѣлъ было возобновить свою работу въ другомъ мѣстѣ, но на этотъ разъ мистресъ Полина Барнеттъ не изъявила своего согласія. Провести ночь подъ открытымъ небомъ не было для нея особеннымъ неудобствомъ. Сосѣдніе кусты могли служить довольно удобнымъ мѣстомъ ночлега для нея и ея спутниковъ, и она рѣшительно воспротивилась намѣренію сержанта вырыть новую пещеру. Сержантъ принужденъ былъ повиноваться.

Стоянку перенесли шаговъ на сто отъ берега, на небольшую возвышенность, гдѣ росло нѣсколько сосенъ и березъ. Яркій костеръ изъ сухихъ вѣтвей запылалъ около десяти часовъ вечера, какъ разъ въ то

время, когда солнце касалось краевъ горизонта, чтобы снова появиться черезъ нѣсколько часовъ.

Сержанту Лонгу представлялся прекрасный случай высушиться, что онъ и исполнилъ. Онъ бесѣдовалъ съ Джэсперомъ Гобсономъ до наступленія сумерекъ. Мистресъ Полина Барнеттъ по временамъ тоже при-

Цѣпляясь за кусты, ему удалось взойти на вершину. (Стр. 40.)

нимала участіе въ этой бесѣдѣ и старалась разсѣять мрачныя мысли лейтенанта. Эта прекрасная ночь, съ усѣяннымъ звѣздами небомъ, какъ и всѣ полярныя ночи, очень успокоительно дѣйствовала на душу. Вѣтерокъ слегка шумѣлъ еловыми вѣтвями. Море, повидимому, дремало у берега, и только по временамъ слабая волна едва колебала поверхность воды и безъ шума разстилалась на окраинѣ острова. Ни птичьяго крика въ воздухѣ ни малѣйшаго звука на равнинѣ, и только трескъ еловыхъ

вѣтвей, пожираемыхъ пламенемъ, да тихій говоръ голосовъ, уносившійся въ пространство, нарушали тишину этой великолѣпной ночи.

— Кто могъ бы повѣрить, — сказала мистресъ Полина Барнеттъ,— что мы несемся по поверхности океана. Право, мистеръ Гобсонъ, мнѣ нужно нѣкоторое усиліе, чтобы примириться съ очевидностью, потому что это море кажется неподвижнымъ, хотя и уноситъ насъ съ непреодолимою силой.

— Да, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — я сознаюсь, что если бъ палуба нашего судна была прочна, если бъ его подводная часть не должна была рано или поздно разрушиться, если бъ его остову не угрожало сегодня или завтра распаденіе и, наконецъ, если бъ я зналъ, куда оно несетъ насъ,— я находилъ бы даже нѣкоторое удовольствіе плавать такимъ образомъ по этому океану.

— Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Гобсонъ, — проговорила путешественница, — развѣ есть способъ передвиженія пріятнѣе нашего? Мы идемъ нечувствительно. Нашъ островъ двигается именно со скоростью теченія, которое уноситъ его. Не то же ли это явленіе, которое бываетъ съ воздушнымъ шаромъ? Притомъ, какое удовольствіе путешествовать со всѣмъ своимъ домомъ, садомъ, паркомъ, то-есть со всѣмъ владѣніемъ! Пловучій островъ, но островъ настоящій, съ прочнымъ основаніемъ, не подверженный потопленію,— это было бы, дѣйствительно, самое удобное судно, какое можно только вообразить. Говорятъ, что были прежде висячіе сады; развѣ не могутъ сдѣлать со временемъ пловучихъ парковъ, на которыхъ люди переплывали бы во всѣ концы свѣта? Огромные размѣры сдѣлали бы ихъ нечувствительными къ качкѣ, и имъ нечего было бы страшиться бурь. И кто знаетъ, можетъ-быть, представилась бы возможность заставить ихъ при попутномъ вѣтрѣ двигаться подъ парусами. И потомъ, какія чудеса представила бы природа людямъ, когда они изъ умѣренныхъ поясовъ перенеслись бы подъ тропики! Вообразить только, что при помощи искусныхъ лоцмановъ, хорошо знакомыхъ съ теченіями, можно было бы держаться въ извѣстныхъ широтахъ и, по желанію, наслаждаться вѣчною весной!

Джэсперъ Гобсонъ не могъ не улыбнуться восторженнымъ мечтаніямъ мистресъ Полины Барнеттъ. Конечно, опредѣливъ свое положеніе, можно было бы не жаловаться на этотъ странный способъ морского путешествія, но, во всякомъ случаѣ, съ условіемъ, что островъ не растаетъ и не обрушится въ бездну.

Прошла ночь. Путники уснули нѣсколько часовъ. Проснувшись, они позавтракали; каждому завтракъ показался превосходнымъ. Во время сна разложенный костеръ согрѣвалъ имъ ноги, озябшія отъ ночного холода.

Въ шесть часовъ утра Джэсперъ Гобсонъ сержантъ Лонгъ и мистресъ Полина Барнеттъ отправились въ дорогу.

Берегъ отъ мыса Митчель до прежняго порта Барнеттъ направлялся почти по прямой линіи отъ юга къ сѣверу, на разстояніи одиннадцати миль. Онъ не представлялъ никакой особенности и, казалось, нисколько не пострадалъ отъ разрыва перешейка. Это было обыкновенное низкое и мало извилистое побережье. Сержантъ Лонгъ, по приказанію лейтенанта, сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ, по которымъ впослѣдствіи можно было бы судить о перемѣнахъ.

Лейтенантъ Гобсонъ хотѣлъ, и очень основательно, притти въ фортъ Надежды въ тотъ же вечеръ. Мистресъ Барнеттъ, съ своей стороны, спѣшила увидѣться съ товарищами и друзьями, да притомъ обстоятельства, въ которыхъ они находились, не допускали продолжительнаго отсутствія начальника факторіи.

Поэтому путники пошли прямо наперерѣзъ къ югу и обогнули небольшой мысъ, защищавшій прежде портъ Барнеттъ отъ восточныхъ вѣтровъ.

Отсюда было не болѣе восьми миль до форта Надежды. Къ четыремъ часамъ вечера наши развѣдчики возвратились въ факторію, и капралъ Джолиффъ привѣтствовалъ ихъ громкимъ „ура".

ГЛАВА V.

Съ 25-го іюля по 20-е августа.

По возвращеніи въ фортъ, первою заботой лейтенанта Гобсона было разспросить Томаса Блэка о состояніи маленькой колоніи. Оказалось, что въ продолженіе сутокъ не произошло никакой перемѣны. Но островъ, какъ показывали точныя наблюденія, спустился на одинъ градусъ широты, то-есть отошелъ къ юго-западу. Онъ находился на высотѣ Ледяного мыса, въ западной Георгіи, и въ двухстахъ миляхъ отъ американскаго берега. Быстрота теченія въ этихъ широтахъ, кажется, была немного сильнѣе, чѣмъ въ восточной части Сѣвернаго океана, и островъ, къ величайшей досадѣ Джэспера Гобсона, стремился въ сторону Берингова пролива. Было еще только 24-е іюля, и сравнительно быстрое теченіе ранѣе мѣсяца могло унести островъ Викторіи черезъ Беринговъ проливъ въ теплыя воды Тихаго океана, гдѣ островъ распустился бы, подобно куску сахара въ стаканѣ воды.

Мистресъ Барнеттъ сообщила Мэджъ о своихъ развѣдкахъ вокругъ острова. Она разсказала ей о расположеніи наслоеній на обрывѣ, о пятифутовой толщинѣ льдины подъ водой, о случаѣ съ сержантомъ Лонгомъ, объ его невольномъ купаньѣ и, наконецъ, всѣ предположенія о возможности скораго разрыва или осѣданія льдины.

Что касается форта, то въ немъ никто еще не подозрѣвалъ истины, и всѣ думали, что находятся въ полнѣйшей безопасности. Этимъ отважнымъ людямъ и въ голову не приходило, что фортъ Надежды носится надъ бездною, и что его обитателямъ каждую минуту грозитъ страшная опасность потонуть въ волнахъ этого безпредѣльнаго океана. Всѣ они наслаждались здоровьемъ, потому что время стояло прекрасное, а климатъ былъ здоровый и живительный. Мужчины и женщины соперничали въ хорошемъ расположеніи духа и цвѣтущемъ здоровьѣ. Малютка Митчель подросталъ отлично; онъ еще только начиналъ пробовать становиться на ноги и дѣлать нѣсколько шаговъ по двору, а капралу Джолиффу, любившему его безъ памяти, уже хотѣлось учить ребенка ружейнымъ пріемамъ и начаткамъ рекрутской науки. О, если бъ мистресъ Джолиффъ могла ему подарить такого сына, какого воина онъ сдѣлалъ бы изъ него! Но Богъ не посылалъ ему дѣтей, и Небо, по крайней мѣрѣ до этой минуты, отказывало ему въ благословеніи, о которомъ онъ молился каждую минуту.

Что касается солдатъ, то у нихъ не было недостатка въ работѣ. Плотникъ Макъ-Нэпъ и его рабочіе Петерсенъ, Бэльчеръ, Барро, Пондъ и Гопе усердно трудились надъ постройкою судна, долгимъ и труднымъ занятіемъ, которое должно было продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ. Но такъ какъ судно могло быть полезно только будущимъ лѣтомъ, послѣ вскрытія льдовъ, то для него не покидались другія работы, болѣе необходимыя въ настоящее время для факторіи. Лейтенантъ Гобсонъ велъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто фортъ и его обитатели находились въ полнѣйшей безопасности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ все еще упорствовалъ въ намѣреніи скрывать отъ своихъ людей истину и держать ихъ въ полномъ невѣдѣніи о настоящемъ положеніи. Нѣсколько разъ подымался этотъ серьезный вопросъ среди лицъ, которыхъ можно было назвать „главнымъ штабомъ“ форта Надежды. Мистресъ Полина Барнеттъ и Мэджъ въ этомъ случаѣ не раздѣляли мнѣнія лейтенанта. Имъ казалось, что не такіе люди ихъ отважные товарищи, чтобы притти въ отчаяніе при этомъ извѣстіи, и что, во всякомъ случаѣ, ударъ будетъ сильнѣе, когда опасности дойдутъ до такого положенія, что скрывать ихъ уже будетъ нельзя. Но, несмотря на такіе вѣскіе доводы, лейтенантъ не сдавался, и нужно сказать правду, что въ этомъ намѣреніи удерживалъ его сержантъ Лонгъ. Впрочемъ, можетъ-быть, они были и правы, какъ болѣе опытные въ знаніи вещей и людей.

Поэтому работы по форту продолжались. Огороженное пространство, палисадъ котораго былъ усиленъ новыми сваями и приподнятъ во многихъ мѣстахъ, представляло весьма серьезное укрѣпленіе. Макъ-Нэпъ выполнилъ даже одинъ изъ своихъ замысловъ, давно его занимавшій и одобренный лейтенантомъ Гобсономъ: на углахъ, выходившихъ на озеро, онъ построилъ двѣ островерхія башенки, и капралъ Джолиффъ заранѣе восхищался минутою, когда будетъ ставить тамъ и снимать оттуда часовыхъ. Эти башенки придали всей постройкѣ военный видъ, что очень восхищало капрала.

По окончаніи палисада, Макъ-Нэпъ, припомнивъ прошлогодніе морозы, построилъ новый дровяной сарай рядомъ съ главнымъ домомъ, направо, такимъ образомъ, чтобы можно было сообщаться съ нимъ прямо, не имѣя надобности для этого выходить наружу: стало-быть, дрова были всегда подъ руками. Съ лѣвой стороны главнаго дома плотникъ пристроилъ обширное помѣщеніе для спальни солдатъ, чтобы освободить общую залу, служившую прежде для этой цѣли. Съ этихъ поръ зала была назначена для столовой, игръ и занятій. Новое помѣщеніе исключительно служило для трехъ семействъ и для прочихъ солдатъ колоніи. Собственно мѣховой магазинъ былъ выстроенъ сзади дома, возлѣ порохового склада, что совершенно освободило чердакъ, стропила котораго и балки были скрѣплены желѣзными скобами, такъ что могли выдержать всякое нападеніе.

Макъ-Нэпъ намѣревался также построить маленькую часовню. Это первоначально тоже входило въ планы Джэспера Гобсона и должно было дополнить постройки факторіи; но возведеніе часовни отложено было до будущаго года.

Съ какою заботой, съ какимъ рвеніемъ и дѣятельностью слѣдилъ бы лейтенантъ Гобсонъ за этими подробностями своей колоніи, если бъ она была построена на твердой землѣ! Съ какимъ удовольствіемъ онъ

видѣлъ бы появленіе этихъ домовъ, сараевъ и магазиновъ вокругъ себя! А проектъ его — теперь, конечно, безполезный — увѣнчать мысъ Батурстъ батареей, которая обезпечила бы безопасность форта Надежды! Фортъ Надежды! Это названіе сжимало теперь ему сердце. Мысъ Батурстъ навсегда оставилъ американскій материкъ, и фортъ Надежды было бы приличнѣе назвать фортомъ „Безнадежности".

Они пытались подползти другъ къ другу. (Стр. 49).

Эти различныя работы заняли все лѣто, и руки всѣхъ не оставались въ бездѣйствіи. Постройка судна тоже продолжалась аккуратно. По соображенію Макъ-Нэпа, оно должно было быть въ тридцать тоннъ вмѣстимостью, чего вполнѣ было достаточно, чтобы перевезти двадцать человѣкъ за нѣсколько сотъ миль. Къ счастью, плотникъ нашелъ нѣсколько кривыхъ деревьевъ, которыя позволили ему установить первые

шпангоуты, и вскорѣ форштевень и охтерштевень, будучи прикрѣплены къ килю, возвышались на ступеняхъ мыса Батурстъ.

Въ то время, когда плотники дѣйствовали топоромъ, пилою и стругомъ, охотники убивали оленей и зайцевъ, которыми изобиловали окрестности форта. Лейтенантъ, однако, приказалъ Марбру и Сабину не отходить далеко, объясняя это приказаніе тѣмъ, что пока фортъ не будетъ окончательно устроенъ, онъ не хотѣлъ оставлять по сосѣдству никакихъ слѣдовъ, которые могли бы обратить вниманіе непріятельской партіи. Собственно говоря, Джэсперу Гобсону не хотѣлось, чтобы охотники заподозрили перемѣну, происшедшую съ полуостровомъ.

Однажды случилось даже, что Марбръ спросилъ, не пора ли отправляться въ Моржовый заливъ на тюленій промыселъ, такъ какъ жиръ доставлялъ отличное топливо. Джэсперъ Гобсонъ отвѣчалъ съ живостью:

— Нѣтъ, это безполезно, Марбръ!

Лейтенантъ Гобсонъ очень хорошо зналъ, что Моржовый заливъ остался болѣе чѣмъ за двѣсти миль на югѣ, и что тюлени не посѣщали болѣе береговъ острова.

Впрочемъ, не слѣдуетъ полагать, что Джэсперъ Гобсонъ считалъ свое положеніе отчаяннымъ. Напротивъ, онъ не разъ откровенно бесѣдовалъ объ этомъ съ мистресъ Полиною Барнеттъ или съ сержантомъ Лонгомъ. Онъ утверждалъ, что островъ выдержитъ до тѣхъ поръ, пока явятся морозы и, заковавъ океанъ, остановятъ движеніе острова.

Дѣйствительно, послѣ своего обхода лейтенантъ съ точностью вычислилъ окружность своего владѣнія, составлявшую болѣе сорока миль, что представляло площадь, по крайней мѣрѣ, въ сто-сорокъ квадратныхъ миль. Для лучшаго сравненія скажемъ, что островъ Викторіи былъ нѣсколько больше острова Св. Елены. Окружность его почти равнялась окружности Парижа по линіи укрѣпленій. Даже въ случаѣ, если бы островъ и раздѣлился на нѣсколько частей, то части эти были бы еще настолько велики, что на нихъ можно было бы жить нѣкоторое время.

На удивленіе мистресъ Барнеттъ, что льдина имѣетъ такія громадные размѣры, лейтенантъ Гобсонъ отвѣчалъ замѣчаніями самихъ сѣверныхъ мореплавателей. Нерѣдко случалось, что Парри, Пенни и Франклинъ, странствуя въ полярныхъ моряхъ, встрѣчали льдины миль въ сто длины и пятьдесятъ ширины. Капитанъ Келлетъ оставилъ даже свой корабль на льдинѣ не меньше, какъ въ триста квадратныхъ миль. Что же былъ въ сравненіи съ этими льдинами-гигантами островъ Викторіи!

Однако, величины его было вполнѣ достаточно, чтобы продержаться до морозовъ. Джэсперъ Гобсонъ нисколько не сомнѣвался въ этомъ отношеніи; онъ приходилъ въ отчаяніе только при мысли, что они безполезно потеряли столько трудовъ, усилій, плановъ, и, наконецъ, что исчезла мечта, почти уже готовая къ осуществленію. Понятно, что его не могли интересовать настоящія работы. Онъ предоставлялъ только полную свободу рабочимъ, — вотъ и все.

Мистресъ Полина Барнеттъ вела себя неподражаемо. Она одобряла труды своихъ товарищей и даже сама участвовала въ нихъ. Такимъ образомъ, видя, съ какою заботливостью занималась мистресъ Джолифф своими посѣвами, она каждый день помогала ей совѣтами. Щавель и

лукъ дали хорошій сборъ только благодаря капралу, который съ самымъ серьезнымъ видомъ и упрямствомъ огороднаго чучелы защищалъ засѣянныя гряды отъ многочисленныхъ враговъ — разнаго рода птицъ.

Прирученіе оленей удалось отлично. Многія самки тѣлились, и маленькій Митчель даже кормился отчасти оленьимъ молокомъ. Стадо уже состояло изъ тридцати головъ. Животныхъ гоняли на пастбище, на луговины мыса Батурстъ, и собирали на откосахъ короткую и сухую траву въ запасъ на зиму. Олени, уже освоившіеся съ обитателями форта, не изъявляли намѣренія ихъ покинуть. Они скоро были приручены настолько, что нѣкоторыхъ изъ нихъ запрягали въ сани для перевозки лѣса.

Многіе изъ ихъ соплеменниковъ, бродившихъ въ окрестностяхъ факторіи, попадались въ яму, вырытую между фортомъ и портомъ Барнеттъ. Читатель навѣрно помнитъ, что въ прошломъ году въ эту яму попалъ медвѣдь огромныхъ размѣровъ. Въ продолженіе лѣта олени часто попадали въ эту ловушку. Мясо этихъ животныхъ солили впрокъ, сушили и приготовляли для будущихъ потребностей. Поймали, по крайней мѣрѣ, около двадцати оленей.

Но однажды, вслѣдствіе почвенныхъ условій, яма оказалось неудобною для своего назначенія, и охотникъ Марбръ, возвратившись 5 августа изъ своего ежедневнаго обхода, подошелъ къ Джэсперу Гобсону и сказалъ ему съ какимъ-то страннымъ видомъ:

— Я возвратился изъ своего обычнаго обхода, господинъ лейтенантъ, и былъ у ямы.

— Ну, и что жъ, Марбръ, надѣюсь, что вы были счастливы по вчерашнему и поймали пару оленей?

— Нѣтъ, господинъ лейтенантъ,— отвѣчалъ Марбръ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Какъ! Въ яму не попала обычная жертва?

— Нѣтъ; да если бъ и попало какое-нибудь животное, то оно, конечно, утонуло бы.

— Утонуло бы? — переспросилъ лейтенантъ, смотря съ безпокойствомъ на охотника.

— Да, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ Марбръ, внимательно смотря на своего начальника: — яма наполнена водой.

— Хорошо, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ тономъ человѣка, не придававшаго особеннаго значенія этому факту, — вы знаете, что эта яма вырыта отчасти во льду. Стѣнки, вѣроятно, растаяли отъ солнечныхъ лучей...

— Извините, что я васъ перебью, г. лейтенантъ,— отвѣчалъ Марбръ,— но эта вода ни въ какомъ случаѣ не можетъ произойти отъ растаявшаго льда.

— Почему же, Марбръ?

— Потому что вода, происходящая отъ таянія льда, прѣсная, какъ это вы и объясняли мнѣ въ свое время; а вода, наполняющая нашу яму, совершенно соленая.

Несмотря на то, что лейтенантъ Гобсонъ отлично владѣлъ собою онъ слегка поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Когда же, — продолжалъ охотникъ, — я хотѣлъ измѣрить яму, чтобы узнать глубину воды, то, къ величайшему удивленію, долженъ сказать, что не досталъ дна.

— Что же особеннаго вы находите въ этомъ, Марбръ, — съ живостью отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ: — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нѣкоторыя трещины въ почвѣ, вѣроятно, послужили къ сообщенію ямы съ моремъ, что случается иногда... даже съ землями, болѣе прочными. Итакъ не тревожьтесь, мой отважный охотникъ. Откажитесь на время отъ употребленія ямы и довольствуйтесь устройствомъ западней въ окрестностяхъ форта.

Марбръ приложилъ руку къ козырьку и, поворотившись налѣво кругомъ, ушелъ отъ лейтенанта, бросивъ, однако, странный взглядъ на своего командира.

Джэсперъ Гобсонъ задумался на нѣсколько минутъ. Извѣстіе, принесенное охотникомъ, было очень важно. Нѣтъ сомнѣнія, что дно ямы, подмываемое болѣе теплою водой, треснуло, и что теперь этимъ дномъ служила поверхность моря.

Джэсперъ Гобсонъ пошелъ къ сержанту Лонгу и сообщилъ ему новость. Оба они, тайкомъ отъ товарищей, отправились на берегъ къ подошвѣ мыса Батурстъ, гдѣ они устроили свои водомѣры.

Сравнительно съ послѣднею замѣткой уровень острова понизился на шесть дюймовъ.

— Мы осѣдаемъ мало-по-малу, — бормоталъ сержантъ: — льдина таетъ снизу.

— О зима! зима! — воскликнулъ Джэсперъ Гобсонъ, топнувъ ногой по этой роковой землѣ.

Но никакой признакъ не обнаруживалъ еще приближенія холоднаго времени года. Термометръ держался среднимъ числомъ на пятидесяти градусахъ Фаренгейта (15° Цельзія выше нуля), и лишь во время нѣсколькихъ часовъ короткой ночи ртутный термометръ едва понижался на три-четыре градуса.

Приготовленія къ близкой зимовкѣ продолжались съ большимъ рвеніемъ. Ни въ чемъ не имѣлось недостатка, и, дѣйствительно, хотя фортъ Надежды и не получилъ припасовъ, обѣщанныхъ капитаномъ Кравенти, однако, съ полною безопасностью могъ ожидать долговременной сѣверной ночи. Что касается горячихъ напитковъ, которые расходовались очень экономно, и сухарей, которыхъ замѣнить было нечѣмъ, то ихъ оставался еще довольно значительный запасъ. Но свѣжая говядина и приготовляемая въ консервахъ возобновлялась постоянно; эта здоровая и обильная пища, съ примѣсью нѣкоторыхъ противоцынготныхъ растеній, отлично поддерживала здоровье обитателей маленькой колоніи.

Значительная рубка лѣса была сдѣлана въ заросляхъ, окаймлявшихъ восточную сторону озера Барнеттъ; большое количество березъ, сосенъ и елей пало подъ топоромъ Макъ-Нэпа, а домашніе олени перевезли въ фортъ всю эту массу топлива. Хотя плотникъ и не щадилъ рощи, однако, бережливо сохранялъ засѣки. Притомъ же онъ полагалъ, что не будетъ недостатка въ лѣсѣ на этомъ островѣ, который онъ считалъ полуостровомъ. Дѣйствительно, вся часть мѣстности, сосѣдней съ мысомъ Митчель, изобиловала различными породами деревьевъ.

Этимъ Макъ-Нэпъ часто восторгался и поздравлялъ лейтенанта съ тѣмъ, что онъ открылъ эту благословенную страну, на которой предстояло только процвѣтать новому поселенію. Чего тутъ не было: лѣсъ, дичь и пушные звѣри, которые чуть не сами укладывались въ компанейскіе магазины; озеро для рыбной ловли, обитатели котораго пріятно

Это была эскимоска Калюмахъ. (Стр. 61.)

разнообразили пищу; трава для животныхъ и „двойная плата служащимъ", прибавлялъ капралъ Джолиффъ. О, конечно, у лейтенанта Гобсона была счастливая рука! За все это нужно благодарить Провидѣніе, потому что страна эта единственная во вселенной.

Единственная во вселенной! Наивный Макъ-Нэпъ! Онъ и не подозрѣвалъ, какую тоску этимъ удачнымъ словомъ онъ возбуждалъ въ душѣ своего начальника.

Понятно, что въ маленькой колоніи не пренебрегали и шитьемъ

теплой одежды. Мистресъ Полина Барнеттъ, Мэджъ, мистресъ Райе, Макъ-Нэпъ и даже мистресъ Джолиффъ, когда она могла отрываться отъ кухонныхъ занятій, работали самымъ усерднымъ образомъ. Путешественница знала, что имъ необходимо придется оставить фортъ и, предвидя продолжительное странствованіе по льдамъ, когда среди зимы они отправятся къ американскому материку, она хотѣла, чтобы каждый былъ одѣтъ тепло и удобно. Морозы должны быть страшные во время продолжительной полярной ночи, а итти предстояло много дней, если островъ Викторіи остановится на большомъ разстояніи отъ берега. Для того, чтобы пройти сотни миль при такихъ условіяхъ, не слѣдовало пренебрегать ни одеждою ни обувью. Поэтому мистресъ Полина Барнеттъ и Мэджъ посвящали всѣ свои досуги шитью. Понятно, что мѣха, которыхъ, по всей вѣроятности, невозможно было сохранить, шли въ дѣло подъ всѣми формами. Ихъ сшивали вдвое такъ, чтобы одежда имѣла шерсть со внутренней и съ наружной стороны. Конечно, въ данную минуту эти достойныя солдатскія жены и сами солдаты, какъ и ихъ начальники, должны были облечься въ шубы такой дорогой цѣны, что имъ позавидовали бы богатѣйшія леди или самыя богатыя русскія княгини. Безъ сомнѣнія, всѣ эти швеи немного удивлялись употребленію, сдѣланному изъ богатствъ компаніи. Но приказаніе лейтенанта было формально. Притомъ же куницы, визоны, мускусовые бобрики, бобры и даже и самыя лисицы изобиловали въ странѣ, и мѣха, израсходованные подобнымъ образомъ, легко могли быть замѣнены когда угодно съ помощью ружей и западней. Когда мистресъ Макъ-Нэпъ увидала, какую хорошенькую горностаевую одежду приготовила Мэджъ для ея ребенка, она уже перестала находить расходъ мѣховъ непроизводительнымъ.

Такъ прошло время до половины августа. Погода постоянно стояла хорошая; небо иногда было туманно, но солнце скоро поглощало эти испаренія.

Лейтенантъ Гобсонъ ежедневно опредѣлялъ положеніе острова, но каждый разъ старался удаляться отъ форта, чтобы не возбудить въ товарищахъ подозрѣнія своими постоянными наблюденіями. Онъ посѣщалъ также различныя части острова и, къ счастью, не замѣчалъ никакой важной перемѣны.

16 августа островъ Викторіи находился подъ 117°27′ долготы и 70°49′ широты. Значитъ, съ нѣкотораго времени онъ немного отдалился къ югу, но не приблизился къ берегу, который, выгибаясь въ этомъ направленіи, все еще оставался болѣе нежели въ двухстахъ миляхъ къ югу-востоку.

Что касается пути, пройденнаго островомъ со времени отрыва перешейка, или, лучше сказать, со времени послѣдняго вскрытія льдовъ, — его можно было считать отъ тысячи ста до тысячи двухсотъ миль къ востоку.

Но что значило это разстояніе сравнительно съ громаднымъ пространствомъ океана? Развѣ не было примѣровъ, что корабли, подъ вліяніемъ теченій, уклонялись отъ своего пути на цѣлыя тысячи миль, какъ, напримѣръ, англійскій корабль „Резолютъ“, американскій бригъ „Адвенсъ“ и, наконецъ, „Фоксъ“, которые на пространствѣ многихъ градусовъ носились [illegible] своими льдинами до тѣхъ поръ, пока зима не остановила ихъ въ [illegible]мъ стремленіи.

ГЛАВА VI.

Десятидневная буря.

Въ продолженіе четырехъ дней, съ 17 по 20 августа, погода стояла хорошая, и была довольно высокая температура. Туманы на горизонтѣ не сгущались въ облака. Рѣдко случалось, чтобы въ подобныхъ широтахъ атмосфера поддерживалась въ такомъ состояніи чистоты. Понятно, что подобныя атмосферическія условія не могли быть утѣшительны для лейтенанта Гобсона.

Но 21 августа барометръ обнаружилъ близкую перемѣну въ состояніи атмосферы. Ртутный столбъ мгновенно понизился на нѣсколько линій. Однако, на другой день онъ поднялся, потомъ опять опустился, и только съ 23-го пониженіе пошло постоянно.

Дѣйствительно, 24 августа испаренія, мало-по-малу скоплявшіяся, вмѣсто того, чтобы разсѣяться, поднялись въ воздухѣ. Солнце, находившееся на самой верхней точкѣ, было закрыто, и лейтенантъ не могъ сдѣлать своихъ обычныхъ вычисленій. На другой день установившійся сѣверо-западный вѣтеръ дулъ съ чрезвычайною силой, и шелъ проливной дождь. Однако, въ температурѣ не произошло рѣзкой перемѣны, термометръ держался на пятидесяти-четырехъ градусахъ Фаренгейти (12° выше нуля по Цельзію).

Къ счастью, въ это время были уже окончены предположенныя работы, и Макъ-Нэпъ додѣлалъ остовъ судна, который былъ обшитъ и скрѣпленъ. Можно было также прекратить охоту за дичью, которой имѣлись уже достаточные запасы. Вскорѣ погода сдѣлалась прямо ужасна: вѣтеръ до того усилился, дождь лилъ такъ сильно, и туманъ такъ часто сгущался, что невозможно стало выходить изъ форта.

— Что вы думаете объ этой перемѣнѣ, мистеръ Гобсонъ? — спросила мистресъ Полина Барнеттъ утромъ 27 августа, видя усиленіе бури съ каждымъ часомъ. — Не можетъ ли она благопріятствовать намъ?

— Не могу этого утверждать, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — но думаю, что, все-таки, для насъ лучше такая погода, чѣмъ время, когда солнце постоянно нагрѣваетъ морскія воды. Кромѣ того, я вижу, что вѣтеръ установился съ сѣверо-запада; а такъ какъ онъ очень силенъ, то нашъ островъ, уже по самой своей массѣ, не можетъ избѣгнуть его вліянія. Поэтому я не удивлюсь, если мы приблизимся къ американскому материку.

— Къ несчастью, — сказалъ сержантъ Лонгъ, — мы не можемъ ежедневно опредѣлять своего положенія. Въ этомъ туманѣ не видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Какъ прикажете взять высоту при такихъ условіяхъ!

— Погодите, Лонгъ, — отвѣчала мистресъ Полина Барнеттъ, — если только явится намъ земля, то мы сумѣемъ распознать ее; за это я ручаюсь. Впрочемъ, какова бы ни была эта земля, она будетъ нашею спасительницей и можетъ разсчитывать на нашу живѣйшую благодарность. Навѣрное, этою землей будетъ какая-нибудь часть русской Америки или западной Георгіи,

— Это, дѣйствительно, можно предположить, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — потому что, къ несчастью для насъ, въ этой мѣстности Сѣвернаго моря нѣтъ ни одного островка, даже камня, за который можно было бы зацѣпиться.

— Но, — сказала мистресъ Полина Барнеттъ, — отчего же нашему „кораблю“ не попасть прямо къ азіатскому берегу? Не можетъ ли онъ подъ вліяніемъ теченія пройти Беринговымъ проливомъ и остановиться въ странѣ чукчей?

— Нѣтъ, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ, — наша льдина встрѣтила бы скорѣе камчатское теченіе и быстро понеслась бы къ сѣверо-востоку, а это было бы очень прискорбно. Нѣтъ! Вѣроятнѣе всего, что, подъ вліяніемъ сѣверо-западнаго вѣтра, мы приблизимся къ русской Америкѣ.

— Нужно бодрствовать, — мистеръ Гобсонъ, — сказала путешественница, — и, по возможности, стараться опредѣлять наше положеніе.

— Будемъ бодрствовать, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — хотя эти густые туманы и мѣшаютъ нашимъ вычисленіямъ. Впрочемъ, если насъ выброситъ на берегъ, то ударъ будетъ очень силенъ, и мы непремѣнно его почувствуемъ. Будемъ надѣятся, что въ этотъ моментъ островъ нашъ не разлетится въ куски. Вотъ въ чемъ главная опасность. Но, наконецъ, если это и случится, мы что-нибудь и придумаемъ. До тѣхъ поръ дѣлать нечего.

Разумѣется, этотъ разговоръ велся не въ общей залѣ, гдѣ обыкновенно работали женщины и большая часть солдатъ. Мистресъ Полина Барнеттъ бесѣдовала объ этихъ предметахъ въ своей комнатѣ, окно которой выходило на переднiй фасадъ. Свѣтъ едва проникалъ сквозь полупрозрачныя стекла. На дворѣ ревѣла буря. Къ счастью, мысъ Батурстъ защищалъ домъ отъ порывовъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Однако, песокъ и земля падали на кровлю и стучали по ней какъ градъ. Макъ-Нэпъ снова встревожился за свои трубы, особенно за кухонную, которая работала постоянно. Съ воемъ вѣтра смѣшивался страшный шумъ бушевавшаго моря, разбивавшагося о прибрежье. Буря превращалась въ ураганъ.

Несмотря на такую ужасную погоду, Джэсперъ Гобсонъ захотѣлъ 28 августа взойти на мысъ Батурстъ, съ цѣлью осмотрѣть горизонтъ и состояніе неба и моря. Закутавшись какъ можно плотнѣе, онъ вышелъ изъ дому.

Перейдя черезъ дворъ, лейтенантъ Гобсонъ безъ особеннаго труда достигъ мыса. Песокъ и пыль ослѣпляли его; но пріютившись за большою скалой, онъ, по крайней мѣрѣ, не былъ принужденъ бороться непосредственно съ вѣтромъ.

Самое трудное для него было взобраться на мысъ, съ этой стороны почти отвѣсный. Однако, цѣпляясь за кусты, ему удалось взойти на самую вершину. Въ этомъ мѣстѣ порывы бури были такъ велики, что онъ не могъ держаться ни стоя ни сидя, а принужденъ былъ лечь на землю на самомъ краю стремнины и схватиться за кустарники, выставивъ только одну голову въ жертву урагану.

Гобсонъ посмотрѣлъ сквозь тучу брызгъ, разстилавшуюся предъ нимъ въ формѣ подвижной завѣсы. Видъ океана и неба былъ, дѣйствительно, ужасенъ. И тотъ и другое сливались въ одну массу въ полумилѣ

отъ мыса. Надъ головою лейтенанта низкія и разорванныя облака неслись съ неимовѣрною быстротой, въ то время, какъ длинныя полосы паровъ скоплялись на зенитѣ. Минутами какъ бы устанавливалась въ воздухѣ тишина, и только шумъ прибоя да ревъ разъяренныхъ волнъ доносились до слуха. Потомъ буря снова съ невыразимымъ ожесточеніемъ начинала бушевать, и лейтенантъ Гобсонъ чувствовалъ, какъ мысъ дрожалъ въ своемъ основаніи. По временамъ дождь стремился съ такою силой, что его горизонтальныя полосы казались фонтанами, выбрасываемыми вѣтромъ, подобно картечнымъ зарядамъ.

Это былъ тотъ ураганъ, источникъ котораго помѣщался въ самой опасной части неба. Онъ могъ быть очень продолжительнымъ и долго волновать атмосферу. Но Джэсперъ Гобсонъ не жаловался на него; теперь онъ даже радовался этому страшному урагану, который проклиналъ бы, если бы фортъ Надежды былъ построенъ на твердой землѣ. Дѣйствительно, какъ ни силенъ былъ этотъ ураганъ, но онъ едва ли могъ разрушить такую громадную льдину, какою былъ островъ Викторіи, и послѣдній подъ вліяніемъ этого сѣверо-восточнаго вѣтра, превосходящаго силою морскія теченія, непремѣнно долженъ былъ пройти на юго-западъ, гдѣ долженъ былъ быть материкъ, а слѣдовательно, и спасеніе. Для него и для его товарищей необходимо было, чтобы буря продолжалась до тѣхъ поръ, пока ихъ выброситъ на какой-нибудь берегъ. Это послужило бы гибелью для всякаго корабля, но было спасеніемъ для пловучаго острова.

Въ продолженіе четверти часа Джэсперъ Гобсонъ, окатываемый морскою водой и дождемъ, лежалъ такимъ образомъ подъ ураганомъ, цѣпляясь за землю съ отчаяніемъ утопающаго и стараясь сообразить всѣ выгоды, какія могла дать ему эта буря. Потомъ онъ спустился по скату мыса, прошелъ дворомъ черезъ цѣлый столбъ песку и вошелъ въ домъ.

Первою его заботой было объявить товарищамъ, что ураганъ не достигъ еще своей высшей степени, и что нужно ожидать его продолженія на нѣсколько дней. Но онъ высказалъ это такимъ тономъ, точно принесъ добрую вѣсть, и обитатели факторіи не могли не посмотрѣть на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Выраженіе лица ихъ начальника, дѣйствительно, показывало, что онъ какъ будто радовался этой борьбѣ стихій.

30 августа Джэсперъ Гобсонъ, пренебрегая яростью бури, еще разъ выходилъ изъ дому, но уже не на вершину мыса Батурстъ, а на берегъ. На отвѣсномъ берегу, на чертѣ, куда волны доносились косвенно, онъ увидѣлъ нѣсколько длинныхъ травъ, которыхъ не было на островѣ.

Травы были еще свѣжія. Длинные стебли водорослей, очевидно, недавно оторвались отъ американскаго материка. Стало-быть, материкъ находился недалеко. Значитъ, сѣверо-восточный вѣтеръ выгналъ островъ изъ теченія, уносившаго его до этихъ поръ. Можно себѣ представить, какъ обрадовали Джэспера Гобсона эти водоросли! Христофоръ Колумбъ едва ли чувствовалъ бо́льшую радость, когда встрѣтилъ пловучія травы, возвѣстившія ему близость земли.

Гобсонъ возвратился въ фортъ и сообщилъ о своемъ открытіи мистрисъ Барнеттъ и сержанту Лонгу. Въ этотъ моментъ его такъ и подмывало объявить обо всемъ товарищамъ, такъ какъ онъ былъ почти

увѣренъ въ ихъ спасеніи; но его что-то удержало отъ этого, и онъ промолчалъ.

Однако, во время этихъ нескончаемыхъ дней заключенія обитатели форта не предавались бездѣйствію и занимались внутренними работами. Иногда они прокапывали канавки на дворѣ для спуска воды, скоплявшейся между домомъ и магазинами. Макъ-Нэпъ, съ гвоздемъ въ одной рукѣ и молоткомъ въ другой, всегда что-нибудь исправлялъ въ томъ или другомъ углу. Такимъ образомъ, всѣ занимались цѣлый день, не обращая вниманія на ураганъ. Съ наступленіемъ ночи, сила его, казалось, удвоилась. Невозможно было уснуть. Порывы бури опрокидывались на домъ съ ужасающею силой. Иногда между мысомъ и фортомъ образовывался родъ воздушнаго водоворота, точно отдѣльный смерчъ охватывалъ домъ. Трещали столбы, доски готовы были разойтись по всѣмъ швамъ, и всѣ постройки такъ дрожали подъ могучими ударами урагана, что даже опасались за ихъ цѣлость. Каждую минуту что-нибудь могло отскочить, оторваться или разломаться, а потому плотникъ и его люди были все время наготовѣ.

Что касается лейтенанта, то его занимала не прочность дома, а прочность почвы, на которой воздвигнутъ фортъ. Буря въ это время до того усилилась, и море такъ разсвирѣпѣло, что можно было опасаться разрыва льдины. Казалось прямо невозможнымъ, чтобы эта громадная льдина, уменьшаясь въ толщинѣ, подмываемая снизу и подвергавшаяся безпрестанно колебаніямъ океана, могла выдержать долгое время. Люди, находившіеся на ней, хотя и не чувствовали колебанія, благодаря огромной величинѣ льдины, но, безъ сомнѣнія, она ему подвергалась. Вопросъ сводился къ тому: выдержитъ ли ихъ островъ до той минуты, когда будетъ выброшенъ на берегъ? Не разлетится ли онъ на куски прежде столкновенія съ твердою землей.

Что онъ выдерживалъ до сихъ поръ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Джэсперъ Гобсонъ объяснилъ это мистресъ Полинѣ Барнеттъ и прибавилъ, что если бы разрывъ уже послѣдовалъ, и островъ раздѣлился бы на нѣсколько частей, то обитатели форта Надежды тотчасъ бы это замѣтили, потому что тогда островокъ, на которомъ они бы плавали, при своей, относительно, небольшой величинѣ, непремѣнно подвергался бы качкѣ, а обитатели его находились бы въ положеніи пассажировъ корабля во время шторма. Этого, стало-быть, не было. Во время своихъ ежедневныхъ наблюденій, лейтенантъ Гобсонъ никогда не замѣчалъ ни одного движенія, даже сотрясенія острова, который былъ такъ же неподвиженъ, какъ будто перешеекъ все еще соединялъ его съ материкомъ.

Но разрыва, котораго еще не произошло, можно было ожидать съ минуты на минуту.

Самою главною заботой Джэспера Гобсона было узнать — приближается ли къ берегу островъ Викторіи, выброшенный изъ теченія и гонимый сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, или нѣтъ. Это обстоятельство для обитателей форта Надежды было очень важно, потому что въ немъ заключалась вся ихъ надежда. Но понятно, что безъ солнца, луны и звѣздъ инструменты дѣлались безполезными, а потому не могло быть опредѣлено настоящее положеніе острова. Дѣйствительно, если они при-

ближались къ землѣ, то объ этомъ можно было узнать только тогда, когда покажется самый берегъ; а американскій берегъ, куда гналъ островъ Викторіи сѣверо-восточный вѣтеръ, могъ показаться только съ южной стороны острова, потому что, несмотря на продолжительное путешествіе, ни разу не перевернулся, слѣдовательно, расположеніе частей его осталось то же. Мысъ Батурстъ стоялъ попрежнему на сѣверѣ

Лодка уже не повиновалась ея усиліямъ. (Стр. 66.)

острова. Очевидно, что островъ, касаясь берега, пристанетъ южною частью, находящеюся между мысомъ Митчель и угломъ, упиравшимся прежде въ Моржовый заливъ. Однимъ словомъ, присоединеніе совершится на мѣстѣ бывшаго перешейка. Вслѣдствіе этого необходимо было знать, что происходило на южной сторонѣ острова.

Несмотря на страшную бурю, лейтенантъ Гобсонъ рѣшился отправиться къ мысу Митчель; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ скрывать

отъ товарищей настоящую цѣль этихъ развѣдокъ. Одинъ только сержантъ Лонгъ долженъ былъ сопровождать его во время урагана.

Въ этотъ день, 31 августа, около четырехъ часовъ пополудни, онъ позвалъ сержанта Лонга къ себѣ въ комнату.

— Лонгъ, — сказалъ онъ, — намъ необходимо немедленно узнать положеніе острова Викторіи, или, по крайней мѣрѣ, не приблизилъ ли его, какъ я надѣюсь, этотъ вѣтеръ къ американскому материку.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, это необходимо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — отвѣчалъ сержантъ.

— Поэтому намъ слѣдуетъ отправиться на югъ острова.

— Я готовъ, господинъ лейтенантъ.

— Знаю, Лонгъ, что вы всегда готовы исполнить свою обязанность. Но вы отправитесь не одни. Намъ необходимо итти вдвоемъ, и если въ виду покажется какая-нибудь земля, мы должны немедленно увѣдомить объ этомъ товарищей. Притомъ мнѣ нужно видѣть все самому... Мы идемъ вмѣстѣ.

— Когда вамъ будетъ угодно, господинъ лейтенантъ, если желаете, хоть сію минуту.

— Мы отправимся въ девять часовъ вечера, когда всѣ наши улягутся спать.

— Да, такъ будетъ лучше; а то и въ самомъ дѣлѣ, большинство изъ нихъ захотѣло бы намъ сопутствовать, — отвѣчалъ сержантъ Лонгъ, — а имъ не слѣдуетъ знать, какая причина увлекаетъ насъ такъ далеко отъ факторіи.

— Это вѣрно, сержантъ, имъ не нужно этого знать, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Если я буду въ состояніи, то постараюсь избавить ихъ отъ безпокойства о нашемъ ужасномъ положеніи.

— Итакъ, значитъ, рѣшено, господинъ лейтенантъ?

— Да. Вы захватите съ собою огниво, трутъ, чтобы мы могли подать сигналъ въ случаѣ надобности, когда, напримѣръ, покажется берегъ на югѣ.

— Слушаю.

— Походъ нашъ будетъ очень труденъ, сержантъ.

— Я знаю, господинъ лейтенантъ, но что за дѣло! А какъ же наша путешественница?

— Я думаю лучше не предупреждать ея, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — потому что она захотѣла бы итти съ нами, а это неудобно.

— Даже невозможно, — сказалъ сержантъ. — Женщина не въ состояніи бороться противъ такой бури. Посмотрите, что дѣлается въ настоящую минуту.

Дѣйствительно, домъ дрожалъ такъ, что страшно было за его цѣлость.

— Да, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — она не можетъ и не должна намъ сопутствовать. Но все-таки, по-моему, лучше предупредить ее о нашемъ уходѣ. Необходимо, чтобы она знала... на случай какого-нибудь несчастья съ нами въ дорогѣ.

— Это вѣрно, господинъ лейтенантъ, — сказалъ сержантъ Лонгъ, — намъ не слѣдуетъ отъ нея ничего скрывать. Въ случаѣ, мы не возвратимся...

— Итакъ въ девять часовъ, сержантъ, — перебилъ Гобсонъ.

— Слушаю, господинъ лейтенантъ.

Сержантъ Лонгъ, простившись по-военному, ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, лейтенантъ Гобсонъ, бесѣдуя съ мистресъ Барнеттъ, объявилъ ей о своемъ намѣреніи итти на развѣдки. Какъ онъ и ожидалъ, отважная женщина настаивала, чтобы взяли и ее. Она желала раздѣлить съ ними труды. Лейтенантъ не сталъ разубѣждать ее и говорить объ опасностяхъ похода при такихъ обстоятельствахъ; онъ только сказалъ, что въ его отсутствіе пребываніе ея въ фортѣ необходимо, и что отъ нея зависитъ, оставшись дома, успокоить его, лейтенанта. На случай какого-нибудь несчастья, онъ увѣренъ, что его спутница замѣнитъ его въ фортѣ.

Мистресъ Барнеттъ поняла и больше не настаивала; она только умоляла Гобсона не рисковать напрасно своею жизнью, потому что онъ — начальникъ факторіи, а потому жизнь его не принадлежитъ только ему: она была необходима для всѣхъ. Лейтенантъ обѣщалъ быть благоразумнымъ, насколько позволятъ обстоятельства. На другой день мистресъ Барнеттъ должна была сказать товарищамъ, что лейтенантъ и сержантъ ушли произвести послѣднія развѣдки до начала зимы.

ГЛАВА VII.

Огонь и крикъ.

Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ провели этотъ вечеръ въ общей залѣ форта Надежды. Всѣ были вмѣстѣ, за исключеніемъ астронома, который все время оставался закупорившись въ своей комнатѣ. Одни чистили оружіе, другіе исправляли и прилаживали инструменты. Солдатки и Мэджъ занимались шитьемъ, а мистресъ Полина Барнеттъ читала вслухъ. Чтеніе ея было часто прерываемо не только порывами бури, которая стучала въ стѣны подобно таранамъ, но и криками ребенка. Капралъ Джолиффъ имѣлъ порученіе забавлять малютку, но ничего не могъ подѣлать: истощивъ всѣ бывшія въ его власти средства, онъ кончилъ тѣмъ, что положилъ крикуна на большой столъ, гдѣ тотъ и катался въ свое удовольствіе, пока не заснулъ.

Въ восемь часовъ, по обыкновенію, прочли молитву, погасили лампы, и разошлись на ночлегъ.

Когда всѣ уснули, лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ осторожно пробрались и вышли въ коридоръ, гдѣ нашли мистресъ Барнеттъ, которая хотѣла въ послѣдній разъ пожать имъ руки.

— До завтра, — сказала она лейтенанту.

— До завтра, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — до завтра.

— А если вы замедлите?

— Что жъ дѣлать! Надо ждать насъ, — отвѣчалъ лейтенантъ. — Изслѣдовавъ горизонтъ этой темной ночью, среди мрака которой можетъ показаться огонь, если мы приблизимся къ какимъ-нибудь берегамъ, напримѣръ, къ Новой Георгіи, мнѣ будетъ интересно осмотрѣть наше положеніе днемъ. Можетъ-быть, наше отсутствіе продолжится цѣлыя сутки. Но если намъ удастся достигнуть мыса Митчель до полуночи, мы возвратимся въ фортъ завтра вечеромъ. Имѣйте терпѣніе, миледи, и вѣрьте, что мы не будемъ напрасно рисковать собою.

— А если, — продолжала путешественница, — вы не возвратитесь ни завтра ни послѣзавтра?

— Значитъ, мы не въ состоянiи были возвратиться, — просто отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, отворяя дверь на дворъ.

Мистресъ Полина Барнеттъ вздохнула, заперла за лейтенантомъ и его товарищемъ дверь и возвратилась въ свою комнату, гдѣ ее ожидала Мэджъ.

Лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ, пройдя дворомъ черезъ вихрь, едва ихъ не опрокинувшiй, вооруженные окованными желѣзомъ палками, вышли въ калитку и направились между холмами и восточнымъ берегомъ озера.

Неясный свѣтъ сумерекъ слабо озарялъ окрестности. Луна не показывалась, а потому скоро все должно было погрузиться въ полнѣйшiй мракъ, который, впрочемъ, долженъ былъ продолжаться всего только нѣсколько часовъ. Но въ моментъ выхода нашихъ путниковъ ночь еще не наступила, и свѣтъ сумерекъ, хотя и слабый, позволялъ имъ продолжать путь.

Зато какой былъ дождь и вѣтеръ! Лейтенантъ Гобсонъ и его товарищъ надѣли непромокаемые сапоги и клеенчатые плащи, капюшоны которыхъ плотно закутывали имъ головы. Они шли быстро, потому что вѣтеръ, дувшiй сзади, подталкивалъ ихъ впередъ съ страшною силой; нѣкоторые особенно свирѣпые порывы его такъ сильно подталкивали нашихъ путниковъ, что они шли даже скорѣе, чѣмъ имъ хотѣлось. Разговаривать они и не пытались, потому что при такомъ страшномъ шумѣ и свистѣ они все равно не могли бы слышать другъ друга.

Джэсперу Гобсону не хотѣлось слѣдовать вдоль берега: извилины его удлиняли бы только его путь и, притомъ, подвергали бы путниковъ прямому дѣйствiю урагана, котораго ничто не могло сдержать около моря. Гобсонъ разсчитывалъ пройти, конечно, если будетъ возможно, по прямой линiи отъ мыса Батурстъ до мыса Митчель. Въ виду этого, онъ взялъ съ собою карманный компасъ, который позволялъ ему держаться вѣрнаго направленiя. Такимъ образомъ, имъ предстояло сдѣлать не болѣе десяти-одиннадцати миль для достиженiя цѣли, и лейтенантъ разсчитывалъ притти на мѣсто въ то время, когда уже прекратятся сумерки, и ихъ полусвѣтъ замѣнится полнѣйшимъ ночнымъ мракомъ.

Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ, сгибаясь подъ влiянiемъ бури, уткнувъ головы въ плечи и опираясь на палки, шли довольно скоро. Пока они слѣдовали по восточному берегу озера, имъ, все-таки, не такъ было ощутительно дѣйствiе урагана: огромные холмы, поросшiе деревьями, нѣсколько защищали ихъ отъ вихря. Вѣтеръ съ страшною силой ревѣлъ между деревьями и, грозя вырвать съ корнемъ какой-нибудь непрочно утвердившiйся стволъ, ломалъ вѣтви Даже дождь достигалъ до путниковъ въ видѣ мелкой водяной пыли. Благодаря этому, развѣдчики на разстоянiи четырехъ миль терпѣли даже меньше, чѣмъ предполагали.

Достигнувъ южной опушки зарослей, гдѣ оканчивалась цѣпь холмовъ и начиналась равнина, не имѣвшая ни возвышенности ни группы деревьевъ и вполнѣ подвергавшаяся дѣйствiю морского вѣтра, они оста-

новились на минуту. Итти до мыса Митчель предстояло еще цѣлыхъ шесть миль.

— Тутъ ужъ трудновато будетъ, — крикнулъ Гобсонъ на ухо Лонгу.

— Да, — отвѣчалъ послѣдній, — вѣтеръ и дождь будутъ тутъ мѣшать намъ общими усиліями.

— Боюсь, чтобъ къ нимъ по временамъ не присоединялся и третій союзникъ — градъ, — прибавилъ Гобсонъ.

— Все-таки, это будетъ менѣе убійственно, чѣмъ картечь, — возразилъ философски Лонгъ. — Мы вѣдь съ вами испытали, лейтенантъ, что значитъ итти противъ картечи. Итакъ впередъ, лейтенантъ.

— Впередъ, сержантъ!

Было десять часовъ. Послѣдніе отблески сумерекъ потухали: они исчезали, какъ бы потухая въ туманѣ; однако, все еще замѣчался едва видимый свѣтъ. Лейтенантъ высѣкъ огня и справился съ компасомъ, водя тлѣющимъ трутомъ по его поверхности. Потомъ, закутавшись плотнѣе въ плащъ, надвинувъ на голову капюшонъ такъ, чтобъ только было можно видѣть, они направились на открытое, ничѣмъ не защищенное пространство.

Въ первую минуту ихъ обоихъ повалило на землю, но они поднялись, потомъ, прижавшись другъ къ другу и опираясь на палки, подобно старикамъ, пустились далѣе.

Буря эта была великолѣпна въ своемъ родѣ. Огромныя полосы разорванныхъ облаковъ, настоящія лохмотья, сотканныя изъ воды и воздуха, какъ бы выметали равнину. Тучи пыли и песку неслись къ нимъ навстрѣчу; по частичкамъ же соли, чувствуемымъ на губахъ, наши путники поняли, что вода изъ океана, находившагося отъ нихъ на разстояніи не менѣе двухъ или трехъ миль, доносилась къ нимъ въ видѣ пыли, — такъ силенъ былъ вѣтеръ!

Весьма рѣдко, и то на самое короткое время, устанавливалась тишина; этимъ временемъ путники пользовались, чтобы подышать и провѣрить по компасу направленіе. Затѣмъ они снова пускались въ путь.

Съ наступленіемъ ночи буря еще усилилась. Воздухъ и вода, повидимому, слились вмѣстѣ и образовали въ нижнихъ слояхъ неба одинъ изъ тѣхъ страшныхъ смерчей, которые вырываютъ съ корнемъ деревья, опрокидываютъ цѣлыя зданія, и отъ которыхъ спастись можно только выстрѣлами изъ пушекъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно было подумать, что океанъ, поднятый съ своего ложа, кидался черезъ пловучій островъ.

Все время Джэсперъ Гобсонъ спрашивалъ себя, и не безъ основанія, какимъ образомъ льдина, подвергнутая такому напору бури, могла еще сопротивляться? какъ она не треснула въ ста мѣстахъ отъ такого волненія? А оно должно было быть ужаснымъ, судя по реву волнъ, доносившемуся до слуха. Вдругъ сержантъ Лонгъ, шедшій въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, неожиданно остановился; потомъ, обернувшись къ лейтенанту, запыхавшись, сказалъ:

— Стойте, лейтенантъ.

— Почему? — спросилъ Гобсонъ.

— Море!

— Какъ, море? Вѣдь мы еще не пришли къ юго-западному берегу.

— Посмотрите сами.

Дѣйствительно, обширное пространство воды показалось въ темнотѣ, и волны съ бѣшенствомъ разбивались у ногъ нашихъ путниковъ.

Джэсперъ Гобсонъ снова добылъ огня и съ помощью кусочка трута внимательно справился съ компасомъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — море лѣвѣе. Мы не прошли еще лѣса, отдѣляющаго насъ отъ мыса Митчель.

— Но, въ такомъ случаѣ, это...

— Это разорвался островъ, — договорилъ Джэсперъ Гобсонъ, который такъ же, какъ и его товарищъ, принужденъ былъ въ эту минуту прилечь на землю отъ сильнаго порыва вѣтра. — Или это оторвалась часть отъ острова, которая теперь уносится теченіемъ, или простая трещина, и ее можно обогнуть. Идемъ!

Джэсперъ Гобсонъ и его товарищъ поднялись и поворотили вправо внутрь острова, слѣдуя по окраинамъ воды, шумѣвшей у ихъ ногъ. Такъ они прошли около десяти минутъ, опасаясь быть отрѣзанными отъ южной части острова. Вдругъ шумъ прибоя, смѣшавшагося съ ревомъ бури, утихъ.

— Это не болѣе какъ трещина, — сказалъ лейтенантъ сержанту. — Воротимся назадъ!

И они отправились по прежнему пути, къ югу. Эти отважные люди подвергались страшной опасности; они оба знали это очень хорошо, даже не сообщая другъ другу своихъ мыслей. Дѣйствительно, часть острова Викторіи, на которой они находились въ настоящій моментъ, уже треснувшая на большое разстояніе, могла отдѣлиться каждую минуту. Если бъ трещина отъ прибоя волнъ пошла дальше, ихъ неизбѣжно унесло бы теченіемъ. Но они ни минуты не колебались и бросились впередъ, не думая даже о томъ, возможно ли имъ будетъ возвращеніе.

Какія тревожныя мысли пробѣгали въ это время въ головѣ лейтенанта! Могъ ли онъ надѣяться, что островъ продержится до зимы? Не было ли это начало неизбѣжнаго разрыва? Если вѣтеръ не выброситъ его на берегъ, не было ли ему суждено растаять? Какая страшная перспектива! Можно ли теперь на что-нибудь надѣяться злополучнымъ обитателямъ этой льдины?!

Однако, невзирая на ураганъ, руководимые только чувствомъ исполненія долга, эти два отважные человѣка безстрашно продолжали свой путь. Наконецъ, они достигли опушки обширнаго лѣса, прилегавшаго къ мысу Митчель. Имъ оставалось только пробраться черезъ лѣсъ, чтобы достигнуть южнаго берега острова. Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ вошли въ лѣсъ среди полной темноты и при страшномъ шумѣ вѣтра, свиставшаго между деревьями. Вѣтви то и дѣло хлестали ихъ по лицу; путники ежеминутно спотыкались о пни, которыхъ не было видно въ темнотѣ. Каждую минуту они рисковали быть задавленными падающими деревьями. Но, все-таки, они шли навѣрняка, потому что руководились шумомъ морского прибоя. Они слышали, какъ разбивались о берегъ волны, налетавшія на него съ страшнымъ шумомъ, и даже не разъ чувствовали дрожаніе подъ ногами почвы, которая, очевидно, сдѣлалась тоньше. Наконецъ, держась за руки и поддерживая другъ друга, они вышли на противоположную опушку лѣса.

Но тутъ порывъ вихря вдругъ разлучилъ ихъ, отбросивъ въ разныя стороны другъ отъ друга.

— Сержантъ! сержантъ! гдѣ вы? — кричалъ Джэсперъ Гобсонъ во всю силу своихъ легкихъ.

Лейтенантъ привязалъ имъ на шею по куску клеенки. (Стр. 71).

— Здѣсь, лейтенантъ! — отвѣчалъ Лонгъ, стараясь кричать тоже какъ можно громче.

Они пытались подползти другъ къ другу, но точно какая-то невидимая могучая рука приковывала ихъ къ мѣсту. Наконецъ, послѣ страшныхъ усилій, имъ удалось сблизиться, и, въ виду предупрежденія новой разлуки, они привязали другъ друга къ поясу, потомъ поползли по песку, съ цѣлью добраться до небольшой возвышенности, увѣнчанной жидкою группой елей. Наконецъ, они достигли желаемаго

мѣста и, найдя небольшую защиту, вырыли себѣ яму и влѣзли въ нее совершенно измученные, усталые и разбитые.

Было одиннадцать съ половиною часовъ вечера.

Джэсперъ Гобсонъ и его товарищъ пролежали нѣсколько часовъ, не произнося ни слова; они не могли двинуться: какая-то неодолимая спячка овладѣла ими. Между тѣмъ, буря попрежнему шумѣла надъ ихъ головами и потрясала елями, которыя трещали, точно кости скелета. Но они превозмогли сонъ, и нѣсколько глотковъ водки изъ фляжки сержанта оживили ихъ.

— Лишь бы только эти деревья выдержали, — сказалъ лейтенантъ Гобсонъ.

— Да и наша яма пе провалилась бы вмѣстѣ съ нами, — прибавилъ сержантъ Лонгъ, ежась подъ напоромъ холоднаго вѣтра.

— Мы теперь находимся только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мыса Митчель, — сказалъ Гобсонъ. — А такъ какъ мы пришли смотрѣть, то и посмотримъ. Видите ли, сержантъ, у меня есть предчувствіе, что мы недалеко отъ твердой земли... Впрочемъ, это только предчувствіе.

Съ того мѣста, гдѣ теперь находились наши развѣдчики, можно было видѣть болѣе двухъ третей южнаго горизонта, если бы этотъ горизонтъ былъ видимъ. Но въ настоящее время тьма была полная, и они должны были ожидать разсвѣта, чтобы увидѣть материкъ, въ томъ случаѣ, конечно, если урганъ отнесъ ихъ къ югу.

Рыболовы, какъ разсказывалъ лейтенантъ Гобсонъ мистресъ Полинѣ Барнеттъ, не рѣдкость въ этой части Сѣверной Америки, называемой Новой Георгіей. На этомъ берегу множество поселеній, обитатели которыхъ, туземцы, собираютъ мамонтовые клыки, такъ какъ здѣсь имѣется большое количество скелетовъ этихъ громадныхъ допотопныхъ животныхъ. На нѣсколько градусовъ ниже находится Ново-Архангельскъ — средоточіе управленія всего архипелага Алеутскихъ острововъ и главное селеніе русской Америки. Но охотники чаще посѣщаютъ берега Полярнаго моря, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Гудзонбайская компанія взяла въ аренду охотничьи земли, которыя прежде эксплоатировала Россія. Джэсперъ Гобсонъ, не зная страны, зналъ обычаи агентовъ, посѣщавшихъ ее въ это время года, и потому вѣрилъ, что найдетъ тамъ своихъ земляковъ, даже товарищей, или, за отсутствіемъ ихъ, какую-нибудь партію кочевыхъ индѣйцевъ, бродящихъ по берегу.

Но имѣлъ ли онъ основаніе надѣяться, что островъ Викторіи былъ отброшенъ именно къ этому берегу?

— Да, сто разъ да! — повторялъ онъ сержанту. — Вотъ ужъ семь дней, какъ этотъ ураганъ дуетъ съ сѣверо-востока. Я очень хорошо знаю, что нашъ плоскій островъ даетъ ему мало опоры; однакожъ, его холмы и рощи, подымающіеся тамъ и тутъ, подобно парусу, должны хоть немного подчиняться дѣйствію вѣтра. Кромѣ того, море, которое несетъ насъ, тоже должно подвергаться этому вліянію, а громадныя волны, какъ извѣстно, всегда устремляются къ берегу. Поэтому мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы мы не вышли изъ этого теченія, которое уносило насъ къ западу, и чтобы мы не были отброшены къ югу. При нашемъ послѣднемъ опредѣленіи мы находились только въ двухстахъ миляхъ отъ материка, и въ продолженіе семи дней...

— Всѣ ваши разсужденія справедливы, лейтенантъ, — перебилъ сержантъ Лонгъ. — Притомъ же если намъ помогаетъ вѣтеръ, то, значитъ, помогаетъ Богъ, Который не захочетъ гибели стольких людей. На Него я возлагаю всю надежду.

Гобсонъ и Лонгъ разговаривали такимъ образомъ, прерываемые ревомъ бури. Взоры ихъ старались проникнуть чрезъ густой мракъ, который еще болѣе увеличивался разорванными облаками, гонимыми ураганомъ; но въ этой тьмѣ не блестѣло ни одной свѣтящейся точки.

Около половины второго часа утра буря прекратилась на нѣсколько минутъ. Только разсвирѣпѣвшее море не могло утишить своего рева. Волны сталкивались съ ужасною силой.

Вдругъ Джэсперъ Гобсонъ вскликнулъ, схвативъ товарища за руку:

— Сержантъ, слышите?

— Что такое, лейтенантъ?

— Шумъ моря.

— Да, летейнантъ, — отвѣчалъ Лонгъ, внимательно прислушиваясь. — И съ нѣкоторыхъ поръ мнѣ кажется, что этотъ шумъ волнъ...

— Уже не прежній... не правда ли, сержантъ? Слушайте, слушайте, это какъ бы шумъ прибоя... можно подумать, что волны разбиваются о скалы.

Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ прислушивались съ крайнимъ любопытствомъ. Да, это не былъ прежній однообразный и глухой шумъ волнъ, сшибающихся въ морѣ, но громкій прибой водяныхъ массъ, ударяющихся о что-то твердое. Между тѣмъ, на берегахъ острова не было ни одной скалы, которая не состояла бы только изъ земли и песку. Не ошиблись ли Джэсперъ Гобсонъ и его товарищъ? Сержантъ пытался привстать, чтобы лучше прислушаться; но сейчасъ же былъ опрокинутъ порывомъ бури, которая возобновилась съ прежнею силой. Съ прекращеніемъ тишины, вой урагана заглушилъ шумъ моря, а съ нимъ и особенные звуки, поразившіе слухъ летейнанта.

Можно, судить о разочарованіи обоихъ наблюдателей! Они снова забились въ свою яму, разсуждая, не благоразумнѣе ли будетъ оставить это убѣжище, такъ какъ они чувствовали, что песокъ осѣдалъ подъ ними, а ели трещали до корней. Но путники не переставали смотрѣть на югъ. Вся ихъ жизнь сосредоточивалась во взорахъ, и глаза безпрерывно смотрѣли въ густой мракъ, который долженъ былъ разсѣяться при первыхъ лучахъ разсвѣта.

Вдругъ около двухъ съ половиной часовъ утра сержантъ Лонгъ воскликнулъ:

— Я видѣлъ!

— Что такое? — встрепенулся Гобсонъ.

— Огонь!

— Огонь?! гдѣ?

— Да вонъ тамъ.

И сержантъ показывалъ пальцемъ на юго-западъ. Не ошибался ли онъ? Нѣтъ, и Джэсперъ Гобсонъ, взглянувъ въ ту сторону, замѣтилъ неясный свѣтъ въ указанномъ направленіи.

— Да! — воскликнулъ онъ. — Да, сержантъ, огонь! Тамъ земля.

— Если только этотъ огонь не на кораблѣ, — отвѣчалъ сержантъ Лонгъ.

— Корабль въ морѣ, въ такую погоду! — закричалъ Джэсперъ Гобсонъ, — это невозможно! Нѣтъ, нѣтъ, говорю вамъ, тамъ земля, въ нѣсколькихъ миляхъ.

— Въ такомъ случаѣ, подадимъ сигналъ.

— Да, сержантъ, отвѣтимъ на этотъ береговой огонь огнемъ съ нашего острова.

Ни у лейтенанта Гобсона ни у сержанта не было факела, который можно было бы зажечь. Но надъ ними возвышались смолистыя ели, наклоняемыя ураганомъ.

— Высѣкайте огонь, сержантъ, — сказалъ Гобсонъ.

Сержантъ Лонгъ досталъ огниво и добылъ огня; потомъ ползкомъ добрался до корня дерева. Лейтенантъ послѣдовалъ за нимъ. Въ валежникѣ не было недостатка. Они сложили его въ кучу у самыхъ елей и зажгли; съ помощью вѣтра пламя быстро охватило всю кучу деревьевъ.

— О! — воскликнулъ Джэсперъ Гобсонъ, — если мы видѣли, то и насъ должны увидать!

Ели горѣли синеватымъ огнемъ и отбрасывали пламя съ копотью, подобно громадному факелу. Смола трещала въ старыхъ стволахъ, которые быстро догорали. Вскорѣ догорѣли послѣднія деревья, и затѣмъ все погасло.

Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ смотрѣли, не покажется ли вдали какого-нибудь огонька.

Но ничего не было видно. Въ продолженіе десяти минутъ они наблюдали, все надѣясь еще найти свѣтлую точку, и уже было отчаялись увидѣть какой-нибудь сигналъ, какъ вдругъ послышался явственный крикъ, отчаянный призывъ, донесшійся съ моря.

Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ въ страшной тревогѣ сползли до самаго берега.

Но крикъ не повторялся...

Между тѣмъ, мало-по-малу начало разсвѣтать. Казалось, даже и буря уменьшилась съ появленіемъ солнца. Вскорѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что можно было оглядѣть горизонтъ.

Земли не было на виду; и небо и море сливались попрежнему въ линіи горизонта.

ГЛАВА VIII.

Экспедиція мистресъ Полины Барнеттъ.

Цѣлое утро Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ бродили по этой части берега. Погода значительно измѣнилась. Дождь почти пересталъ, но вѣтеръ, не измѣняя силы, задулъ съ юго-востока. Это прискорбное обстоятельство сильно огорчило нашихъ изслѣдователей, и лейтенантъ понялъ, что долженъ отказаться отъ всякой надежды пристать къ твердой землѣ.

Дѣйствительно, этотъ юго-восточный вѣтеръ могъ только удалить пловучій островъ отъ американскаго материка и забросить его въ опасныя теченія Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Но можно ли было утверждать, что островъ приближался къ берегу во время этой страшной ночи? Не было ли это только предчувствіемъ Джэспера Гобсона, которое не осуществилось? Утромъ атмосфера довольно прояснилась, и глазъ могъ свободно видѣть на нѣсколько миль кругомъ, а между тѣмъ, нигдѣ не было видно ничего, похожаго на бе-

Даже волки подходили на ружейный выстрѣлъ. (Стр. 77.)

регъ. Не основательнѣе ли было предположеніе сержанта, что какое-нибудь судно провело ночь въ виду острова, что огонь, показавшійся на мгновенье, былъ на борту этого судна, и что крикъ принадлежалъ какому-нибудь бѣдствовавшему моряку?

Но, во всякомъ случаѣ, какая бы ни была причина этого огня и крика, ничто не объясняло ея. Не было видно берега, который подтверждалъ бы предположеніе лейтенанта, и ни на морѣ ни на берегу

не оставалось никакихъ обломковъ, которые доказали бы истину предположенія сержанта.

— Ну, господинъ лейтенантъ, — сказалъ Лонгъ, — намъ необходимо на что-нибудь рѣшиться.

— Да, сержантъ, необходимо, — отвѣчалъ Гобсонъ, проводя рукою по лбу. — Нужно остаться еще на одну зимовку на нашемъ островѣ. Только зима и можетъ спасти насъ.

Былъ полдень. Джэсперъ Гобсонъ, думая притти въ фортъ Надежды до вечера, немедленно отправился въ дорогу. Путникамъ и на возвратномъ пути помогалъ вѣтеръ, потому что опять дулъ имъ въ спину. Оба они опасались, не разорвался ли островъ на двѣ части во время страшной ночной бури? Не продолжилась ли теперь во всю ширину острова трещина, видѣнная накануне? Не были ли они теперь отдѣлены отъ своихъ товарищей? Они могли опасаться всего.

Наши путники скоро подошли къ мысу, мимо котораго проходили ночью. Множество деревьевъ валялось на землѣ. Одни были сломаны, другія вырваны съ корнемъ изъ земли, тонкій слой которой не представлялъ имъ достаточной точки опоры. Лишенныя листьевъ, они шумѣли только обнаженными вѣтвями подъ дыханіемъ юго-восточнаго вѣтра.

Пройдя около двухъ миль отъ мыса, путники подошли, наконецъ, къ трещинѣ, размѣровъ которой не могли видѣть во мракѣ. Теперь они осмотрѣли ее внимательно. Трещина была шириною около пятидесяти шаговъ; она врѣзывалась въ берегъ почти на половинѣ дороги между мысомъ Митчель и прежнимъ портомъ Барнеттъ и образовывала родъ заливчика, тянувшагося болѣе чѣмъ на полторы мили внутрь острова. При каждой новой бурѣ трещина должна была постепенно увеличиваться и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день, пройдя во всю ширину острова Викторіи, — раздѣлить его на двѣ части.

Лейтенантъ Гобсонъ и его спутникъ, подойдя къ берегу, увидѣли, что въ эту минуту какая-то громадная льдина, оторвавшись отъ берега, уносилась въ океанъ.

— Да, — прошепталъ сержантъ Лонгъ, — вотъ гдѣ опасность.

Путники поворотили къ западу, чтобы обойти огромную трещину, и ускоренными шагами направились къ форту Надежды.

По дорогѣ они не замѣтили никакой другой перемѣны. Въ четыре часа они пришли въ факторію и застали своихъ товарищей за обычными занятіями.

Джэсперъ Гобсонъ сказалъ своимъ людямъ, что онъ ходилъ съ сержантомъ Лонгомъ въ послѣдній разъ до зимы поискать какого-нибудь слѣда каравана, обѣщаннаго капитаномъ Кравенти, и что поиски ихъ оказались напрасными.

— Я вижу, господинъ лейтенантъ, — сказалъ Марбръ, — что мы должны отказаться отъ надежды, по крайней мѣрѣ, въ этомъ году увидѣть нашихъ товарищей изъ форта Соединенія.

— И я того же мнѣнія, Марбръ, — просто сказалъ Гобсонъ, входя въ общую залу.

Мистресъ Полинѣ Барнеттъ и Мэджъ были сообщены оба факта: появленіе огня и раздавшійся крикъ. При этомъ Джэсперъ Гобсонъ заявилъ, что ни онъ ни сержантъ не могли быть игрушкой воображенія.

Огонь они точно видѣли и крикъ, дѣйствительно, слышали. Потомъ, тщательно обсудивъ этотъ вопросъ, они всѣ рѣшили, что, должно-быть, какой-нибудь бѣдствовавшій корабль прошелъ ночью въ виду острова, но что самъ островъ вовсе не приближался къ американскому материку.

Вслѣдствіе юго-восточнаго вѣтра небо быстро очищалось, и воздухъ освобождался отъ затемнявшихъ его испареній. Джэсперъ Гобсонъ могъ надѣяться опредѣлить на другой день географическое положеніе острова.

Ночью сдѣлалось холоднѣе, пошелъ мелкій снѣгъ и тонкимъ слоемъ покрылъ землю. Проснувшись, Джэсперъ Гобсонъ горячо привѣтствовалъ (конечно, въ душѣ) этотъ первый признакъ приближающейся зимы.

2-го сентября небо мало-по-малу очистилось отъ облаковъ. Показалось солнце. Лейтенантъ только и ждалъ его. Въ полдень онъ тщательно опредѣлилъ широту, а къ двумъ часамъ вычислилъ часовой уголъ, давшій ему долготу.

Результатъ этихъ наблюденій былъ слѣдующій: широта 70° 57′, долгота 170° 30′.

Значитъ, несмотря на силу урагана, пловучій островъ постоянно держался на одной параллели, и лишь теченіемъ отнесло его къ западу. Въ настоящую минуту онъ находился противъ Берингова пролива и, по крайней мѣрѣ, въ четырехстахъ миляхъ отъ мыса Восточнаго и мыса Принца Уэльсскаго, находящихся на самой узкой части Берингова пролива.

Это новое положеніе было очень серьезно. Островъ съ каждымъ днемъ приближался къ огромному Камчатскому теченію, которое могло захватить его въ свою быстрину и увлечь далеко къ сѣверу. Очевидно, судьба его должна была скоро рѣшиться. Или онъ остановится между двумя противными теченіями, или потеряется въ сѣверныхъ водяныхъ пустыняхъ.

Сильно встревоженный, но не желавшій, однако, показать своего безпокойства, Джэсперъ Гобсонъ ушелъ въ свою комнату и не выходилъ изъ нея цѣлый день. Тамъ, разложивъ предъ собой карты, онъ пустилъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, все свое практическое соображеніе, съ цѣлью придумать какой-нибудь исходъ.

Въ этотъ день температура понизилась еще на нѣсколько градусовъ, и испаренія, поднявшіяся съ вечера надъ юго-восточнымъ горизонтомъ, упали на другой день въ видѣ снѣжныхъ хлопьевъ, образовавшихъ снѣжный покровъ дюйма въ два толщиною. Зима, очевидно, приближалась.

Въ этотъ день, 3 сентября, мистресъ Полина Барнеттъ задумала сдѣлать прогулку въ нѣсколько миль и посѣтить часть берега между мысами Батурстъ и Эскимосскимъ. Ей хотѣлось посмотрѣть перемѣны, произведенныя бурей въ продолженіе послѣднихъ дней. Конечно, если бы она предложила лейтенанту Гобсону сопутствовать ей въ этой экспедиціи, онъ, безъ сомнѣнія, согласился бы; но, не желая отрывать его отъ занятій, она намѣревалась уйти безъ него, взявъ съ собою только одну Мэджъ; притомъ же не имѣлось въ виду никакой опасности. Одни только, дѣйствительно, страшные звѣри, медвѣди, казалось, оставили островъ. Поэтому двѣ женщины, не рискуя ничѣмъ, могли пойти въ окрестности форта на нѣсколько часовъ.

Мэджъ, безъ малѣйшаго колебанія, приняла предложеніе мистресъ Полины Барнеттъ, и обѣ, не сказавъ никому ни слова, въ восемь часовъ утра, запасшись снѣговыми ножами, флягою съ питьемъ и дорожнымъ мѣшкомъ съ провизіей, вышли изъ форта и направились къ западу.

Солнце уже медленно двигалось надъ горизонтомъ, потому что въ самой высшей точкѣ оно не подымалось болѣе, какъ на нѣсколько градусовъ. Но косые лучи его были ясны, теплы и растапливали легкій еще слой снѣга въ тѣхъ мѣстахъ, куда только можно проникнуть.

Стаи птицъ сѣверныхъ широтъ: дикіе гуси, всевозможныхъ породъ утки и другіе представители птичьяго царства сѣверной фауны, летали повсюду и оживляли берегъ. Воздухъ былъ наполненъ криками этихъ пернатыхъ, которыя перелетали отъ озера къ морю и обратно, смотря по тому, какія ихъ привлекали воды — прѣсныя или соленыя.

Мистресъ Полина Барнеттъ могла убѣдиться тогда, сколько пушныхъ звѣрей — куницъ, горностаевъ, мускусныхъ бобриковъ и даже лисицъ — водилось въ окрестностяхъ форта Надежды. Факторія безъ труда могла бы наполнить ихъ прекрасными мѣхами свои магазины. Но къ чему это теперь? Эти беззащитныя животныя какъ будто понимали, что за ними не будутъ охотиться, и безъ страха подходили къ самому палисаду. Должно-быть, инстинктъ подсказалъ имъ, что и они были на этомъ островѣ такими же плѣнниками, какъ люди, съ которыми ихъ сближала общая участь. Мистресъ Полина Барнеттъ подмѣтила одно странное обстоятельство, что Марбръ и Сабинъ, такіе горячіе охотники, повидимому, охотно повиновались приказанію лейтенанта, щадить пушныхъ звѣрей, и ни разу не привѣтствовали ихъ появленіе выстрѣлами. Правда, у лисицъ и другихъ звѣрей еще не было пушистой зимней одежды, что значительно уменьшало цѣнность ихъ мѣховъ, но этой причины было недостаточно для объясненія необыкновеннаго равнодушія обоихъ охотниковъ къ своему ремеслу.

Но, однако, все шло хорошо. Мистресъ Полина и Мэджъ, разговаривая о своемъ странномъ положеніи, внимательно наблюдали окраину берега. Недавнія поврежденія были очень замѣтны. Свѣжіе обвалы позволяли видѣть тамъ и сямъ новыя трещины. Размытый берегъ даже понизился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и теперь длинныя волны хватали туда, гдѣ крутой берегъ прежде ставилъ имъ непреодолимую преграду. Очевидно, нѣкоторыя части острова осѣли и достигали только средняго уровня океана.

— Добрая моя Мэджъ, — сказала мистресъ Полина Барнеттъ, указывая своей спутницѣ на обширныя пространства земли, куда уже взбѣгали волны, — наше положеніе ухудшилось вслѣдствіе этой гибельной бури! Теперь вполнѣ ясно, что общій уровень острова постепенно понижается. Съ этихъ поръ наше спасеніе — только вопросъ времени. Все дѣло теперь въ томъ, какъ скоро настанетъ зима.

— Зима настанетъ, — отвѣчала Мэджъ съ своею обычною непоколебимою увѣренностью. — Вотъ уже двѣ недѣли, какъ идетъ снѣгъ. Холодъ начинается тамъ, высоко на небѣ, и я охотно вѣрю, что Богъ посылаетъ его намъ.

— Ты права, Мэджъ, — отвѣчала путешественница: — необходимо вѣрить. Мы, женщины, не доискивающіяся физической причины вещей, мы не должны отчаиваться тамъ, гдѣ ученые люди могутъ притти въ

отчаяніе. Къ несчастью, нашъ лейтенантъ не можетъ разсуждать такъ, какъ мы. Ему извѣстны причины вещей, онъ разсуждаетъ, вычисляетъ, соображаетъ время, какое намъ осталось, и я вижу, что онъ готовъ потерять всякую надежду.

— А между тѣмъ, это человѣкъ энергичный, отважный, — замѣтила Мэджъ.

Это былъ, дѣйствительно, полярный медвѣдь. (Стр. 84.)

— Да, — проговорила мистресъ Полина Барнеттъ, — и онъ спасетъ насъ, если это спасеніе еще во власти человѣка.

Въ девять часовъ спутницы прошли четыре мили. Нѣсколько разъ имъ приходилось отдаляться отъ берега внутрь острова для обхода низкихъ прибрежныхъ мѣстъ, залитыхъ водою. Мѣстами послѣдніе слѣды наводненія доходили до полумили внутрь острова, а потому тамъ толщина льдины должна была значительно уменьшиться. Страшно было,

какъ бы она не подалась на многихъ пунктахъ и, вслѣдствіе этого, не дала по берегу новыхъ трещинъ.

По мѣрѣ удаленія отъ форта Надежды, мистресъ Полина Барнеттъ замѣчала, что количество пушныхъ звѣрей уменьшалось въ значительной степени. Эти бѣдныя существа, очевидно, считали себя въ безопасности въ присутствіи человѣка, приближенія котораго такъ боялись прежде, и охотно собирались въ окрестностяхъ факторіи. Что касается хищныхъ звѣрей, которые не успѣли спастись заблаговременно съ острова, ихъ, вѣроятно, было очень немного. Однако, мистресъ Барнеттъ и Мэджъ замѣтили нѣсколько волковъ, одиноко блуждающихъ по равнинѣ. Волки, впрочемъ, не приближались къ нимъ и вскорѣ исчезли за снѣжными холмами озера.

— Что будетъ, — спросила Мэджъ, — съ этими животными, заключенными, подобно намъ, на островѣ, и что они будутъ ѣсть, когда зимой не останется никакой пищи? Бѣда намъ, если они проголодаются.

— Проголодаются! — воскликнула мистресъ Полина Барнеттъ. — Нѣтъ, моя добрая Мэджъ, у нихъ не будетъ недостатка въ пищѣ: всѣ эти куницы, горностаи, полярные зайцы, которыхъ мы щадимъ, послужатъ имъ вѣрною добычей. Намъ, стало-быть, нечего бояться ихъ нападенія. Нѣтъ, опасность не здѣсь! Она заключается вотъ въ этой ненадежной почвѣ, которая каждую минуту можетъ провалиться у насъ подъ ногами. Смотри, Мэджъ, какъ далеко въ этомъ мѣстѣ море зашло внутрь острова. Оно покрываетъ уже всю часть этой равнины, которую воды моря, сравнительно еще теплыя, обмываютъ разомъ и сверху и снизу. Если морозъ не остановитъ, то скоро это море сольется съ озеромъ, и мы лишимся озера, какъ лишились гавани и рѣки.

— Но если это случится, — сказала Мэджъ, — то будетъ, дѣйствительно, непоправимое несчастье.

— Почему же, Мэджъ? — спросила мистресъ Полина Барнеттъ, посмотрѣвъ на свою спутницу.

— Потому, что у насъ не будетъ прѣсной воды, — отвѣчала Мэджъ.

— О, въ прѣсной водѣ у насъ недостатка не будетъ, Мэджъ. Дождь, снѣгъ, ледъ, ледяныя горы океана, наконецъ, самая почва острова, который насъ уноситъ, — все это прѣсная вода. Нѣтъ, нѣтъ, опасность не въ этомъ.

Около десяти часовъ вечера мистресъ Полина Барнеттъ и ея спутница находились на высотѣ Эскимосскаго мыса, и, по крайней мѣрѣ, въ двухъ миляхъ отъ моря, такъ какъ имъ нельзя было слѣдовать по берегу, глубоко изрытому моремъ. Обѣ женщины, немного утомившіяся отъ продолжительныхъ обходовъ, рѣшились отдохнуть нѣсколько времени передъ возвращеніемъ въ фортъ Надежды. Въ этомъ мѣстѣ, на небольшомъ холмѣ, росло нѣсколько березъ и кустарниковъ. Холмикъ, одѣтый желтоватымъ мохомъ, снѣгъ съ котораго уже сталъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, представлялъ удобное мѣсто для отдыха.

Мистресъ Барнеттъ и Мэджъ, усѣвшись рядомъ подъ деревьями, раскрыли мѣшокъ и дружески раздѣлили завтракъ.

Послѣ получасового отдыха, прежде чѣмъ отправиться назадъ въ факторію, мистресъ Барнеттъ предложила своей спутницѣ дойти до самаго берега, чтобы осмотрѣть настоящее положеніе Эскимосскаго мыса. Ей хотѣлось знать, устоялъ ли этотъ мысъ противъ бури, или нѣтъ. Мэджъ

изъявила согласіе сопровождать ее всюду, куда ей угодно, но замѣтила, что онѣ находились въ восьми или девяти миляхъ отъ мыса Батурстъ, и что не слѣдуетъ тревожить лейтенанта Гобсона такимъ продолжительнымъ отсутствіемъ.

Однако, мистресъ Барнеттъ, руководимая какимъ-то предчувствіемъ, настояла на своемъ желаніи и сдѣлала очень хорошо, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Впрочемъ, этотъ обходъ не долженъ былъ увеличить всю экспедицію болѣе чѣмъ на полмили.

Спутницы встали и отправились къ Эскимосскому мысу, но не успѣли онѣ пройти и четверти мили, какъ мистресъ Барнеттъ, внезапно остановившись, указала Мэджъ на правильные слѣды, отчетливо отпечатанные на снѣгу. Эти слѣды должны быть отпечатаны недавно, потому что, въ противномъ случаѣ, они были бы занесены снѣгомъ, шедшимъ прошедшею ночью.

— Какой это звѣрь прошелъ здѣсь?— спросила Мэджъ.

— Это не звѣрь, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ, наклоняясь, чтобы лучше разсмотрѣть слѣды. — Никакой звѣрь, ходящій на четырехъ ногахъ, не можетъ оставлять подобныхъ слѣдовъ. Смотри, Мэджъ, эти слѣды совершенно одинаковые; они оставлены человѣческими ногами.

— Но кто же могъ притти сюда?— недоумѣвала Мэджъ.— Ни одинъ солдатъ ни одна женщина не уходили изъ форта. Эти слѣды не могутъ быть слѣдами человѣка; ты, вѣрно, ошиблась, дочь моя. Впрочемъ, пойдемъ по слѣдамъ и посмотримъ, куда они приведутъ насъ.

И обѣ спутницы отправились по слѣдамъ, внимательно наблюдая ихъ на дорогѣ.

Въ пятидесяти шагахъ онѣ снова остановились.

— Смотри, Мэджъ,— замѣтила путешественница, — и скажи, ошиблась ли я.

Возлѣ слѣдовъ, на свѣжемъ снѣгу, взрытомъ паденіемъ какого-нибудь тяжелаго тѣла, ясно были видны отпечатки руки.

— Рука женщины или ребенка!— воскликнула Мэджъ.

— Да, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ, — ребенокъ или женщина, истощенная, больная, выбившаяся изъ силъ, упала здѣсь... Потомъ это бѣдное существо поднялось и продолжало путь... Смотри, слѣды продолжаются... дальше опять паденіе.

— Кто же бы это могъ быть?— спрашивала Мэджъ.

— Не знаю, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ. — Вѣроятно, какой-нибудь несчастный или несчастная, заточенные, подобно намъ, три или четыре мѣсяца тому назадъ на этомъ островѣ. А можетъ-быть, кто-нибудь изъ потерпѣвшихъ крушеніе былъ выброшенъ на берегъ во время этой бури... Припомни огонь и крикъ, о которыхъ намъ говорили сержантъ Лонгъ и лейтенантъ Гобсонъ! Иди, иди, Мэджъ! Можетъ-быть, намъ предстоитъ спасти какого-нибудь несчастнаго.

И мистресъ Полина Барнеттъ, увлекая свою спутницу, бѣжала по слѣду, который былъ оставленъ на снѣгу, на которомъ онѣ скоро нашли нѣсколько капель крови.

„Спасти какого-нибудь несчастнаго!" Развѣ мистресъ Барнеттъ позабыла, что на этомъ островѣ, полуподмытомъ водою и предназначенномъ рано или поздно погрузиться въ океанъ, не было спасенія даже для нея самой.

Слѣды, оставленные на землѣ, направлялись къ Эскимосскому мысу. Мистресъ Барнеттъ и Мэджъ быстро шли по нимъ; вскорѣ кровавыя пятна умножились, а отпечатки ногъ исчезли. Оставалась только неправильная тропинка, проложенная на снѣгу. Отъ этого мѣста несчастное существо, очевидно, уже не имѣло силъ итти и подвигалось впередъ на четвереанькахъ. Мѣстами попадались куски разорванной одежды. Это были лохмотья мѣха и тюленьей шкуры.

— Идемъ! идемъ! — повторяла Полина Барнеттъ, сердце которой готово было выскочить изъ груди.

Мэджъ едва поспѣвала за нею. Эскимосскій мысъ находился не болѣе какъ въ пятидесяти шагахъ. Онъ обрисовывался немного выше уровня моря. На немъ никого не было.

Но, однако, слѣды шли прямо къ мысу. Мистресъ Полина Барнеттъ добѣжала до конца, и все еще ничего не находила. Слѣды у подошвы мыса поворачивали направо и шли къ морю.

Мистресъ Барнеттъ бросилась вправо. Но въ тотъ моментъ, когда она выходила къ берегу, Мэджъ, слѣдовавшая за ней и оглядывавшаяся съ безпокойствомъ по сторонамъ, вдругъ остановила ее за руку.

— Погоди! — сказала она.

— Нѣтъ, Мэджъ, нѣтъ! — воскликнула мистресъ Барнеттъ, увлекаемая впередъ какъ бы инстинктомъ.

— Стой же, дочь моя, и смотри, — отвѣтила Мэджъ, съ силою удерживая ее за руку.

Мистресъ Барнеттъ взглянула въ указанную сторону. Въ пятидесяти шагахъ отъ Эскимосскаго мыса, почти на краю берега, двигалась какая-то огромная бѣлая масса.

Это былъ полярный медвѣдь исполинскихъ размѣровъ. Обѣ женщины, какъ прикованныя къ мѣсту, остановились и съ ужасомъ смотрѣли на звѣря. Громадное животное ходило вокругъ чего-то похожаго на мѣховой тюкъ, лежавшій на снѣгу, и по временамъ обнюхивало его, потомъ подняло его, затѣмъ опустило и снова принялось обнюхивать. Этотъ тюкъ можно было принять за мертваго тюленя.

Мистресъ Барнеттъ и Мэджъ не знали, что имъ дѣлать. Вдругъ отъ толчковъ медвѣдя одинъ конецъ этого страннаго предмета раскрылся, показалась голова съ длинными черными волосами, разсыпавшимися по снѣгу.

— Да это женщина! — воскликнула Полина Барнеттъ и хотѣла броситься къ этой несчастной, желая во что бы то ни стало удостовѣриться, жива она еще или уже нѣтъ.

— Остановись! — сказала еще разъ Мэджъ, снова удерживая свою спутницу. — Ради Бога остановись! Онъ не сдѣлаетъ ей вреда.

Медвѣдь, повидимому, и въ самомъ дѣлѣ не былъ расположенъ терзать это неподвижное тѣло своими страшными зубами и когтями. Онъ то удалялся, то снова подходилъ къ тѣлу и, казалось, не замѣчалъ двухъ женщинъ, смотрѣвшихъ на него съ такимъ ужасомъ.

Вдругъ раздался трескъ. Почва заколебалась, какъ бы отъ землетрясенія. Можно было подумать, что Эскимосскій мысъ весь погружается въ море.

Оказалось, что отъ берега оторвался огромный кусокъ острова, въ видѣ громадной льдины, центръ тяжести которой перемѣстился съ

перемѣною удѣльнаго вѣса. Льдина уходила въ море, унося на себѣ медвѣдя и тѣло женщины.

Мистресъ Барнеттъ вскрикнула и хотѣла было броситься къ этой льдинѣ, прежде чѣмъ унесетъ ее въ море. Мэджъ съ трудомъ удалось снова удержать ее.

При шумѣ, произведенномъ разрывомъ льдины, медвѣдь, страшно заревѣвъ, покинулъ тѣло и бросился къ сторонѣ берега, отъ котораго только что отдѣлился маленькій островокъ. Испуганный звѣрь обѣжалъ вокругъ островка, взрывая когтями землю, снѣгъ и песокъ. Вдругъ онъ возвратился къ бездыханному тѣлу и, къ неописанному изумленію обѣихъ женщинъ, схвативъ тѣло зубами за одежду, поднялъ его, подбѣжалъ къ окраинѣ льдины и бросился въ море.

Въ нѣсколько секундъ медвѣдь, бывшій, какъ и всѣ его соплеменники полярныхъ странъ, хорошимъ пловцомъ, достигъ острова. Съ небольшимъ усиліемъ онъ вылѣзъ на берегъ и положилъ на него принесенное тѣло.

Въ эту минуту мистресъ Барнеттъ уже не могла удержаться и, не думая объ опасности очутиться лицомъ къ лицу со страшнымъ звѣремъ, вырвалась изъ рукъ Мэджъ и бросилась къ берегу.

Увидѣвъ ее, медвѣдь поднялся на заднія лапы и пошелъ прямо на нее; но въ десяти шагахъ онъ остановился и потрясъ огромною головой; потомъ, какъ бы теряя свою обычную свирѣпость подъ вліяніемъ ужаса, который, повидимому, совершенно измѣнилъ его характеръ, онъ повернулся, глухо зарычалъ и ушелъ внутрь острова, даже не оглядываясь.

Мистресъ Барнеттъ подбѣжала къ тѣлу, распростертому на пескѣ. При взглядѣ на него, изъ груди ея вырвался крикъ удивленія.

— Мэджъ! Мэджъ!— воскликнула она.

Мэджъ подошла и посмотрѣла на бездыханное тѣло. Это была молодая эскимоска Калюмахъ.

ГЛАВА IX.

Приключенія Калюмахъ.

Калюмахъ на пловучемъ островѣ, въ двухстахъ миляхъ отъ американскаго материка!

Но удивляться было некогда, сначала необходимо было узнать: дышала ли несчастная? можно ли возвратить ее къ жизни? Мистресъ Барнеттъ раздѣла молодую эскимоску, тѣло которой было еще теплое. Она приложила ухо къ ея груди: сердце хотя и слабо, но билось. Изъ раненой руки бѣдной дѣвушки текла кровь, но рана была неопасна. Мэджъ перевязала рану платкомъ и такимъ образомъ остановила кровотеченіе, а мистресъ Барнеттъ, ставъ на колѣни возлѣ Калюмахъ, приподняла голову молодой туземки и съ трудомъ пропустила ей сквозь плотно сжатыя губы нѣсколько капель водки, потомъ натерла ей лобъ и виски холодною водой. Прошло нѣсколько минутъ. Ни мистресъ Барнеттъ ни Мэджъ не смѣли произнести ни слова; онѣ обѣ съ крайнею тоской ожидали, что будетъ. Имъ казалось, что та частица жизни, ко-

торая еще оставалась у молодой эскимоски, каждую минуту могла отлетѣть.

Вскорѣ легкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди Калюмахъ. Руки ея слабо зашевелились, и прежде, чѣмъ она открыла глаза и могла узнать, кто подавалъ ей помощь, губы ея прошептали:

— Мистресъ Полина!.. Мистресъ Полина!..

Путешественница была поражена, услыхавъ свое имя, произнесенное при такихъ обстоятельствахъ. Какъ попала Калюмахъ на пловучій островъ и знала ли она, что встрѣтитъ здѣсь европейскую женщину, ласкъ которой еще не забыла? Но какимъ образомъ она могла это знать и какъ она ухитрилась пройти такое разстояніе отъ твердой земли и добраться до острова Викторіи? Какъ, наконецъ, догадалась она о присутствіи на этой льдинѣ мистресъ Полины Барнеттъ и ея товарищей изъ форта Надежды? Все это было очень странно и необъяснимо.

— Она жива!.. она будетъ жить! — сказала Мэджъ, которая подъ своею рукой ощутила, какъ возвращались теплота и движеніе къ этому неподвижному тѣлу.

— Несчастное дитя! — прошептала мистресъ Барнеттъ, глубоко тронутая.— И мое имя! мое имя! Даже въ минуту смерти оно было у нея на устахъ!

Глаза Калюмахъ, наконецъ, открылись. Взоры, еще блуждающіе, нерѣшительные и неопредѣленные, понизились между ея вѣками. Вдругъ глаза ея ожили и остановились на путешественницѣ. Молодая туземка сразу узнала „свою добрую даму“, имя которой еще разъ сорвалось съ ея устъ, и рука ея схватила руку мистресъ Полины Барнеттъ.

Заботливость двухъ женщинъ не замедлила совершенно оживить молодую эскимоску, сильное истощеніе которой происходило не только отъ усталости, но и отъ голода. Калюмахъ, какъ оказалось, не ѣла цѣлыхъ сорокъ-восемь часовъ. Нѣсколько кусочковъ холодной дичи и немного водки возвратили ей силы, и черезъ часъ она уже почувствовала себя въ состояніи продолжать путь въ фортъ.

Около часа она просидѣла на пескѣ между мистресъ Барнеттъ и Мэджъ, не зная, какъ высказать имъ благодарность. Она разсказала имъ свою исторію. Оказалось, что молодая эскимоска не забыла европейцевъ изъ форта Надежды; образъ мистресъ Полины Барнеттъ особенно не выходилъ изъ ея памяти, и не простая случайность забросила ее, полумертвую, на берегъ острова Викторіи.

Однимъ словомъ, вотъ ея исторія.

Читатели, навѣрное, помнятъ обѣщанія молодой эскимоски, при первомъ ея посѣщеніи, возвратиться въ будущемъ году лѣтомъ къ своимъ друзьямъ въ фортъ Надежды. Длинная полярная ночь, наконецъ, окончилась, и въ началѣ мая Калюмахъ задумала исполнить свое обѣщаніе. Она вышла изъ поселеній Новой Георгіи, гдѣ провела зиму, и въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ отправилась на полуостровъ Викторіи.

Черезъ шесть недѣль, около половины іюня, она прибыла въ предѣлы Новой Англіи, въ окрестности мыса Батурстъ. Она отлично узнала вулканическія горы надъ Ливерпульскимъ заливомъ и, пройдя

миль двадцать, прибыла къ заливу Моржей, близъ котораго такъ часто охотилось за тюленями ея семейство.

Но далѣе къ сѣверу уже ничего не было. Берегъ прямою линіей спускался къ юго-востоку. Не было ни Эскимосскаго мыса ни мыса Батурстъ!

Калюмахъ, со словъ своего родственника, сразу поняла въ чемъ дѣло. Или вся мѣстность, превратившаяся въ островъ Викторіи, пошла ко дну, или, оторвавшись отъ материка, была унесена въ открытое море.

Калюмахъ плакала, не найдя тѣхъ, для которыхъ она пришла изъ такой отдаленной мѣстности, какъ Новая Георгія.

Родственникъ ея, эскимосъ, нисколько не удивился этому происшествію. Было преданіе, весьма распространенное между кочевниками Сѣверной Америки, что мѣстность мыса Батурстъ присоединилась къ материку очень давно, но не составляла съ ней цѣлаго и должна была со временемъ оторваться, вслѣдствіе законовъ природы. Вотъ и причина удивленія, выраженнаго эскимосами, когда они увидѣли, что лейтенантъ Гобсонъ основалъ факторію у подошвы самаго мыса Батурстъ. Но въ силу осторожности, свойственной ихъ племени, а можетъ-быть, и руководимые чувствомъ непріязни, питаемой туземцами къ каждому иностранцу, который завладѣваетъ ихъ землями, эскимосы ничего не сказали лейтенанту Гобсону, который уже окончилъ свои постройки. Калюмахъ не знала этого преданія, которое, впрочемъ, не будучи подкрѣплено никакими серьезными данными, безъ сомнѣнія, принадлежало къ многочисленнымъ сѣвернымъ легендамъ. Вотъ почему хозяева форта Надежды и не были предупреждены объ опасности, которой они подвергались, поселившись на подобномъ мѣстѣ.

Конечно, если бы Джэсперъ Гобсонъ былъ во-время предупрежденъ объ этой опасности, онъ не оставилъ бы безъ вниманія предостереженія и отправился бы искать болѣе прочной земли для постройки факторіи.

Когда Калюмахъ удостовѣрилась въ исчезновеніи мыса Батурстъ, она продолжала свои изслѣдованія за Уасборнскій заливъ, но не встрѣтила ни малѣйшаго слѣда тѣхъ, кого хотѣла навѣстить, и ей оставалось только возвратиться на западъ, къ рыбнымъ ловлямъ русской Америки. Она съ родственникомъ оставила Моржовый заливъ въ первыхъ числахъ іюля. Они пошли вдоль по берегу и въ концѣ іюля, послѣ своего безплоднаго путешествія, достигли поселеній Новой Георгіи.

Калюмахъ послѣ этого уже не надѣялась никогда встрѣтиться ни съ мистресъ Полиною ни съ ея товарищами изъ форта Надежды. Она считала ихъ погибшими въ глубинахъ Сѣвернаго океана.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа молодая эскимоска обратила свои влажные отъ слезъ глаза на мистресъ Барнеттъ и нѣжно пожала ей руку.

Возвратясь къ семейству, Калюмахъ принялась за свои обычныя занятія. Она участвовала въ рыбной ловлѣ возлѣ Ледяного мыса, расположеннаго почти на семидесятой параллели, болѣе нежели въ шестистахъ миляхъ отъ мыса Батурстъ.

Въ продолженіе половины августа не произошло ничего особеннаго, но къ концу мѣсяца разразилась страшная буря, которая такъ встревожила Джэспера Гобсона и которая, повидимому, захватила все Полярное море даже за Беринговымъ проливомъ. У Ледовитаго мыса она была такъ же ужасна и сильна, какъ и на островѣ Викторіи. Въ это время

пловучій островъ находился не болѣе, какъ въ двухстахъ миляхъ отъ берега, по вычисленію лейтенанта Гобсона.

Слушая разсказъ Калюмахъ, мистресъ Полина Барнеттъ, отлично знавшая положеніе острова, быстро сообразила всѣ обстоятельства, которыя ей и объяснили прибытіе на островъ молодой туземки.

Въ первые дни бури, эскимосы у Ледяного мыса заперлись въ своихъ хижинахъ. Они не могли даже выходить, не только заниматься рыболовствомъ. Однако, въ ночь съ 31-го августа на 1-е сентября, словно руководимая чутьемъ, Калюмахъ рѣшилась пробраться на берегъ, и пошла, пренебрегая вѣтромъ и дождемъ, бушевавшими вокругъ. Она съ безпокойствомъ смотрѣла на море, волны котораго поднимались въ темнотѣ подобно горной цѣпи.

Вскорѣ послѣ полуночи ей вдругъ показалось, что она увидѣла какую-то массу, плывшую подъ напоромъ урагана, параллельно берегу. Глаза ея, надѣленные необыкновенно острымъ зрѣніемъ и привыкшіе къ мраку во время долгихъ полярныхъ ночей, не могли обмануть ее. Эта масса, проносившаяся только въ двухъ миляхъ отъ берега, отличалась такими громадными размѣрами, что не могла быть принята ни за льдину, ни за кита, ни даже за ледяную гору.

Впрочемъ, Калюмахъ не разсуждала. Ее осѣнило какъ бы вдохновеніе. Ея возбужденному воображенію живо представились ея друзья, и она мысленно увидала ихъ всѣхъ: и мистресъ Полину Барнеттъ, и Мэджъ, и лейтенанта Гобсона, и ребенка, котораго она такъ цѣловала и ласкала въ фортѣ Надежды. Да, это были они, уносимые бурею на пловучей льдинѣ!

Калюмахъ ни минуты не колебалась. Она рѣшила, что необходимо увѣдомить своихъ друзей, которые, быть-можетъ, и не подозрѣвали, что земля такъ близко. Прибѣжавъ въ хижину, она взяла одинъ изъ факеловъ, приготовленныхъ изъ пакли и смолы и употребляемыхъ эскимосами для ночного рыболовства, зажгла его и начала махать имъ на берегу, на вершинѣ Ледяного мыса.

Это и былъ тотъ огонь, который замѣтили въ ночь на 1-е сентября лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ.

Трудно описать радость и волненіе молодой эскимоски, когда она увидала отвѣтный сигналъ — пылающую кучу елей, зажженную сержантомъ Лонгомъ и лейтенантомъ Гобсономъ и бросавшую желтоватое пламя до самаго американскаго берега, о близости котораго Гобсонъ только догадывался.

Но скоро все погасло. Тишина продолжалась не болѣе нѣсколькихъ минутъ; затѣмъ, страшный ураганъ, перемѣнившій направленіе и задувшій съ юго-востока, разразился съ удвоенною силой.

Калюмахъ поняла, что ея „добыча“ — какъ она выразилась — ускользаетъ отъ нея, и островъ, уходя все далѣе и далѣе въ открытое море, постепенно тонулъ въ ночномъ мракѣ.

Это была страшная минута для молодой туземки. Калюмахъ видѣла, что каждое потерянное мгновеніе только удаляетъ ея друзей отъ материка, и рѣшилась во что бы то ни стало спасти ихъ.

Она не колебалась. Ея лодка, это легкое суденышко, на которомъ она не разъ боролась съ бурями Сѣвернаго океана, была недалеко. Она

спустила ее на воду, привязала себя къ лодкѣ и среди полнаго мрака смѣло пустилась въ море.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа мистресъ Барнеттъ горячо прижала къ сердцу молодую отважную эскимоску. Мэджъ плакала, слушая разсказъ Калюмахъ.

Нѣкоторые изъ холмовъ были самыхъ разнообразныхъ формъ. (Стр. 89.)

Очутившись на гребнѣ разъяренныхъ волнъ, она почувствовала, что ей скорѣе помогалъ, нежели препятствовалъ вѣтеръ, дувшій съ берега. Она направляла лодку къ массѣ, которая еще виднѣлась во мракѣ.

Волны покрывали ее, но ничего не могли сдѣлать съ маленькою лодкой, которая, подобно соломинкѣ, плавала по ихъ гребнямъ. Нѣсколько разъ она чуть не опрокидывалась, но ударъ весломъ заставлялъ ее снова выпрямляться.

Наконецъ, послѣ часового усилія, Калюмахъ ясно увидѣла пловучій островъ. Она не сомнѣвалась въ достиженіи цѣли, потому что островъ находился не болѣе какъ въ четверти мили.

Вотъ въ эту-то минуту она и издала крикъ, услышанный Джэсперомъ Гобсономъ и сержантомъ Лонгомъ.

Но въ это же время Калюмахъ почувствовала, что ее увлекаетъ къ западу какое-то сильное теченіе, которому ея легкая лодка легче подчинялась, нежели островъ Викторіи. Напрасно она хотѣла бороться съ помощью весла,—лодка неслась стрѣлою по теченію. Дѣвушка снова закричала, но не была услышана, потому что находилась уже далеко. Когда утренняя заря освѣтила немного пространство, то берегъ Новой Георгіи и пловучій островъ, который Калюмахъ догоняла, представлялись уже только двумя неясными массами на горизонтѣ.

Было отъ чего прійти въ отчаяніе, но отважная дѣвушка, все-таки, не растерялась. Возвратиться на американскій материкъ ей уже было нельзя, потому что навстрѣчу дулъ тотъ страшный вѣтеръ, который въ продолженіе тридцати-шести часовъ отнесъ островъ на цѣлыя двѣсти миль въ открытое море, при помощи, впрочемъ, берегового теченія.

Калюмахъ оставалось только одно: доплыть до острова, держась въ тѣхъ же самыхъ водахъ, которыя увлекали его и ее.

Но — увы! — силы, наконецъ, измѣнили бѣдной дѣвушкѣ. Вскорѣ ее начали мучить голодъ и жажда; отъ истощенія и усталости весло сдѣлалось безполезнымъ для нея. Лодка уже не повиновалась ея усиліямъ. Она продолжала бороться еще нѣсколько часовъ, и ей казалось, что она приближается къ острову, съ котораго ее не могли видѣть, потому что она была не болѣе какъ точка на этомъ обширномъ водномъ пространствѣ. Она боролась даже тогда, когда измученныя плечи и окровавленныя руки отказывались служить ей.

Но, наконецъ, она не выдержала, лишилась чувствъ, и утлый челнокъ ея сдѣлался игрушкою волнъ и вѣтра.

Она не могла сказать, что было потомъ и сколько времени она носилась по морю. Бѣдняжка пришла въ себя только тогда, когда челнокъ ея, ударившись о берегъ, разбился подъ нею.

Калюмахъ очутилась въ холодной водѣ, свѣжесть которой сразу отрезвила ее, а набѣжавшая затѣмъ волна выкинула еле живую на песчаный берегъ.

Это случилось прошлою ночью, почти при началѣ зари, т. е. отъ двухъ до трехъ часовъ утра. Слѣдовательно, съ того времени, когда Калюмахъ бросилась въ свою лодку, до момента, когда лодка разбилась, прошло болѣе семидесяти часовъ!

Молодая туземка, спасшаяся только чудомъ, не знала, на какой берегъ была выкинута ураганомъ: принесъ ли онъ ее обратно къ материку, или направилъ на островъ, за которымъ она такъ настойчиво гналась? Она надѣялась на послѣднее, потому что вѣтеръ и теченіе должны были угнать ее въ открытое море, а не къ берегу.

Мысль эта оживила ее. Дѣвушка поднялась и черезъ силу побрела по снѣгу.

Молодая туземка даже и не подозрѣвала, что была выброшена на ту часть острова Викторіи, которая образовывала прежде верхній уголъ залива Моржей. Но послѣ столькихъ перемѣнъ, происшедшихъ со вре-

мени разрыва перешейка, она не могла узнать берега, въ довершеніе всего сильно размытаго водою.

Калюмахъ шла, куда глаза глядятъ, часто въ изнеможеніи останавливалась и, собравшись съ силами, снова пускалась въ путь. Дорога ея удлинялась, потому что на каждомъ шагу нужно было обходить мѣста, залитыя моремъ. Бредя такимъ образомъ, падая и подымаясь, она кое-какъ добралась до небольшихъ зарослей, гдѣ отдыхали мистресъ Барнеттъ и Мэджъ. Мы знаемъ, что обѣ путницы, направляясь къ Эскимосскому мысу, встрѣтили недалеко отъ этихъ зарослей слѣды, отпечатанные на снѣгу, и пошли по нимъ. Недалеко отъ этого мѣста, бѣдная Калюмахъ упала въ послѣдній разъ. Отсюда она, страшно истощенная, двигалась уже ползкомъ.

Но, будучи даже въ такомъ положеніи, она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега узнала, наконецъ, Эскимосскій мысъ, около котораго въ прошломъ году останавливалась съ своимъ семействомъ. Она вспомнила, что находилась теперь недалеко отъ факторіи, и что ей остается только итти по знакомой дорожкѣ, по которой она такъ часто ходила, посѣщая своихъ друзей въ фортѣ Надежды, и она скоро увидитъ ихъ.

Эта мысль ее и поддерживала. Но, наконецъ, достигнувъ берега, она окончательно выбилась изъ силъ, упала на снѣгъ и лишилась чувствъ. Безъ помощи мистресъ Полины Барнеттъ и Мэджъ она должна была умереть.

— Но, — прибавила она, — я чувствовала, что вы придете ко мнѣ на помощь, и что Богъ спасетъ меня вашими руками.

Остальное намъ извѣстно. Мы знаемъ, что какое-то предчувствіе увлекло мистресъ Барнеттъ осмотрѣть эту часть берега и Эскимосскій мысъ. Благодаря этому предчувствію и была спасена эскимоска. Мистресъ Полина Барнеттъ, въ свою очередь, передала молодой дѣвушкѣ, какъ оторвалась льдина, на которой лежало ея безчувственное тѣло, и какъ въ этомъ случаѣ поступилъ медвѣдь.

Окончивъ свой разсказъ, путешественница прибавила съ улыбкой:

— Не я тебя спасла, дитя мое, а этотъ благородный звѣрь. Безъ него ты, навѣрное, погибла бы. Если ему когда-нибудь вздумается прійти къ намъ, то съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ твоимъ спасителемъ.

Во время этого разсказа, осыпанная ласками Калюмахъ подкрѣпила свои силы и снова ощутила въ себѣ прежнюю бодрость. Мистресъ Полина Барнеттъ предложила немедленно отправиться обратно въ фортъ, чтобы своимъ, слишкомъ долгимъ отсутствіемъ не причинить безпокойства лейтенанту Гобсону и прочимъ обитателямъ факторіи.

Кромѣ того, путешественницѣ хотѣлось скорѣе разсказать лейтенанту о своихъ утреннихъ приключеніяхъ и о томъ, что случилось во время бурной ночи, когда островъ приближался къ американскому берегу.

Но прежде, чѣмъ отправиться въ фортъ, она попросила Калюмахъ хранить строгую тайну объ этихъ событіяхъ, а также о положеніи острова. Приходъ ея должны счесть весьма естественнымъ, такъ какъ она раньше обѣщала навѣстить своихъ друзей. Посѣщеніе ея должно даже утвердить обитателей форта въ увѣренности, что не случилось никакой перемѣны въ окрестностяхъ мыса Батурстъ.

Было около трехъ часовъ, когда мистресъ Полина Барнеттъ, молодая эскимоска, опиравшаяся на ея руку, и вѣрная Мэджъ направились къ востоку, и къ пяти часамъ вечера всѣ три благополучно добрались до форта.

ГЛАВА X.

Камчатское теченіе.

Можно себѣ представить, какой пріемъ сдѣлали Калюмахъ обитатели форта. Для нихъ ея появленіе казалось какъ бы возобновленіемъ порванной связи съ остальнымъ міромъ. Всѣ три мистресъ — Макъ-Нэпъ, Райе и Джолиффъ — осыпали ее ласками. Замѣтивъ ребенка, Калюмахъ прежде всего подбѣжала къ нему и чуть не задушила его поцѣлуями.

Молодая эскимоска была очень тронута радушнымъ пріемомъ своихъ европейскихъ друзей, кото ые наперерывъ ласкали ее. Всѣмъ было пріятно узнать, что она всю зиму проведетъ въ факторіи, такъ какъ позднее время не позволяло ей возвратиться въ Новую Георгію.

Но если обитатели форта Надежды пріятно изумились прибытію молодой туземки, то что долженъ былъ подумать Джэсперъ Гобсонъ, видя Калюмахъ рука-объ-руку съ мистресъ Полиною Барнеттъ? Онъ буквально не вѣрилъ своимъ глазамъ. Въ умѣ его промелькнула внезапная мысль, продолжавшаяся, впрочемъ, лишь одно мгновеніе, что островъ Викторіи, незамѣтно и вопреки ежедневнымъ астрономическимъ наблюденіямъ, присталъ къ какой-нибудь точкѣ материка.

Мистресъ Барнеттъ, какъ бы прочтя въ глазахъ лейтенанта это невѣроятное предположеніе, отрицательно покачала головой.

Джэсперъ Гобсонъ понялъ, что положеніе ихъ острова нисколько не измѣнилось, и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ объясненія отъ мистресъ Полины Барнеттъ относительно присутствія въ ихъ фортѣ Калюмахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Гобсонъ и путешественница уже прохаживались у подошвы мыса Батурстъ, и лейтенантъ съ жадностью слушалъ разсказъ о приключеніяхъ молодой эскимоски.

Итакъ всѣ его предположенія были вѣрны! Въ продолженіе этой страшной бури сѣверо-восточный вѣтеръ, дѣйствительно, выгналъ островъ изъ теченія и приблизилъ его не болѣе какъ на милю къ американскому материку; и не корабельный огонь и не крикъ погибающаго поразили одновременно зрѣніе и слухъ лейтенанта и сержанта. Земля находилась такъ близко, что если бы этотъ сѣверо-восточный вѣтеръ не перемѣнился еще часъ, то островъ Викторіи непремѣнно присталъ бы къ берегамъ русской Америки.

Но роковая, гибельная перемѣна вѣтра все передѣлала по-старому. Лишь только подулъ юго-восточный вѣтеръ, какъ островъ опять сталъ уноситься въ открытое море; здѣсь, снова подхваченный прежнимъ теченіемъ, онъ понесся съ чрезвычайною быстротой и достигъ до мѣста встрѣчи двухъ противоположныхъ теченій, Камчатскаго и Берингова.

Поговоривъ объ этомъ, Джэсперъ Гобсонъ спросилъ у мистресъ Барнеттъ, не произошло ли значительныхъ перемѣнъ между мысомъ Батурстъ и заливомъ Моржей.

Мистресъ Барнеттъ отвѣчала, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уровень берега, повидимому, немного понизился, потому что теперь волны доходятъ туда, куда прежде не доходили. Она разсказала также объ Эскимосскомъ мысѣ и о значительномъ обрывѣ на этой части берега.

Извѣстіе неутѣшительное! Очевидно, что льдина, служившая основаніемъ острова, мало-по-малу разрушалась, подмываемая теплыми водами.

Показалась голова, вооруженная длинными клыками. (Стр. 95.)

Что произошло съ Эскимосскимъ мысомъ, каждую минуту могло произойти и съ мысомъ Батурстъ. Домамъ факторіи ежеминутно грозила опасность погрузиться въ бездну, а зима, ихъ единственная спасительница, все еще медлила.

На другой день, 4 сентября, наблюденія лейтенанта Гобсона показали, что положеніе острова не измѣнилось за сутки. Онъ стоялъ

неподвижно между двумя противоположными теченіями; это обстоятельство было для нихъ самое благопріятное.

— Пусть только захватитъ насъ морозъ и остановитъ льды, — говорилъ лейтенантъ Гобсонъ. — Когда море вокругъ насъ замерзнетъ, я буду считать наше опасеніе обезпеченнымъ. Мы не въ двухстахъ миляхъ отъ берега въ настоящую минуту, а ближе, и намъ легко будетъ добраться по льду до русской Америки или до азіатскаго берега. Да, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣй намъ нужна зима!

Въ это время, по приказанію лейтенанта, оканчивались послѣднія приготовленія къ зимовкѣ. Шли заботы о запасѣ корма для животныхъ на время долгой полярной ночи. Собаки были здоровы и жирѣли отъ бездѣйствія; но о нихъ необходимо было позаботиться, потому что этимъ животнымъ предстояла трудная работа по выходѣ изъ форта Надежды, когда колонія направится по льду къ какому-нибудь берегу. Поэтому было необходимо поддерживать ихъ здоровье. Свѣжее мясо, преимущественно мясо оленей, которыхъ большое количество убивали въ окрестностяхъ форта, раздавалось имъ въ изобиліи.

Что касается домашнихъ оленей, то они благоденствовали. Ихъ помѣщеніе было вполнѣ прилично, и въ магазинахъ были сложены для нихъ большіе запасы моха. Самки оленей доставляли ежедневно много молока мистресъ Джолиффъ, которая щедро расходовала его для кухонныхъ надобностей.

Капралъ съ женой возобновили также свои посѣвы, отлично удавшіеся во время лѣта. До выпаденія снѣга почву приготовили для посадки щавеля, ложечной травы и лабрадорскаго чаю; поэтому въ колоніи не предвидѣлось недостатка въ этихъ превосходныхъ противоцынготныхъ средствахъ.

Что касается дровъ, то ихъ наложили въ сараѣ подъ самую крышу. Теперь могла наступать самая суровая зима; пускай ртуть опять замерзаетъ въ термометрѣ, обитателямъ форта уже не предстояло надобности жечь мебель, какъ они дѣлали въ прошломъ году. Плотникъ Макъ-Нэпъ и его рабочіе приняли въ этомъ отношеніи мѣры, и обрубки отъ постройки судна въ значительной степени увеличили запасы топлива.

Около этого времени уже поймали нѣсколько животныхъ, одѣвшихся въ зимнюю одежду. Марбръ и Сабинъ получили отъ лейтенанта позволеніе поставить нѣсколько западней въ окрестностяхъ факторіи. Джэсперъ Гобсонъ не могъ отказать имъ въ этомъ дозволеніи изъ боязни возбудить недовѣріе, да онъ и не имѣлъ никакого серьезнаго повода пріостанавливать добычу мѣховъ, хотя очень хорошо зналъ, что это будетъ совершенно напрасно, и что никому не принесетъ пользы истребленіе дорогихъ и беззащитныхъ животныхъ. Это было полезно развѣ только въ томъ отношеніи, что мясо послѣднихъ употреблялось на кормъ собакамъ, благодаря чему сберегалось большое количество оленины.

Всѣ готовились къ зимовкѣ, точно фортъ Надежды стоялъ на прочной почвѣ; всѣ трудились съ такимъ рвеніемъ, какого, навѣрное, не выказывали бы, если бы знали дѣйствительное положеніе своего острова.

Въ слѣдующіе дни самыя тщательныя наблюденія не показали никакой перемѣны въ положеніи острова Викторіи. При видѣ этой непо-

движности острова, у Джэспера Гобсона возрождалась надежда. Хотя признаки зимы не особенно еще обнаружились, и средняя температура все еще держалась на девяти градусахъ по Цельзію, но уже замѣтили нѣсколько лебедей, которые отправлялись искать на югѣ болѣе теплаго климата. Другія птицы, не страшившіяся продолжительнаго перелета, тоже мало-по-малу покидали островъ. Птицамъ хорошо было извѣстно, что на югѣ и юго-западѣ находятся американскій и азіатскій материки съ болѣе мягкою температурой и съ гостепріимными мѣстностями, и онѣ были увѣрены, что могучія крылья донесутъ ихъ туда. Нѣкоторыя изъ этихъ птицъ были пойманы, и, по совѣту мистресъ Полины Барнеттъ, лейтенантъ привязалъ имъ на шею по куску клеенки, на которой было описано положеніе пловучаго острова и имена его обитателей. Потомъ птицъ выпустили, и не безъ зависти смотрѣли, какъ онѣ полетѣли къ югу.

Нечего и говорить, что эта операція была произведена тайно, въ присутствіи только мистресъ Полины Барнеттъ, Мэджъ, Калюмахъ, Джэспера Гобсона и сержанта Лонга.

Что касается четвероногихъ животныхъ, заключенныхъ на островѣ, то они, конечно, не могли искать себѣ зимнихъ убѣжищъ въ болѣе теплыхъ мѣстахъ, какъ обыкновенно дѣлали передъ наступленіемъ зимы. Уже въ это время, по прошествіи первыхъ чиселъ сентября, олени, полярные зайцы и волки должны были оставить окрестности мыса Батурстъ и переселиться къ Большому Медвѣжьему и Невольничьему озерамъ, лежащимъ ниже полярнаго круга. Но на этотъ разъ море ставило имъ непреодолимую преграду, и они принуждены были ожидать его замерзанія, чтобы затѣмъ добраться до твердой и земли по льду. Безъ сомнѣнія, эти животныя, руководимыя инстинктомъ, пытались уже пробраться на югъ, но, будучи остановлены океаномъ, возвратились опять въ сосѣдство форта Надежды.

Наблюденія 5, 6, 7, 8 и 9-го сентября также не показали никакой перемѣны въ положеніи острова Викторіи. Его удерживало обширное пространство, находившееся между двумя теченіями. Еще двѣ-три недѣли подобнаго положенія — и лейтенантъ могъ считать себя спасеннымъ.

Но точно какой-то злой рокъ преслѣдовалъ обитателей форта Надежды. 10 сентября дѣла измѣнились въ другую сторону. Наблюденія въ этотъ день показали снова начавшееся перемѣщеніе острова Викторіи. Перемѣщеніе это, сравнительно еще не быстрое, совершалось по направленію къ сѣверу.

Джэсперъ Гобсонъ пришелъ въ ужасъ. Островъ, все-таки, былъ подхваченъ Камчатскимъ теченіемъ, которое, очевидно, взяло верхъ надъ Беринговымъ. Онъ направлялся къ тѣмъ невѣдомымъ пространствамъ, гдѣ образуются сплошные льды; къ тѣмъ громаднымъ пустынямъ Сѣвернаго океана, куда еще ни разу не доносили человѣка его жалкія сооруженія — корабли, и откуда нѣтъ возврата!

Лейтенантъ Гобсонъ не скрылъ этой новой опасности отъ лицъ, участвовавшихъ въ тайнѣ. Мистресъ Полина Барнеттъ, Мэджъ, Калюмахъ и сержантъ Лонгъ встрѣтили со смиреніемъ этотъ новый ударъ, посылаемый имъ неумолимою судьбой.

— Можетъ-быть, — сказала путешественница, — островъ еще и остановится, или его движенiе будетъ медленное. Будемъ надѣяться и ждать. Зима недалеко, а мы идемъ къ сѣверу, слѣдовательно, стремимся къ ней навстрѣчу. Во всякомъ случаѣ, да будетъ воля Господня!

— Друзья мои, — спросилъ лейтенантъ Гобсонъ, — какъ вы полагаете, не долженъ ли я, наконецъ, предупредить товарищей? Вы видите, въ какомъ мы положенiи. Съ нами можетъ случиться все. Мы принимаемъ на себя большую отвѣтственность, скрывая отъ нихъ угрожающiя имъ опасности.

— Я подождала бы дѣлать это, — сказала мистресъ Барнеттъ. — Пока мы не исчерпали еще всѣхъ средствъ, не слѣдуетъ приводить нашихъ товарищей въ отчаянiе.

— Я того же мнѣнiя, — прибавилъ просто сержантъ Лонгъ. Джэсперъ Гобсонъ думалъ такъ же и радовался, что всѣ раздѣляютъ его мнѣнiе.

11 и 12 сентября движенiе къ сѣверу обнаружилось замѣтнѣе. Островъ Викторiи плылъ со скоростью отъ двѣнадцати до тринадцати миль въ день. Стало-быть, съ каждымъ днемъ на такое же разстоянiе онъ удалялся отъ всякой земли, потому что, направляясь прямо къ сѣверу, онъ слѣдовалъ по крутой кривизнѣ Камчатскаго теченiя. Онъ долженъ былъ скоро перейти семидесятую параллель, перерѣзывавшую прежде самую крайнюю оконечность мыса Батурстъ.

Джэсперъ Гобсонъ каждый день наносилъ свое положенiе на карту и видѣлъ, къ какимъ безконечнымъ пустынямъ уносится ихъ островъ. Единственная надежда, это — встрѣча съ зимою, какъ удачно выразилась мистресъ Барнеттъ. Плывя такимъ образомъ къ сѣверу, можно было скорѣе встрѣтить морозы и льдины, которые должны были укрѣпить море и остановить движенiе острова. Но если въ такомъ случаѣ обитатели форта Надежды и не пойдутъ ко дну, зато какой длинный и трудный путь предстоялъ имъ, чтобы выбраться изъ этихъ сѣверныхъ пустынь. Вотъ если бъ былъ готовъ ихъ корабль, то Джэсперъ Гобсонъ, невзирая на всѣ несовершенства этого судна, не задумался бы сѣсть на него вмѣстѣ съ своими товарищами; но, несмотря на все старанiе мастера, оно не могло быть скоро окончено.

16 сентября островъ Викторiи находился отъ семидесяти-пяти до восьмидесяти миль сѣвернѣе того пункта, гдѣ въ продолженiе нѣсколькихъ дней стоялъ неподвижно. Съ этого времени признаки зимы стали появляться все чаще и чаще. Нерѣдко шелъ снѣгъ и иногда густыми хлопьями. Ртутный столбъ мало-по-малу опускался. Средняя температура все еще была днемъ отъ 6° до 7° выше нуля и только по ночамъ опускалась до нуля. Солнце описывало чрезвычайно длинную дугу надъ горизонтомъ. Въ полдень оно уже не подымалось выше нѣсколькихъ градусовъ и скрывалось одиннадцать часовъ изъ двадцати-четырехъ.

Наконецъ, въ ночь съ 16 на 17 сентября показались первыя льдины на морѣ. Это были еще отдѣльные кристаллы, въ родѣ снѣговыхъ пятенъ на прозрачной поверхности океана. Можно было замѣчать, слѣдуя наблюденiямъ знаменитаго мореплавателя Скоресби, что эти пятна имѣли такое же свойство успокоивать волненiе, какъ масло, которое моряки „травятъ“ для минутнаго успокоенiя волнъ. Небольшiя льдинки выказывали стремленiе сплотиться и успѣвали въ этомъ въ спокойныхъ

водахъ; но волненіе сейчасъ же разбивало и раздѣляло ихъ, какъ только онѣ составляли значительную поверхность.

Джэсперъ Гобсонъ съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ за появленіемъ этихъ льдинокъ. Онъ зналъ, что довольно двадцати-четырехъ часовъ, чтобы ледяная кора, утолщаясь снизу, достигла толщины двухъ-

Ледъ провалился, и вода брызнула на значительную высоту. (Стр. 102.)

трехъ дюймовъ, вполнѣ достаточной, чтобы сдержать тяжесть человѣка. Поэтому онъ разсчитывалъ, что островъ Викторіи скоро долженъ быть остановленъ въ своемъ движеніи къ сѣверу.

Но до сихъ поръ день уничтожалъ работу ночи, и если островъ въ ночные часы и замедлялъ ходъ, встрѣчая большія льдины, то послѣднія, растаивая или разбиваясь днемъ, не мѣшали его ходу, ускоряемому быстрымъ теченіемъ. Такимъ образомъ, постоянно увеличивалась быстрота движенія къ сѣверу, удержать которое пока было невозможно.

21 сентября, въ минуту равноденствія, день былъ равенъ съ ночью, и съ этихъ поръ ночные часы увеличивались послѣдовательно въ ущербъ дневнымъ. Зима, очевидно, наступила, но не быстрая и не суровая. Островъ Викторіи перешелъ уже на цѣлый градусъ семидесятую параллель и въ первый разъ подвергся вращательному движенію, которое, по вычисленію Джэспера Гобсона, равнялось четверти окружности острова.

Понятно, какъ обезпокоило лейтенанта Гобсона это обстоятельство, посредствомъ котораго природа хотѣла объяснить истину людямъ, даже не особенно дальновиднымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе вращательнаго движенія, четыре стороны свѣта измѣнились. Мысъ Батурстъ указывалъ уже не на сѣверъ, а на востокъ. Солнце, луна и звѣзды не восходили и не заходили уже на обычныхъ мѣстахъ. Трудно было надѣяться, чтобы такіе наблюдательные люди, какъ Макъ-Нэпъ, Райе и Марбръ не замѣтили этой перемѣны, которая могла имъ все объяснить.

Но, къ величайшему удовольствію Джэспера Гобсона, эти честные люди, повидимому, ничего не замѣчали. Перемѣщеніе относительно четырехъ сторонъ свѣта было незначительно; а небо, покрытое облаками, не позволяло отчетливо видѣть восходъ и заходъ небесныхъ свѣтилъ.

Во всякомъ случаѣ, это вращательное движеніе какъ бы совпадало съ движеніемъ впередъ, еще болѣе быстрымъ. Съ этого дня островъ Викторіи подвигался около мили въ часъ. Онъ постоянно устремлялся къ высокимъ широтамъ, удаляясь отъ всякой земли. Джэсперъ Гобсонъ не предавался отчаянію только потому, что оно не было въ его характерѣ; но предчувствовалъ, что они погибнутъ, если еще немного замедлятъ своимъ приходомъ сѣверные морозы.

Температура, однако, еще понизилась. Обильный снѣгъ, шедшій 23 и 24 сентября, придавалъ еще болѣе толщины льдамъ. Мало-по-малу образовалась огромная ледяная равнина. Островъ при своемъ движеніи все еще разламывалъ ее, но сопротивленіе увеличивалось съ каждымъ часомъ. Море вокругъ всюду замерзало.

Наконецъ, наблюденіе 27 сентября показало, что островъ Викторіи, заключенный въ необъятное ледяное поле, сдѣлался неподвижнымъ со вчерашняго дня. Онъ находился подъ 177° 22′ долготы и 77° 57′ широты, болѣе чѣмъ на шестьсотъ миль отъ материка.

ГЛАВА XI.

Сообщеніе Джэспера Гобсона.

Таково было положеніе нашихъ колонистовъ. Островъ „бросилъ якорь“, какъ выразился сержантъ Лонгъ, и сталъ такимъ же неподвижнымъ, какъ и въ то время, когда перешеекъ еще связывалъ его съ американскимъ материкомъ. Но цѣлыхъ шестьсотъ миль отдѣляли его теперь отъ твердой земли, и эти шестьсотъ миль нужно было пройти въ саняхъ по замерзшему морю, среди ледяныхъ горъ, заграждающихъ путь, и въ самые суровые мѣсяцы сѣверной зимы.

Дѣйствительно, предпріятіе это было весьма рискованное, а между тѣмъ, слѣдовало на него рѣшиться. Давно желаемая зима, наконецъ,

наступила и остановила гибельное стремленіе острова къ сѣверу, соорудивъ между островомъ и сосѣдними материками ледяной мостъ въ шестьсотъ миль длиною. Необходимо было воспользоваться этимъ случаемъ и вывести всю колонію изъ этихъ опасныхъ сѣверныхъ ледяныхъ пустынь.

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ объяснялъ лейтенантъ Гобсонъ своимъ друзьямъ, — нельзя же было снова ожидать таянія льдовъ и еще разъ отдаться на произволъ стихій и теченій Берингова пролива. Теперь нужно только дождаться, когда море достаточно замерзнетъ, а это должно было случиться черезъ какихъ-нибудь три-четыре недѣли. Въ этотъ промежутокъ времени до прочнаго замерзанія моря лейтенантъ думалъ производить частыя разысканія по замерзшему пространству, окружавшему островъ, чтобы опредѣлить его прочность, осмотрѣть и выбрать лучшій путь для слѣдованія саней по направленію къ азіатскимъ или американскимъ берегамъ.

— Нечего и говорить, — прибавилъ Джэсперъ Гобсонъ, бесѣдуя объ этомъ съ мистресъ Полиною Барнеттъ и сержантомъ Лонгомъ, — что при одинаковыхъ данныхъ на успѣхъ мы, во всякомъ случаѣ, предпочтемъ не азіатскій берегъ, а Новую Георгію, и отправимся къ берегамъ русской Америки.

— Въ такомъ случаѣ, Калюмахъ намъ будетъ очень полезна, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ, — потому что, какъ туземка, она отлично знаетъ всѣ мѣстности Новой Георгіи.

— Да, — сказалъ лейтенантъ Гобсонъ, — приходъ ея къ намъ нельзя не приписать милости Провидѣнія. Благодаря ей, намъ не такъ трудно будетъ добраться до поселеній форта Митчель у Нортондскаго залива или даже гораздо южнѣе, до Ново-Архангельска, гдѣ мы и проведемъ остатокъ зимы.

— Бѣдный фортъ Надежды! — воскликнула мистресъ Барнеттъ. — Онъ былъ построенъ вами, мистеръ Гобсонъ, съ такими громадными усиліями! У меня сердце разрывается при мысли, что мы оставимъ его на этомъ островѣ, среди снѣжныхъ степей и, быть-можетъ, за непроходимыми льдами! Да, когда мы будемъ уходить, я заранѣе чувствую, какъ сожмется мое сердце при разставаніи съ нимъ.

— Я буду страдать не меньше васъ, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ, — а можетъ-быть, даже и больше. Это было самое серьезное дѣло въ моей жизни! Я употребилъ всѣ свои способности и всю энергію на устройство этого форта Надежды, такъ далеко не оправдавшаго своего названія, и я никогда не утѣшусь при мысли, что принужденъ его покинуть! Притомъ, что скажетъ компанія, ввѣрившая мнѣ это дѣло? Вѣдь я не болѣе, какъ скромный агентъ ея.

— Она скажетъ, мистеръ Гобсонъ, — съ благороднымъ воодушевленіемъ воскликнула путешественница, — что вы исполнили свой долгъ и не можете отвѣчать за прихоти природы, которая всегда и во всемъ была могущественнѣе человѣка! Она пойметъ, что вы не могли предвидѣть того, что случилось, потому что это выше всякой человѣческой проницательности. Она, наконецъ, узнаетъ, что, благодаря вашему благоразумію и нравственной силѣ ей не придется оплакивать потерю ни одного изъ вашихъ подчиненныхъ, ввѣренныхъ вашему попеченію.

— Благодарю, — отвѣчалъ лейтенантъ, пожимая руку мистресъ Барнеттъ, — благодарю васъ за эти слова, внушенныя вамъ вашимъ чуднымъ сердцемъ. Но я знаю людей, и вѣрьте мнѣ, что гораздо лучше успѣть, нежели потерпѣть неудачу, хотя бы въ ней человѣкъ и не былъ виноватъ. Поэтому я не жду ничего хорошаго отъ своихъ патроновъ.

Проговоривъ эти слова, Гобсонъ замолчалъ и глубоко задумался.

Сержантъ Лонгъ, желая прервать печальныя мысли лейтенанта, навелъ разговоръ на настоящія обстоятельства. Онъ сказалъ, что пора начать приготовленія къ отъѣзду, и спросилъ, когда лейтенантъ думаетъ извѣстить товарищей о дѣйствительномъ положенiи острова.

— Подождемъ еще немного, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ: — умолчанiемъ объ этомъ мы избавимъ нашихъ бѣдныхъ товарищей отъ излишняго безпокойства; подождемъ хоть до тѣхъ поръ, пока не назначимъ день отъѣзда.

Поэтому обычныя работы по факторiи продолжались еще нѣсколько недѣль.

Не то было положенiе обитателей форта Надежды годъ тому назадъ: тогда они были счастливы и довольны.

Въ прошломъ году признаки зимы появились точно такiе же. Свѣжiй ледъ такъ же мало-по-малу образовывался у берега. Озеро, воды котораго были тогда гораздо спокойнѣе, замерзало быстрѣе. Температура въ продолженiе дня держалась градуса на два выше точки замерзанiя, а ночью понижалась на три или четыре градуса. Джэсперъ Гобсонъ начиналъ отдавать своимъ людямъ приказанiе одѣваться по-зимнему, въ шерстяное и мѣховое платье. Внутри дома начали устанавливать конденсаторы, чистили воздушный резервуаръ и воздушные насосы. Вокругъ форта, въ окрестностяхъ мыса Батурстъ, ставили западни; Марбръ и Сабинъ радовались своимъ охотничьимъ успѣхамъ. Наконецъ, заканчивали послѣднiя работы по приспособленiямъ главнаго дома.

И въ этомъ году обитатели форта Надежды дѣйствовали такимъ же образомъ. Хотя фортъ находился теперь на цѣлые два градуса ближе къ полюсу, нежели въ прошлую зиму, но эта разница не должна была произвести значительной перемѣны въ среднемъ состоянiи температуры. За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ не замѣчается большой разницы въ температурѣ по широтѣ, а потому двухградусное приближенiе къ полюсу не могло особенно подѣйствовать на среднее состоянiе воздуха. Правда, холодъ былъ здѣсь немного суровѣе; но онъ не пугалъ колонистовъ, уже привыкшихъ къ сѣвернымъ морозамъ.

Нужно, однако, замѣтить, что на этотъ разъ зима явилась не съ обычною своею жестокостью. Время было влажное, и воздухъ ежедневно наполнялся парами, падавшими на землю въ видѣ снѣга или дождя. Конечно, такое состоянiе температуры не могло удовлетворить лейтенанта Гобсона.

Что касается моря, то оно хотя и замерзало, но замерзало неправильно и непостоянно. Большiя черноватыя пятна, усѣянныя на поверхности новыми льдинами, обозначали, что эти льдины плохо скрѣплены между собою. Почти постоянно слышался громкiй трескъ замерзшаго пространства, состоявшаго изъ безчисленнаго множества слабо сплотившихся кусковъ, верхнiя части которыхъ постоянно растворяли

дожди. Не замѣчалось того огромнаго сжатія, которое обыкновенно происходитъ, когда льдины, подъ вліяніемъ сильнаго мороза, быстро образовываются и соединяются одна съ другою. Ледяныя горы были рѣдки, и сплошная масса льда не виднѣлась еще на горизонтѣ.

— Вотъ вполнѣ удобное время для искателей сѣверо-западнаго прохода и открывателей сѣвернаго полюса,—говорилъ сержантъ Лонгъ.— Но для насъ оно не совсѣмъ пріятно, такъ какъ вредитъ нашему отъѣзду.

Такъ прошелъ октябрь, и Джэсперъ Гобсонъ высчиталъ, что средняя температура спускалась немного ниже нуля. А извѣстно, что для прочнаго замерзанія моря необходимъ, по крайней мѣрѣ, семи или восьмиградусный морозъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Притомъ, одно обстоятельство, замѣченное мистресъ Полиною Барнеттъ и Джэсперомъ Гобсономъ, доказывало, что ледяное поле было еще непроходимо. Животныя, оставшіяся на островѣ, конечно, ушли бы въ болѣе теплыя мѣстности, если бъ это бѣгство было возможно, то-есть если бъ замерзшее море представляло имъ обезпеченный путь. Они собирались въ большомъ количествѣ вокругъ факторіи и все болѣе и болѣе искали сосѣдства съ людьми. Даже волки подходили на ружейный выстрѣлъ къ форту и ловили куницъ и полярныхъ зайцевъ, составляющихъ ихъ единственную пищу. Голодные олени, не имѣя болѣе ни травы ни моха, бродили цѣлыми стадами въ окрестностяхъ мыса Батурстъ. Одинъ медвѣдь — безъ сомнѣнія, тотъ, къ которому мистресъ Полина Барнеттъ и Калюмахъ питали чувство признательности — часто проходилъ между деревьями по берегу озера. И если эти животныя, особенно жвачныя, которымъ необходима растительная пища, не могли еще покинуть острова, то людямъ и подавно рискованно было ввѣрять свою жизнь еще неокрѣпшему ледяному полю.

Мы уже говорили, что средняя температура держалась на точкѣ замерзанія. Справившись съ своимъ журналомъ, Джэсперъ Гобсонъ увидѣлъ, что въ прошлую зиму, тоже въ октябрѣ, термометръ показывалъ 10° ниже нуля. Какая разница, и какъ прихотливо распредѣляется температура въ этихъ полярныхъ странахъ!

Колонисты пока нисколько не страдали отъ холода и не имѣли никакой надобности закупориваться въ домѣ. Однако, сырость давала себя знать, потому что дожди, смѣшанные со снѣгомъ, шли часто, и барометръ своимъ пониженіемъ указывалъ, что атмосфера насыщена водяными парами.

Въ октябрѣ Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ нѣсколько разъ ходили на развѣдки, съ цѣлью узнать состояніе льда вокругъ острова. Въ одинъ день они ходили къ мысу Митчель, въ другой — къ углу большого залива Моржей, желая удостовѣриться, гдѣ болѣе удобенъ путь къ американскому или азіатскому материкамъ, и можно ли было рѣшить отъѣздъ.

Поверхность льда была покрыта незамерзшими пространствами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась испещренною трещинами, которыя, конечно, могли воспрепятствовать санной ѣздѣ. Даже пѣшему путнику невозможно было пуститься въ эту ледяную пустыню, еще не вполнѣ окрѣпшую. Недостаточный и непостоянный морозъ, при перемежающейся температурѣ, не могъ еще произвести достаточнаго замерзанія,

и, вмѣсто сплошныхъ льдовъ, всѣ окрестности были покрыты многочисленными кристаллами, призмами и многогранниками всѣхъ видовъ. Всѣ окрестности походили скорѣе на ледникъ, нежели на ледяныя поля, а это чрезвычайно затруднило бы путь, даже если бъ они и достаточно окрѣпли.

Лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ ходили по льду мили на двѣ по направленію къ югу, но съ чрезвычайными усиліями и тратою много времени. Они убѣдились, что нужно еще ждать, и съ досадою возвращались въ фортъ Надежды.

Наступили первыя числа ноября. Температура понизилась, но лишь на нѣсколько градусовъ. Этого было еще недостаточно. Сильные влажные туманы окутывали островъ Викторіи. Лампы въ домѣ горѣли почти цѣлый день, а это было очень невыгодно, потому что свѣтильнаго матеріала оставалось не особенно много, такъ какъ факторія не получала уже припасовъ отъ капитана Кравенти. Ловля же моржей была невозможна, потому что эти животныя не посѣщали болѣе пловучаго острова. Стоило бы только, при такихъ условіяхъ, продолжиться зимовкѣ, и колонистамъ пришлось бы освѣщать свои помѣщенія жиромъ четвероногихъ животныхъ и даже еловою смолой. Дни сдѣлались уже чрезвычайно коротки, и солнце, появлявшееся только въ видѣ блѣднаго кружка, безъ тепла и блеска, оставалось лишь нѣсколько часовъ надъ горизонтомъ. Да, эта зима была богата и туманами, и дождями, и снѣгомъ, недоставало только одного — морозовъ!

11-го ноября въ фортѣ Надежды былъ праздникъ, доказательствомъ чего служило то, что мистресъ Джолиффъ подала кое-что лишнее къ обѣду. Дѣйствительно, это была годовщина рожденія маленькаго Митчеля Макъ-Нэпа. Мальчикъ былъ очень красивъ съ его свѣтлыми кудрями и голубыми глазами. Онъ очень походилъ на своего отца, и послѣдній чрезвычайно гордился этимъ сходствомъ. Малютку торжественно свѣшали за десертомъ. Надобно было видѣть, какъ онъ болтался на вѣсахъ и покрикивалъ! Ребенокъ вѣсилъ тридцать-четыре фунта. Громкимъ ура привѣтствовали этотъ счастливый вѣсъ, осыпали похвалами мистресъ Макъ-Нэпъ, какъ хорошую мать и кормилицу. Не извѣстно почему, капралъ Джолиффъ принялъ на свой счетъ значительную долю этихъ поздравленій. Можетъ-быть, потому, что, нянчая мальчика, достойный капралъ и себя причислялъ къ виновникамъ такого счастливаго вѣса маленькаго Митчеля.

На другой день, 12-го ноября, солнце вовсе не показывалось надъ горизонтомъ. Начиналась долгая полярная ночь; она настала девятью днями раньше, чѣмъ въ прошлую зиму на американскомъ материкѣ, что, безъ сомнѣнія, происходило отъ разницы въ широтахъ этого материка сравнительно съ мѣстомъ, гдѣ теперь находился островъ Викторіи.

Однако, отсутствіе солнца не произвело никакой перемѣны въ состояніи атмосферы. Температура оставалась попрежнему прихотливою, неопредѣленною. Термометръ то опускался, то поднимался. Дождь и снѣгъ шли поочередно. Вѣтеръ былъ тихій и не имѣлъ опредѣленнаго направленія, а иногда переходилъ черезъ всѣ румбы компаса. Такая постоянная влажность климата была очень опасна, потому что могла породить цынготную болѣзнь среди невольныхъ островитянъ. Хотя,

вслѣдствіе неполученія припасовъ отъ капитана Кравенти, въ фортѣ и ощущался недостатокъ въ лимонномъ сокѣ, но, къ счастью, сборъ щавеля и ложечной травы былъ очень обиленъ, и, по совѣту лейтенанта Гобсона, ихъ употребляли ежедневно.

Тѣмъ не менѣе необходимо было испытать всѣ средства, чтобы покинуть фортъ Надежды. При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились колонисты, можетъ-быть, будетъ недостаточно и трехъ мѣсяцевъ, чтобы добраться до ближайшаго берега. А потому нужно было выступить какъ можно раньше, чтобы не подвергнуть обитателей форта опасности быть захваченными оттепелью, не дойдя до берега. Стало-быть, требовалось непремѣнно выйти не позднѣе конца ноября, если только, вообще, имъ суждено было покинуть этотъ островъ.

Вопросъ объ отъѣздѣ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но если и въ суровую зиму, которая твердо сковала бы всѣ части ледяного поля, путешествіе было бы очень затруднительно, то въ такую неблагопріятную погоду оно становилось крайне серьезнымъ.

13-го ноября Джэсперъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ и сержантъ Лонгъ собрались, чтобы условиться о днѣ отъѣзда. Сержантъ былъ того мнѣнія, что необходимо покинуть островъ какъ можно скорѣе.

— Потому что, — говорилъ онъ, — мы должны разсчитывать на всевозможныя замедленія, которыя могутъ случиться на такомъ громадномъ разстояніи. Ранѣе марта мы должны быть на твердой землѣ, иначе рискуемъ съ началомъ оттепели очутиться въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ теперь.

— Но, — замѣтила мистресъ Барнеттъ, — развѣ море достаточно замерзло, чтобы можно было уже отправиться въ путь?

— Да, — отвѣчалъ сержантъ, — и съ каждымъ днемъ ледъ утолщается. Скажу болѣе — барометръ мало-по-малу поднимается. Это признакъ пониженія температуры. И въ то время, когда наши приготовленія будутъ окончены, — на это потребуется не менѣе недѣли — я надѣюсь, что начнутся морозы.

— Нѣтъ, — возразилъ лейтенантъ Гобсонъ, — зима что-то плохо начинается. Право, какъ будто все соединилось противъ насъ! Иногда въ этихъ моряхъ бывали такія странныя зимы, что китоловы могли плавать тамъ, гдѣ раньше даже лѣтомъ не находили и вершка свободной воды. Какъ бы то ни было, но намъ, дѣйствительно, не слѣдуетъ терять ни одного дня. Очень досадно, что морозы не приходятъ къ намъ на помощь.

— Они придутъ, — сказала мистресъ Барнеттъ. — Во всякомъ случаѣ, нужно быть готовыми воспользоваться обстоятельствами. Какой срокъ вы думаете назначить для отъѣзда, мистеръ Гобсонъ?

— Самый крайній — въ концѣ ноября, — отвѣчалъ лейтенантъ. — Но если черезъ недѣлю, къ 20 числу этого мѣсяца, приготовленія наши будутъ окончены и путь возможенъ, то мы отправимся.

— Хорошо, — проговорилъ сержантъ, — въ такомъ случаѣ, мы должны приготовляться, не теряя ни минуты.

— Теперь, мистеръ Гобсонъ, — сказала мистресъ Барнеттъ, — вы, конечно, объясните нашимъ товарищамъ положеніе, въ которомъ они находятся?

— Да, миледи, время сообщить и имъ объ этомъ настало, потому что наступила пора дѣйствовать.

— Когда же вы намѣрены сообщить имъ объ этомъ?

— Теперь же, миледи. Сержантъ Лонгъ, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, обращаясь къ сержанту, который немедленно вытянулся по-военному, — прикажите всѣмъ собраться въ большой залѣ.

Лонгъ молча повернулся налѣво кругомъ и, приложивъ руку къ шапкѣ, вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ мистресъ Полина Барнеттъ и лейтенантъ Гобсонъ оставались одни. Они молчали, занятые невеселыми мыслями.

Вскорѣ сержантъ возвратился и доложилъ лейтенанту, что приказаніе его исполнено.

Лейтенантъ и путешественница пошли въ большую залу. Всѣ обитатели факторіи уже ожидали ихъ тамъ, при блѣдномъ свѣтѣ лампъ.

Джэсперъ Гобсонъ, ставъ среди нихъ, проговорилъ серьезнымъ тономъ:

— Друзья мои, до сихъ поръ я считалъ своею обязанностью, щадя васъ отъ напрасныхъ безпокойствъ, скрывать отъ васъ положеніе, въ которомъ находится нашъ фортъ Надежды. Землетрясеніе оторвало насъ отъ материка... Этотъ мысъ Батурстъ отдѣлился отъ американскаго берега... Нашъ полуостровъ теперь не болѣе, какъ ледяной пловучій островъ, находящійся въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ отъ всякой земли.

Въ эту минуту Марбръ подошелъ къ лейтенанту и твердо сказалъ:

— Мы это знаемъ, господинъ лейтенантъ.

ГЛАВА XII.

Попытка.

Да, они это давно знали, но, чтобы не прибавлять горя своему начальнику, притворялись, что имъ ничего неизвѣстно, и съ обычнымъ прилежаніемъ занимались зимними работами.

Это такъ тронуло Джэспера Гобсона, что у него на глазахъ показались слезы. Онъ не старался скрыть своего волненія и, взявъ руку, протянутую ему охотникомъ Марбромъ, дружески пожалъ ее.

Да, эти честные люди знали все, потому что Марбръ уже давно это угадалъ. Оленій ровъ, наполненный водою, ожидаемый отрядъ изъ форта Соединенія, который не явился, наблюденія широты и долготы, производившіяся ежедневно, ненужныя на твердой землѣ, предосторожности, съ которыми производились эти наблюденія, животныя, не ушедшія до зимы, и, наконецъ, перемѣна въ направленіи, замѣченная обитателями форта въ послѣднее время, — все это заставило ихъ догадываться объ ихъ настоящемъ положеніи. Только прибытіе Калюмахъ показалось имъ немного страннымъ; но они объяснили это прихотью бури, забросившей молодую эскимоску на берегъ ихъ острова.

Марбръ, который прежде всѣхъ заподозрилъ о случившемся, сообщилъ свои догадки плотнику Макъ-Нэпу и солдату Райе. Они втроемъ хладнокровно обсудили свое положеніе и рѣшили, что имъ слѣдовало предупредить не только товарищей, но и женъ. При этомъ всѣ нашли

нужнымъ ничего не говорить своему начальнику и попрежнему слѣпо ему повиноваться.

— Вы хорошіе люди, друзья мои,— сказала мистресъ Барнеттъ, которую глубоко тронула такая деликатность, — и честные, отважные солдаты.

— И нашъ лейтенантъ можетъ вполнѣ на насъ разсчитывать, —

Почти ежедневно лейтенантъ Гобсонъ измѣрялъ высоту. (Стр. 107)

отвѣчалъ Макъ-Нэпъ. — Онъ исполняетъ свой долгъ, а мы исполнимъ свой.

— Да, дорогіе товарищи, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — Небо не оставитъ насъ, и поможетъ намъ въ нашемъ спасеніи.

Затѣмъ Гобсонъ разсказалъ все, что произошло со времени землетрясенія, которое разорвало перешеекъ и превратило въ островъ окрестныя мѣстности мыса Батурстъ. Онъ передалъ, какимъ образомъ на

морѣ, освободившемся ото льдовъ весною, островъ былъ отнесенъ болѣе, чѣмъ на двѣсти миль отъ берега; какъ ураганъ приблизилъ его къ землѣ и потомъ снова удалилъ въ ночь на 30 августа; какъ отважная Калюмахъ рисковала жизнью, чтобы спасти своихъ европейскихъ друзей. Потомъ онъ объяснилъ перемѣны, происшедшія съ островомъ, сообщилъ опасеніе быть увлеченными въ Тихій океанъ или подвергнуться дѣйствію Камчатскаго теченія. Наконецъ, онъ объявилъ товарищамъ, что островъ 27-го сентября окончательно остановился.

Вынеся карту сѣверныхъ морей, Джэсперъ Гобсонъ показалъ точку, занятую островомъ, болѣе нежели въ шестистахъ миляхъ отъ всякаго берега.

Въ заключеніе онъ прибавилъ, что положеніе ихъ очень опасно, что островъ, навѣрное, будетъ затертъ во время вскрытія льдовъ, и что прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ кораблю, который не могъ быть полезенъ ранѣе лѣта, надобно было воспользоваться зимою и попытаться достигнуть американскаго материка по льду.

— Намъ придется сдѣлать шестьсотъ миль по льду, въ сильную стужу и подъ покровомъ полярной ночи. Это будетъ очень трудно, друзья мои; но, надѣюсь, что и вы, подобно мнѣ, понимаете, что иначе поступить нельзя.

— Когда подадите сигналъ къ отъѣзду, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ Макъ-Нэпъ, — мы послѣдуемъ за вами.

Начиная съ этого дня, всѣ приготовленія къ опасному походу начались очень быстро. Люди бодро покорились своей участи — пройти эти шестьсотъ миль, отдѣляющія ихъ отъ материка. Сержантъ Лонгъ руководилъ работами въ то время, какъ Джэсперъ Гобсонъ, оба охотника и мистресъ Барнеттъ часто ходили наблюдать состояніе ледяного поля. Нерѣдко ихъ сопровождала Калюмахъ, и ея мнѣнія, основанныя на опытѣ, могли быть очень полезны лейтенанту. Отъѣздъ былъ назначенъ на 20-е ноября, а потому не слѣдовало терять ни минуты.

Какъ и предвидѣлъ Джэсперъ Гобсонъ, температура съ усилившимся вѣтромъ понизилась немного, и термометръ показывалъ 4° ниже нуля. Снѣгъ замѣнилъ дожди предыдущихъ дней и порядочно окрѣпъ. Еще нѣсколько дней подобнаго мороза — и санная ѣзда будетъ возможна. Трещина впереди мыса Митчель наполнилась отчасти льдомъ, отчасти снѣгомъ, но не слѣдовало забывать, что ея спокойныя воды должны были замерзнуть скорѣе. Такое долгое незамерзаніе спокойныхъ водъ трещины доказывало, что море и подавно еще не покрылось надежнымъ льдомъ.

Вѣтеръ былъ почти постоянный и довольно сильный. Волны противились правильному образованію льда, и замерзаніе было не достаточно. Во многихъ мѣстахъ льдины раздѣлялись широкими водяными пространствами, а потому невозможно было пускаться въ дорогу.

— Начинаетъ положительно морозить, — сказала мистресъ Барнеттъ лейтенанту 15 ноября во время развѣдокъ на южной части острова. — Температура понижается весьма чувствительно, и эти полыньи не замедлятъ замерзнуть.

— Я того же мнѣнія, миледи; но, къ несчастью, этотъ способъ замерзанія мало благопріятствуетъ нашимъ намѣреніямъ. У льдинъ небольшихъ размѣровъ края представляютъ множество бугровъ на поверх-

ности. По такому неровному ледяному полю наши сани, если и могутъ итти, то съ громаднымъ трудомъ.

— Но, — возразила путешественница, — если я не ошибаюсь, достаточно походить нѣсколько дней, даже часовъ, по густому снѣгу, чтобы сравнять всю эту поверхность.

— Да, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — но если пойдетъ снѣгъ, то температура повысится, а съ повышеніемъ ея ледяное поле сдѣлается еще болѣе ненадежнымъ. Это такого рода задача, оба рѣшенія которой противъ насъ.

— Какъ это странно, — сказала мистресъ Барнеттъ. — И нужно сознаться, что была бы большая насмѣшка надъ несчастьемъ, если бы на мѣстѣ, гдѣ мы находимся среди Сѣвернаго океана, насъ захватила зима умѣренная, вмѣсто холодной.

— А между тѣмъ, это бывало, миледи. Помните, какъ холодна была зима, проведенная нами на американскомъ материкѣ. Замѣчено, что рѣдко двѣ, одинаково суровыя и продолжительныя зимы слѣдуютъ одна за другой. Это очень хорошо знаютъ китоловы сѣверныхъ морей. Вы, правы, миледи, — конечно, это насмѣшка надъ насчастьемъ: жестокая зима, когда мы желали умѣренной, и умѣренная, когда намъ нужна холодная! Вообще нужно сознаться, что до сихъ поръ мы не были счастливы. И когда я только подумаю, что намъ, при такихъ условіяхъ, необходимо пройти шестьсотъ миль съ женщинами и ребенкомъ...

Джэсперъ Гобсонъ не договорилъ и молча протянулъ руку къ югу, указывая на безконечное пространство, тянувшееся у него предъ глазами, на эту обширную бѣлую равнину, прихотливо вырѣзанную, точно кружево. Какъ печаленъ былъ видъ этого, еще не совсѣмъ окрѣпшаго, моря, поверхность котораго то и дѣло лопалась съ зловѣщимъ трескомъ! Тусклая луна, наполовину утонувшая во влажномъ туманѣ, едва поднималась на нѣсколько градусовъ надъ мрачнымъ горизонтомъ и проливала синеватый свѣтъ на всю эту картину. Эта полутѣнь, при помощи преломленія лучей, увеличивала размѣры предметовъ. Нѣкоторыя ледяныя горы умѣренной величины казались исполинами и принимали иногда формы апокалиптическихъ чудовищъ. Птицы пролетали, шумя крыльями, и самая маленькая изъ нихъ, вслѣдствіе оптическаго обмана, казалась больше кондора или коршуна-ягнятника. Въ разныхъ направленіяхъ, среди ледяныхъ горъ, открывались громадныя черныя пещеры, куда не рѣшился бы войти и самый безстрашный человѣкъ. Часто происходили неожиданныя движенія, благодаря кувырканью ледяныхъ горъ, подмытыхъ въ основаніи, которыя, ища новой точки опоры, производили рѣзкій шумъ, повторяемый звучнымъ эхомъ. Сцена то и дѣло измѣнялась, подобно волшебнымъ декораціямъ. Съ какимъ ужасомъ должны были смотрѣть на эти явленія несчастные колонисты, которымъ предстоялъ долгій путь черезъ эти ледяныя поля, изобилующія такими страшными картинами.

Несмотря на всю свою отвагу и нравственную силу, путешественница ощутила невольный ужасъ. Сердце ея похолодѣло отъ ужаса. Она желала закрыть глаза и уши, чтобы ничего этого не видѣть и не слышать. Когда луну заволакивало на время густымъ туманомъ, зловѣщій видъ этого полярнаго ландшафта становился еще рѣзче, и мистресъ Барнеттъ мысленно представляла себѣ караванъ мужчинъ и женщинъ, странствующихъ черезъ эти пустыни подъ покровомъ глубокой полярной ночи.

Однако, пересиливая свой страхъ, она пыталась смотрѣть, чтобы пріучить свои глаза къ этой картинѣ и закалить себя противъ страха. Вдругъ изъ груди ея вырвался крикъ; она сжала руку лейтенанта и указала ему на огромный предметъ неопредѣленныхъ формъ, двигавшійся въ полутьмѣ на разстояніи ста шаговъ отъ нихъ.

Это было какое-то чудовище ярко-бѣлаго цвѣта, исполинскаго роста, высота котораго, казалось, превышала пятьдесятъ футовъ. Оно медленно пробиралось по отдѣльнымъ льдинамъ, перепрыгивая съ одной на другую огромными скачками и размахивая при этомъ лапами такой длины, что ими можно было бы обхватить десять дубовъ разомъ. Чудовище, казалось, искало удобнаго прохода, желая покинуть роковой островъ. Льдины погружались подъ его тяжестью, и оно поддерживало равновѣсіе цѣлымъ рядомъ безпорядочныхъ кривляній.

Такимъ образомъ чудовище около четверти часа пробиралось по ледяному полю. Потомъ, очевидно, не найдя удобнаго прохода, оно возвратилось и направилось къ той части берега, гдѣ стояли мистресъ Барнеттъ и лейтенантъ.

Въ этотъ моментъ Джэсперъ Гобсонъ схватилъ ружье, висѣвшее у него черезъ плечо и приготовлялся стрѣлять; но, прицѣлившись было въ животное, онъ опустилъ ружье и сказалъ вполголоса:

— Это бѣлый медвѣдь, размѣры котораго увеличились вслѣдствіе преломленія лучей.

Это былъ, дѣйствительно, полярный медвѣдь, и мистресъ Полина Барнеттъ немедленно убѣдилась, что она сдѣлалась жертвой оптическаго обмана. Она вздохнула свободнѣе. Потомъ ей пришла мысль.

— Э, да это *мой* медвѣдь,— воскликнула она,— и, вѣроятно, единственный изъ оставшихся на островѣ! Но что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Пытается спастись, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ. — Онъ, очевидно, хочетъ бѣжать съ этого проклятаго острова, но не можетъ, и этимъ доказываетъ намъ, что путь, не доступный для него, не доступенъ и для насъ.

Джэсперъ Гобсонъ не ошибался. Плѣнный звѣрь, дѣйствительно, пытался оставить островъ, чтобы достигнуть какой-нибудь земли, но, не успѣвъ въ этомъ, возвращался обратно. Качая головой, съ глухимъ ворчаніемъ, медвѣдь прошелъ почти въ двадцати шагахъ отъ лейтенанта Гобсона и его спутницы. Онъ или ихъ не замѣтилъ, или пренебрегъ ими, потому что не обратилъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ свой путь, направляясь къ мысу Митчель, и вскорѣ исчезъ за холмами.

Въ этотъ день Джэсперъ Гобсонъ и мистресъ Барнеттъ возвратились въ фортъ грустные и молчаливые.

Однако, приготовленія къ отъѣзду дѣятельно продолжались, точно проходъ по ледянымъ полямъ былъ уже обезпеченъ. Ничѣмъ не слѣдовало пренебрегать для обезпеченія безопасности похода; все нужно было предвидѣть; необходимо было разсчитывать не только на усталость и всевозможныя затрудненія, но и на прихоти полярной природы, которая такъ упорно защищается отъ изслѣдованій человѣка.

Предметомъ особенныхъ заботъ была собачья упряжь. Собакъ проѣзжали въ окрестностяхъ форта, чтобы, какъ говорится, промять ихъ члены, отяжелѣвшіе во время продолжительнаго бездѣйствія. Животныя

находились въ очень хорошемъ состоянiи и обѣщали выдержать этотъ долгiй походъ, конечно, при достаточной пищѣ и посильной работѣ.

Сани были тщательно осмотрѣны. Бугристая поверхность ледяного поля должна была подвергать ихъ сильнымъ толчкамъ, а потому слѣдовало скрѣпить ихъ въ главныхъ частяхъ снизу и позаботиться насчетъ прочныхъ полозьевъ. Занятiе это по праву принадлежало плотнику Макъ-

Среди страшнаго шума, льдины напирали одна на другую. (Стр. 116.)

Нэпу и его работникамъ, которые и привели въ полную исправность эти экипажи.

Кромѣ того, построено было двое новыхъ огромныхъ саней — одни для перевозки съѣстныхъ припасовъ, другiя для мѣховъ. Ихъ должны были везти домашнiе олени, которые были отлично выѣзжены для этой цѣли. Конечно, мѣха были роскошью, стѣснять себя которою могло показаться и неблагоразумнымъ; но Джэсперъ Гобсонъ хотѣлъ, на-

сколько было возможно, сохранять интересы Гудзонбайской компаніи, а потому и взялъ мѣха, намѣреваясь, впрочемъ, при малѣйшемъ затрудненіи бросить ихъ на дорогѣ. Въ этомъ не было никакого риска, потому что оставить ихъ въ магазинахъ факторіи — все равно значило обречь на неизбѣжную гибель.

Вотъ относительно провизіи — другое дѣло. Припасы должны быть обильны и удобны для перевозки. На охоту въ дорогѣ нельзя было разсчитывать, потому что съѣдобная дичь съ открытіемъ ледяного пути опередитъ ихъ и скорѣе доберется до твердой земли. Вслѣдствіе этого на особыя сани нагрузили мясные консервы, корнбифъ, пироги съ зайчатиною, сушеную рыбу, сухари, запасъ которыхъ, къ сожалѣнію, былъ очень ограниченъ, большое количество щавеля и ложечной травы, водки и спирта для приготовленія горячей пищи. Джэсперу Гобсону хотѣлось бы взять и топлива, потому что на пространствѣ шестисотъ миль не было ни деревьевъ, ни кустарниковъ, ни моха и, вообще, никакого горючаго матеріала; но такую тяжесть везти было некому, а потому и приходилось отъ нея отказаться. Къ счастью, не было недостатка въ теплой одеждѣ; а въ случаѣ надобности, сани, нагруженныя мѣхами, были всегда къ услугамъ путниковъ.

Что касается Томаса Блэка, который послѣ своего неудачнаго приключенія удалялся отъ всѣхъ, запершись въ своей комнатѣ и не принимая никакого участія въ хлопотахъ, то онъ появился только тогда, когда былъ окончательно назначенъ день отъѣзда. Но онъ исключительно занимался только санями, назначенными для перевозки его собственной особы, бумагъ и инструментовъ. Онъ постоянно молчалъ, и никто не могъ добиться отъ него ни слова. Казалось, онъ все позабылъ, даже и то, что онъ ученый, съ тѣхъ поръ, какъ ему не удалось сдѣлать наблюденія „своего затменія“. Какъ только разрѣшеніе лунныхъ выпуклостей ускользнуло отъ него, онъ пренебрегалъ наблюденіями даже такихъ явленій, свойственныхъ этимъ отдаленнымъ широтамъ, какъ, напримѣръ: сѣверное сіяніе, кольца вокругъ планетъ, ложная луна и т. п.

Каждый въ послѣдніе дни выказалъ такое стараніе и работалъ такъ усердно, что утромъ 18 ноября все было готово къ отъѣзду.

Къ несчастью, ледъ не представлялъ еще достаточной прочности. Хотя температура и понизилась немного, но морозъ былъ еще не настолько силенъ, чтобъ прочно укрѣпить морскую поверхность. Притомъ мелкій снѣгъ падалъ неровно и непостоянно. Марбръ, Сабинъ и Джэсперъ Гобсонъ ежедневно совершали осмотръ береговъ острова отъ мыса Митчель до бывшаго залива Моржей. Они даже рисковали выступать на ледяное поле мили на полторы отъ берега и положительно убѣждались, что все поле по всѣмъ направленіямъ было буквально испещрено трещинами и промоинами. Не только санямъ, но и пѣшеходамъ выходить на него значило подвергать себя явной опасности. Во время этихъ странствованій развѣдчики уставали до изнеможенія и нѣсколько разъ уже думали, что не въ состояніи будутъ возвратиться на островъ Викторіи среди этихъ подвижныхъ льдовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось, что природа вооружилась противъ несчастныхъ колонистовъ. Днемъ 18 и 19-го термометръ поднимался, а барометръ понижался. Эта перемѣна въ состояніи атмосферы могла

привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Въ то время, когда холодъ уменьшался, небо покрывалось облаками. При 1° выше нуля шелъ уже не снѣгъ, а дождь. Этотъ теплый ливень размывалъ ледяную массу во многихъ мѣстахъ. Легко понять дѣйствіе облачной воды на ледяное поле. Можно было даже ожидать близкаго вскрытія льдовъ; на многихъ льдинахъ уже виднѣлись признаки этого вскрытія. Лейтенантъ Гобсонъ, который, несмотря на такую ужасную погоду, часто ходилъ на югъ острова, однажды возвратился въ полномъ отчаяніи.

20-го новая буря — по своей свирѣпости очень похожая на ту, которая мѣсяцъ тому назадъ бушевала надъ островомъ — опять разразилась надъ этими роковыми пространствами Полярнаго океана. Колонисты не могли, какъ говорится, даже носа высунуть изъ дома и нѣсколько дней просидѣли взаперти.

ГЛАВА XIII.

Черезъ ледяное поле.

22 ноября погода начала измѣняться; буря мало-по-малу утихла. Вѣтеръ подулъ съ сѣвера, и термометръ понизился на нѣсколько градусовъ. Нѣкоторыя перелетныя птицы удалились. Наконецъ, можно было надѣяться, что температура сдѣлается такою, какою она должна быть зимою въ этихъ отдаленныхъ широтахъ. Колонисты положительно жалѣли, что морозъ не былъ такъ суровъ, какъ прошлою зимой, когда ртуть падала на 55° ниже нуля.

Джэсперъ Гобсонъ рѣшилъ не медлить далѣе отъѣздомъ съ острова Викторіи, и утромъ 22 ноября вся колонія была готова покинуть фортъ Надежды и островъ, слившійся теперь съ ледянымъ полемъ и вслѣдствіе этого соединенный съ американскимъ материкомъ ледянымъ мостомъ въ шестьсотъ миль длиною.

Въ одиннадцать съ половиною часовъ утра, среди сѣроватой, но спокойной атмосферы, которую великолѣпное сѣверное сіяніе освѣщало отъ горизонта до зенита, лейтенантъ Гобсонъ подалъ сигналъ къ отъѣзду. Собаки и олени были запряжены, и путники молча выѣхали по направленію къ мысу Митчель, откуда они должны были спуститься на ледяное поле.

Караванъ сначала прошелъ по опушкѣ лѣсистаго холма на восточной сторонѣ озера Барнеттъ, и, въ минуту поворота за его уголъ, каждый обернулся взглянуть въ послѣдній разъ на мысъ Батурстъ, покидаемый навсегда. При свѣтѣ сѣвернаго сіянія обрисовывалось нѣсколько неправильныхъ снѣжныхъ заваловъ, и двѣ или три бѣлыя линіи очерчивали ограду факторіи. Тамъ и сямъ бѣлѣющія крыши, дымъ, выходившій еще изъ трубы, послѣднее дыханіе огня, готоваго потухнуть навсегда, — таковъ былъ фортъ Надежды, это злополучное поселеніе, стоившее столькихъ безполезныхъ трудовъ и заботъ.

— Прощай, нашъ бѣдный полярный домъ! — сказала мистресъ Полина Барнеттъ, махнувъ въ послѣдній разъ рукою.

И вся колонія въ грустномъ молчаніи пустилась въ далекій путь.

Черезъ часъ караванъ достигъ мыса Митчель, обогнувъ полынью, которая еще противилась дѣйствію небольшого мороза. До сихъ поръ путь не представлялъ никакихъ затрудненій, потому что почва острова Викторіи представляла относительно гладкую поверхность. Но на морѣ было другое дѣло. Дѣйствительно, ледяное поле, подъ вліяніемъ огромнаго давленія сплошныхъ льдовъ съ сѣвера, покрылось буграми, холмами, даже цѣлыми горами, между которыми цѣной чрезвычайныхъ усилій и страшнаго изнуренія нужно было искать удобнаго прохода.

Къ вечеру караванъ сдѣлалъ нѣсколько миль по ледяному полю. Слѣдовало позаботиться объ устройствѣ ночлега. Въ этомъ случаѣ послѣдовали примѣру эскимосовъ и индѣйцевъ, живущихъ на сѣверѣ Америки, и устроили снѣговыя дома въ огромныхъ ледяныхъ глыбахъ. Снѣговые ножи путниковъ дѣйствовали очень ловко, и въ восемь часовъ, послѣ обычнаго ужина, состоявшаго изъ сухой говядины, всѣ обитатели факторіи расползлись по своимъ норамъ, которыя оказались гораздо теплѣе, нежели можно было предполагать.

Прежде чѣмъ уснуть, мистресъ Полина Барнеттъ спросила у лейтенанта, можетъ ли онъ опредѣлить пройденное разстояніе.

— Я полагаю, что мы сдѣлали не болѣе десяти миль, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ.

— Десять изъ шестисотъ! — воскликнула путешественница. — По этому расчету мы употребимъ три мѣсяца на переходъ къ американскому материку.

— Можетъ-быть, и больше, миледи, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Мы не можемъ итти скорѣе. Теперь мы путешествуемъ совсѣмъ не такъ, какъ шли въ прошломъ году по ледянымъ равнинамъ, отдѣляющимъ фортъ Соединенія отъ мыса Батурстъ; теперь мы идемъ по бугристому пространству, которое не можетъ представить намъ удобной дороги. Мы встрѣтимъ величайшія затрудненія во время нашей попытки. Дай Богъ, чтобъ мы ихъ преодолѣли! Во всякомъ случаѣ, самое главное заключается не только въ томъ, чтобы итти скоро, но и въ хорошемъ состояніи здоровья. Я буду очень счастливъ, если ни одинъ изъ моихъ товарищей не будетъ отсутствовать на перекличкѣ по прибытіи нашемъ въ фортъ Соединенія. Дай Богъ, чтобы черезъ три мѣсяца мы добрались до американскаго берега, тогда намъ остается только поблагодарить судьбу.

Ночь прошла спокойно; но Джэсперу Гобсону, который долго не могъ уснуть, казалось, что въ почвѣ, гдѣ онъ устроилъ себѣ ночлегъ, чувствовалось какое-то содроганіе, которое, вѣроятно, происходило отъ недостаточно плотнаго сцѣпленія всѣхъ частей ледяного поля. Онъ понялъ, что это громадное пространство не вполнѣ еще сплотилось, вслѣдствіе чего огромныя полыньи должны были перерѣзывать его во многихъ мѣстахъ. Притомъ еще до отъѣзда лейтенантъ Гобсонъ очень хорошо замѣтилъ, что ни пушныя животныя ни хищные звѣри еще не покинули окрестностей мыса Батурстъ; а если они не отправились искать на зиму болѣе теплаго климата, то, значитъ, они полагали встрѣтить на пути препятствія, подсказанныя имъ инстинктомъ. Однако, дѣлая эту попытку переселить свою колонію, лейтенантъ дѣйствовалъ благоразумно. Если бы даже попытка спасти колонію прежде вскрытія льдовъ и не удалась и заставила его вернуться назадъ, то Джэсперъ

Гобсонъ, все-таки, долженъ былъ это сдѣлать. На другой день, 23 ноября, караванъ не могъ пройти даже и десяти миль къ востоку, такъ какъ дорожныя затрудненія еще болѣе увеличились. Ледяная кора была страшно взрыта, потому что ледъ замерзалъ неровно, и ледяныя глыбы, тѣснимыя сплошными льдами съ сѣвера, наваливались другъ на друга, образуя буквально невозможную дорогу.

Было очевидно, что караванъ не могъ перейти черезъ эти горы, и даже не имѣлъ возможности проложить себѣ путь въ ледяной массѣ при помощи топоровъ и снѣговыхъ ножей. Нѣкоторые изъ снѣговыхъ холмовъ были самыхъ разнообразныхъ формъ, и ихъ массы имѣли видъ разрушеннаго города. Были горы отъ трехсотъ до четырехсотъ футовъ вышиною надъ уровнемъ моря, а на ихъ вершинахъ громоздились еще большія массы, такъ слабо скрѣпленныя, что достаточно было окакогнибудь удара, толчка и даже простого сотрясенія воздуха, чтобы заставить ихъ низринуться внизъ.

Поэтому, огибая такія ледяныя горы, необходимо было принимать всевозможныя мѣры предосторожности. Лейтенантъ строго приказалъ, чтобы при такихъ опасныхъ переходахъ не возвышать голоса и не подгонять собакъ хлопаньемъ бича. Этихъ мѣръ нельзя было назвать излишними: достаточно было малѣйшей несторожности, чтобы привести къ серьезнымъ, непоправимымъ послѣдствіямъ.

На обходъ этихъ препятствій и на розыски болѣе удобнаго пути терялось очень много времени. Съ страшными усиліями и усталостью караванъ едва подвигался впередъ, дѣлая десять миль крюку, чтобы пройти одну милю къ востоку. Но во всякомъ случаѣ, въ твердой ледяной дорогѣ еще не было недостатка.

Но 24 ноября встрѣтились такія препятствія, преодолѣть которыя Джэсперу Гобсону показалось прямо невозможнымъ.

Дѣйствительно, переправившись черезъ первые ледяныя бугры, въ двадцати миляхъ отъ острова Викторіи, караванъ очутился на пространствѣ, гораздо менѣе загроможденномъ, многія части котораго не подвергались сильному давленію. Очевидно, что, вслѣдствіе направленія теченія, сплошные льды съ сѣвера не устремлялись на эту часть ледяного поля. Но если здѣсь не было ледяныхъ холмовъ, то взамѣнъ ихъ были еще болѣе важныя препятствія — широкія незамерзшія полыньи, перерѣзывавшія путь по всѣмъ направленіямъ. Воздухъ былъ относительно теплый, и термометръ днемъ рѣдко опускался ниже одного градуса выше нуля. А такъ какъ соленая вода замерзаетъ труднѣе прѣсной, то для того, чтобы море покрылось льдомъ, необходимо нѣсколько градусовъ мороза. Всѣ твердыя части, образовавшія ледяное поле, и сплошные льды прибыли изъ болѣе отдаленныхъ широтъ, и теперь ихъ предохранялъ отъ таянія собственный холодъ. Но это южное пространство Сѣвернаго океана не замерзало однообразно, а, что еще хуже, шелъ теплый дождь и заставлялъ таять уже успѣвшіе сплотиться льды.

Вь этотъ день караванъ долженъ былъ остановиться предъ трещиною, въ которой волновалаэь вода, усѣянная мелкими льдинами. Трещииа была не менѣн ста шаговъ въ ширину, а въ длину тянулась на нѣсколько миль.

Въ продолженіе двухъ часовъ шли по западпому берегу этой

полыньи, надѣясь добраться до ея оконечности, чтобы снова направиться къ востоку; но все тщетно. Пришлось остановиться. Приступили къ устройству табора.

Джэсперъ Гобсонъ, въ сопровожденіи сержанта Лонга, отправился впередъ для изслѣдованія непроходимой полыньи. Онъ проклиналъ умѣренность зимы, причинявшую имъ такъ много хлопотъ и сильно замедлявшую путь.

— Нужно же, однако, перейти ее, — сказалъ сержантъ Лонгъ. — Не можемъ же мы оставаться на одномъ мѣстѣ.

— Да, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — и мы это сдѣлаемъ. Поднявшись ли къ сѣверу, спустившись ли къ югу, но мы, все-таки, обойдемъ эту промоину. Но за нею встрѣтятся другія, которыя тоже потребуютъ обхода, и такъ постоянно, на пространствѣ цѣлыхъ сотенъ миль, пока продолжится эта умѣренная температура.

— Ну, что жъ, господинъ лейтенантъ, нужно будетъ сначала развѣдывать, а потомъ ужъ и пускаться въ путь, — сказалъ сержантъ Лонгъ.

— Да, сержантъ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — вы правы. Иначе мы рискуемъ, сдѣлавъ пятьсотъ или шестьсотъ миль на обходы, не пройти и половины разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ американскаго берега. Да, необходимо итти на развѣдки, и я это сдѣлаю.

Съ этими словами Джэсперъ Гобсонъ, снявъ съ себя лишнюю одежду, бросился въ полузамерзшую воду. Будучи хорошимъ пловцомъ, онъ вскорѣ достигъ противоположнаго берега и исчезъ среди ледяныхъ горъ.

Черезъ нѣсколько часовъ, сильно измученный, онъ возвратился на мѣсто стоянки маленькой колоніи, куда сержантъ Лонгъ пришелъ раньше. Лейтенантъ отвелъ сержанта и мистресъ Барнеттъ въ сторону и сообщилъ имъ, что далѣе ледяное поле было непроходимо.

— Можетъ-быть, — сказалъ онъ, — одинъ человѣкъ, пѣшій, безъ саней и безъ всякой клади, и прошелъ бы, но для цѣлаго каравана это невозможно. Полыньи увеличиваются къ востоку, такъ что судно намъ было бы полезнѣе саней.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ сержантъ Лонгъ, — если пѣшій можетъ пройти, то развѣ одинъ изъ насъ не можетъ отправиться на развѣдки?

— Можетъ, Лонгъ, и я намѣренъ итти, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ.

— Вы, мистеръ Джэсперъ?!

— Вы, господинъ лейтенантъ?!

Оба эти вопроса, сдѣланные одновременно путешественницей и сержантомъ, доказывали, насколько намѣреніе лейтенанта было неожиданно и непріятно для нихъ. Итти ему, начальнику экспедиціи? Оставить своихъ подчиненныхъ, хотя, конечно, въ ихъ же интересахъ, и, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, рисковать не воротиться? Нѣтъ, это было невозможно! И Джэсперъ Гобсонъ не настаивалъ болѣе на своемъ намѣреніи.

— Да, друзья мои — сказалъ онъ, — я васъ понимаю и не покину болѣе. Но также безполезно кому-нибудь и изъ васъ рѣшиться на эту попытку. Смѣльчакъ не ушелъ бы далеко. Онъ погибъ бы на дорогѣ, и, по вскрытіи льдовъ, труппъ его не нашелъ бы другой могилы,

кромѣ бездны, находящейся у насъ подъ ногами. Притомъ, что бы онъ могъ сдѣлать, если бы даже ему и удалось добраться до Ново-Архангельска? Какимъ образомъ онъ помогъ бы намъ? Нанять корабль для поисковъ за нами? Хорошо. Но этотъ корабль не можетъ пройти прежде вскрытія льдовъ, а послѣ вскрытія ихъ, кто знаетъ, куда будетъ увлеченъ островъ Викторіи?

— Да, вы правы, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ сержантъ. — Останемся всѣ вмѣстѣ, и если намъ суждено искать спасенія при помощи корабля, то корабль Макъ-Нэпа почти готовъ и всегда къ нашимъ услугамъ.

Мистресъ Полина Барнеттъ слушала этотъ разговоръ очень внимательно. Она тоже хорошо понимала, что если ледяное поле было непроходимо, то оставалось только одно средство для спасенія — судно Макъ-Нэпа. Теперь нужно было разсчитывать только на это судно и дожидаться вскрытія льдовъ.

— Въ такомъ случаѣ, мистеръ Гобсонъ, — сказала она, — вы рѣшаетесь...

— Возвратиться на островъ Викторіи, миледи. Болѣе намъ ничего не остается, — отвѣчалъ со вздохомъ лейтенантъ.

— Ну, такъ что же, возвратимся, и да поможетъ намъ Богъ!

Всѣ были собраны, и имъ было предложено возвратиться назадъ въ фортъ Надежды.

Первое впечатлѣніе, произведенное словами Джэспера Гобсона, было не въ пользу его предложенія. Бѣдняки такъ твердо надѣялись на счастливый исходъ путешествія черезъ ледяное поле, что ихъ разочарованіе равнялось почти отчаянію. Но они скоро одумались и изъявили согласіе.

Джэсперъ Гобсонъ сообщилъ имъ о результатѣ своей послѣдней развѣдки. Онъ объяснилъ имъ, что препятствія увеличивались съ каждымъ шагомъ на востокъ, что ихъ необходимо было обходить, и что этотъ обходъ, кромѣ страшныхъ усилій съ ихъ стороны, потребовалъ бы очень много времени, а между тѣмъ, въ ихъ распоряженіи находилось только какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца.

— Въ настоящую минуту, — прибавилъ онъ, — намъ отрѣзано всякое сообщеніе съ американскимъ материкомъ, и, продолжая, цѣною крайнихъ усилій, подвигаться къ востоку, мы рискуемъ не имѣть возможности возвратиться на островъ, который составляетъ наше единственное убѣжище. Если вскрытіе льдовъ застанетъ насъ на ледяномъ полѣ, то гибель наша будетъ неизбѣжна. Вы видите, что я не скрываю отъ васъ истины, друзья мои, но и не преувеличиваю ея. Я знаю, что говорю съ людьми отважными, хорошо понимающими, что я не изъ тѣхъ, которые отступаютъ. Повторяю, мы очутились лицомъ къ лицу съ невозможнымъ.

Солдаты питали безграничное довѣріе къ своему начальнику. Они знали его отвагу, его нравственную силу, и когда онъ сказалъ, что нельзя пройти, значитъ проходъ, дѣйствительно, былъ невозможенъ.

Возвращеніе въ фортъ Надежды было назначено на другой день и совершалось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Погода была ужасная. Жестокій вѣтеръ разгуливалъ по ледяному полю. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Можно судить, какъ было трудно, при такихъ усло-

віяхъ, двигаться въ лабиринтѣ ледяныхъ горъ, среди полнѣйшаго мрака.

Караванъ употребилъ четверо сутокъ на обратный путь къ острову. Нѣсколько саней съ собаками провалились въ полыньи. Однако, благодаря своему благоразумію и энергіи, лейтенантъ Гобсонъ могъ похвалиться, что не потерялъ ни одного товарища. Но сколько еще изнуреній и опасностей слѣдовало претерпѣть въ будущемъ этимъ несчастнымъ людямъ!

ГЛАВА XIV.

Зимніе мѣсяцы.

Джэсперъ Гобсонъ и его сильно измученные спутники возвратились въ фортъ Надежды только 28 ноября. Теперь они разсчитывали только на свой корабль, воспользоваться которымъ могли, однако, не ранѣе какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, т. е. когда море окочательно освободится ото льдовъ.

Началась зимовка. Провизію сложили въ кладовую, а оружіе, мѣха, разные инструменты и лишнюю одежду заперли въ магазинахъ. Собаки помѣщены были на псарнѣ, а домашніе олени — въ ихъ обычномъ мѣстѣ.

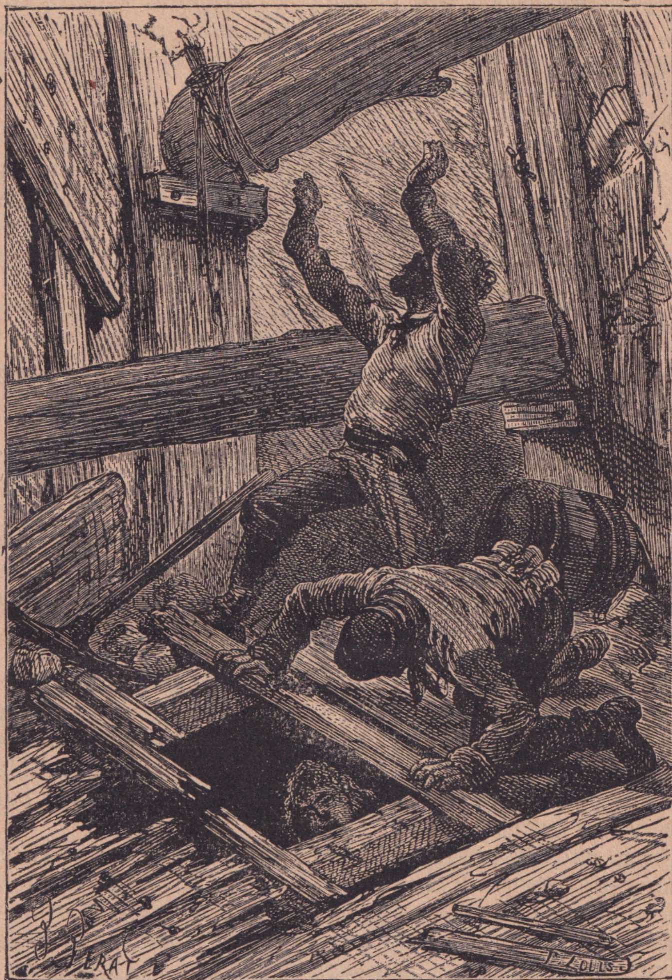
Только Блэкъ, хотя и съ отчаяніемъ, тоже принужденъ былъ занять свое прежнее помѣщеніе. Несчастный астрономъ снова перенесъ въ свою комнату инструменты, книги, бумаги и, сердясь болѣе чѣмъ-когда-либо на „роковую судьбу, которая взъѣлась на него“, попрежнему оставался чуждымъ всему, что происходило въ факторіи.

Одного дня достаточно было для общаго размѣщенія, и снова началась обычная жизнь зимовщиковъ, жизнь безъ особыхъ приключеній, которая показалась бы страшно однообразною для обитателей большихъ городовъ. Шитье, починка одежды, уходъ за мѣхами, значительная часть которыхъ могла быть сохранена, наблюденіе погоды, осмотръ ледяного поля, наконецъ, чтеніе — вотъ ежедневныя занятія и развлеченія обитателей форта. Мистресъ Полина Барнеттъ предсѣдательствовала повсюду, и ея вліяніе на окружающихъ сказывалось во всемъ. Если иногда и возникало легкое несогласіе между солдатами, раздраженными непріятностями настоящаго и безпокойствомъ о будущемъ, то его скоро успокоивали слова мистресъ Полины Барнеттъ. Путешественница имѣла большую власть надъ этимъ маленькимъ обществомъ, и къ чести ея слѣдуетъ сказать, что она пользовалась своею властью только для общаго блага.

Калюмахъ все болѣе и болѣе привязывалась къ ней. Но не одна мистресъ Барнеттъ — всѣ любили молодую эскимоску за ея кротость и услужливость. Мистресъ Барнеттъ взялась за ея воспитаніе. Дѣло это увѣнчалось успѣхомъ, потому что Калюмахъ оказалась очень умна и понятлива. Она усовершенствовалась въ англійскомъ языкѣ и научилась читать и писать. Во всякомъ случаѣ, Калюмахъ могла бы имѣть много учителей, которые спорили объ удовольствіи учить ее, потому что изъ

всѣхъ этихъ солдатъ, родомъ изъ англійскихъ колоній или изъ самой Англіи, не было ни одного, который не зналъ бы грамоты.

Между тѣмъ, постройка судна дѣятельно продолжалась, и оно должно было быть готово къ концу мѣсяца. Въ темнотѣ долгой полярной ночи Макъ-Нэпъ и его помощники прилежно работали при свѣтѣ факеловъ, въ то время, какъ другіе приготовляли такелажъ въ магазинахъ.

— Къ намъ... на помощь...— едва слышно прошептала эскимоска. (Стр. 123.)

Хотя время года было и позднее, но температура была не равномѣрна. Холода, иногда очень рѣзкіе, держались не долго, что, очевидно, зависило отъ западныхъ вѣтровъ.

Въ теченіе всего декабря шелъ то дождь, то снѣгъ, и температура колебалась между 3° ниже нуля и 1° выше нуля. Расходъ на топливо былъ умѣренный, хотя и не было никакой надобности его беречь. Но, къ несчастью, не то было съ освѣщеніемъ: грозилъ недостатокъ

масла, и Джэсперъ Гобсонъ принужденъ былъ ограничить зажиганіе лампъ только на нѣсколько часовъ въ день. Пытались было употреблять на освѣщенія дома оленій жиръ; но запахъ отъ этого жира былъ такъ невыносимъ, что всѣ предпочитали лучше оставаться въ темнотѣ. Тогда, конечно, прекращались работы, и эти часы казались самыми длинными.

Нѣсколько сѣверныхъ сіяній и двѣ или три ложныхъ луны во время новолупія появлялись надъ горизонтомъ. Томасъ Блэкъ имѣлъ превосходный случай наблюдать эти явленія и получить вѣрныя вычисленія ихъ силы, цвѣта, отношенія къ электрическому состоянію атмосферы, вліянія на магнитную стрѣлку и проч. Но астрономъ не выходилъ даже изъ комнаты. Онъ положительно сдѣлался не вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ.

30-го декабря, при лунномъ свѣтѣ, можно было видѣть, какъ на всемъ сѣверѣ и на востокѣ острова Викторіи длинная круговая линія ледяныхъ горъ замыкала горизонтъ. Это были сплошные льды, массы которыхъ громоздились одна на другую. Высота ихъ была, приблизительно, отъ трехсотъ до четырехсотъ футовъ. Эта огромная преграда замыкала островъ почти на двѣ трети его окружности.

Въ первую недѣлю января небо было очень чисто. Новый 1861 годъ начался довольно рѣзкимъ морозомъ, и ртуть понизилась до 13° холода. Такая температура была почти самая низкая, замѣченная въ эту зиму. Во всякомъ случаѣ, для такой отдаленной широты такая температура была очень высока.

Лейтенантъ Гобсонъ нашелъ нужнымъ еще разъ опредѣлить положеніе острова, чтобы убѣдиться, не произошло ли какого-нибудь передвиженія.

Къ этому времени, несмотря на всю бережливость, запасъ масла былъ уже на исходѣ. Солнце не должно было на этой широтѣ появиться раньше первыхъ чиселъ февраля, стало-быть, еще цѣлый мѣсяцъ колонисты должны были просидѣть въ полнѣйшей тьмѣ, если бы молодая эскимоска не нашла необходимаго освѣтительнаго матеріала.

Калюмахъ 3-го января отправилась къ подошвѣ мыса Батурстъ посмотрѣть состояніе моря. Въ этомъ мѣстѣ, какъ и во всей части океана къ сѣверу отъ острова, ледяное поле было очень плотно. Между его крѣпко сплоченными льдинами совсѣмъ не было промоинъ. Поверхность моря, хотя и бугристая, всюду была прочная, вѣроятно, потому, что сплошныя массы льдовъ крѣпко примкнули къ острову.

Несмотря на отсутствіе промоинъ, молодая эскимоска замѣтила, однако, круглыя отверстія, ясно очерченныя во льду. Значеніе этихъ отверстій она отлично знала: это было дѣло тюленей. Тюлени, поддерживая отверстія, т. е. не давая имъ замерзать, выходили черезъ нихъ на поверхность подышать и поискать на берегу подъ снѣгомъ моху.

Калюмахъ знала, что зимой медвѣди подолгу сидятъ возлѣ такихъ дыръ и терпѣливо ожидаютъ минуты, когда тюлень выйдетъ изъ воды; затѣмъ они его обхватываютъ лапами, душатъ и уносятъ къ себѣ. Ей также хорошо было извѣстно, что эскимосы съ неменьшимъ терпѣніемъ ожидаютъ появленія тюленей, накидываютъ на нихъ петлю и безъ труда овладѣваютъ ими.

Но что дѣлали медвѣди и эскимосы, то легко могли сдѣлать и ловкіе охотники факторіи. Разъ отверстія существовали, значитъ, были и

тюлени, а тюлени обладаютъ жиромъ, то-есть матеріаломъ для освѣщенія, котораго недоставало въ факторіи.

Обдумавъ все это, Калюмахъ немедленно возвратилась въ фортъ и передала свое открытіе Джэсперу Гобсону. Послѣдній позвалъ охотниковъ Марбра и Сабина. Молодая дѣвушка объяснила имъ пріемъ, употребляемый эскимосами при ловлѣ тюленей зимою, и предложила испытать этотъ способъ.

Не успѣла она окончить свои объясненія, какъ Сабинъ уже приготовилъ крѣпкую веревку съ петлей.

Лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ, Калюмахъ и еще два солдата отправились къ мысу Батурстъ, и въ то время, когда женщины оставались на берегу, мужчины подползли къ означеннымъ отверстіямъ. Каждый изъ нихъ запасся веревкою и выбралъ отверстіе.

Ждали довольно долго. Прошелъ часъ. Ничто не обнаруживало приближенія тюленей. Наконецъ, одно отверстіе, за которымъ наблюдалъ Марбръ, заволновалось на поверхности. Показалась голова, вооруженная длинными клыками. Это былъ моржъ. Марбръ ловко накинулъ на него петлю и сильно затянулъ ее. Товарищи бросились къ нему на помощь и не безъ труда вытащили огромное животное. Нѣсколько ударовъ топоромъ покончили его существованіе.

Обитателямъ форта Надежды очень понравилась эта охота. Такимъ образомъ поймали еще нѣсколько моржей. Изъ нихъ натопили много жиру, и хотя этотъ матеріалъ былъ животный, а не растительный, однако, успѣшно употреблялся для лампъ. Теперь въ освѣщеніи не было недостатка.

Морозы не увеличивались; температура продолжала быть сносною. Если бы зимовщики находились на прочной почвѣ материка, то они могли бы только поздравить другъ друга, что провели зиму при такихъ условіяхъ. Высокими сплошными льдинами они защищены были отъ холодныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, а потому и не чувствовали вліянія послѣднихъ. Шелъ январь, а термометръ показывалъ лишь нѣсколько градусовъ ниже точки замерзанія.

Но именно отъ умѣренности температуры зависѣло то, что море не вполнѣ замерзло вокругъ острова Викторіи. Поэтому ледяное поле не заняло всего его пространства; многочисленныя полыньи, пересѣкавшія его по всѣмъ направленіямъ, дѣлали его, вѣроятно, непроходимымъ; это доказывалось тѣмъ, что ни жвачныя ни хищныя животныя не уходили съ острова. Животныя эти такъ освоились съ факторіей, что ихъ можно было считать почти домашними.

Исполняя приказаніе лейтенанта Гобсона, охотники щадили этихъ четвероногихъ, смерть которыхъ имъ, впрочемъ, была совершенно безполезна. Только однихъ оленей убивали на свѣжее мясо, а горностаевъ, куницъ, мускусовыхъ бобриковъ, бобровъ и лисицъ — этихъ самыхъ цѣнныхъ звѣрей сѣвера — оставляли въ покоѣ. Какъ было уже сказано выше, животныя эти настолько освоились съ обитателями форта, что уже безъ боязни посѣщали его окрестности. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ, самые смѣлые, пробирались даже за ограду, и ихъ не выгоняли. Лисицы и куницы были великолѣпны въ своей зимней одеждѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ стоили большихъ денегъ. Грызуны, благодаря умѣренности температуры, легко находили растительную пищу подъ мяг-

кимъ, не толстымъ слоемъ снѣга и не требовали помощи изъ запасовъ форта.

Въ январѣ случилось одно печальное событіе: 7-го числа ребенокъ Макъ-Нэпа заболѣлъ довольно сильною лихорадкой. Головныя боли, жажда, попеременные жаръ и ознобъ скоро привели малютку въ очень опасное положеніе. Можно себѣ представить все горе Макъ-Нэпа, его жены и друзей, такъ любившихъ ребенка. Никто не зналъ, что дѣлать, потому что не было извѣстно свойство болѣзни; но Мэджъ не растерялась и, понимая кое-что въ медицинѣ, поставила ребенку горчичникъ и приготовила освѣжительную настойку. Калюмахъ дни и ночи проводила возлѣ больного мальчика.

На третій день не было сомнѣнія въ сущности болѣзни. Особенная сыпь выступила на тѣлѣ ребенка. Это была злокачественная скарлатина, которая неизбѣжно должна была повести къ внутреннему воспаленію.

Рѣдко годовалыя дѣти подвергаются такой страшной болѣзни, но иногда бываетъ. Аптека въ фортѣ, къ сожалѣнію, была очень неполная. Но, къ счастью, Мэджъ, нѣсколько разъ лѣчившая скарлатину, знала дѣйствіе белладонной настойки. Она предписала давать ежедневно одну или двѣ капли этой настойки мальчику, котораго съ крайнею заботливостью берегли отъ соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ.

Ребенка перенесли въ уютную комнату. Скоро сыпь достигла полнаго развитія, и маленькія красныя пятна показались на языкѣ, на губахъ и даже на бѣлкахъ глазъ. Черезъ два дня пятна на кожѣ приняли фіолетовый цвѣтъ и заструпились.

Съ этихъ поръ слѣдовало удвоить осторожность и дѣйствовать противъ внутренняго воспаленія, обозначавшаго злокачественность болѣзни. Ничѣмъ не пренебрегли, и ухаживали за маленькимъ больнымъ самымъ тщательнымъ образомъ. Около 20-го января уже можно было имѣть нѣкоторую надежду на выздоровленіе ребенка.

Вся факторія ликовала. Вѣдь этотъ ребенокъ былъ дитя форта, дитя отряда, дитя полка! Онъ родился въ суровомъ климатѣ среди отважныхъ и честныхъ людей. Они его назвали Митчель-Эсперансъ и смотрѣли на него, среди своихъ испытаній, какъ на талисманъ, который Богъ не захочетъ отнять у нихъ. Что касается Калюмахъ, то можно было подумать, что смерть ребенка будетъ ея смертью. Но мало-помалу мальчикъ началъ выздоравливать, и съ его выздоровленіемъ всѣ повеселѣли, ободрились и какъ бы обновились.

Между тѣмъ, наступило 23-е января. Положеніе острова нисколько не измѣнилось. Непроглядная ночь все еще царила надъ Полярнымъ океаномъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней шелъ густой снѣгъ и покрылъ какъ почву острова, такъ и ледяное поле слоемъ въ два фута толщиною.

Утромъ 27-го въ фортъ явился неожиданный посѣтитель. Солдаты Бэльчеръ и Пондъ, стоя на часахъ у ограды, замѣтили огромнаго бѣлаго медвѣдя, который спокойно направлялся къ форту. Они вошли въ залу и извѣстили мистресъ Полину Барнеттъ о приходѣ страшнаго звѣря.

— Это, должно-быть, тотъ медвѣдь, — сказала мистресъ Барнеттъ лейтенанту Гобсону.

Тотчасъ же лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Барнеттъ, Калюмахъ, сержантъ Лонгъ, Сабинъ и нѣсколько солдатъ съ ружьями направились къ выходу.

Медвѣдь былъ въ двухстахъ шагахъ и шелъ спокойно, безъ колебанія, точно исполняя заранѣе обдуманный планъ.

Джэсперъ Гобсонъ часто ходилъ по берегу. (Стр. 127.)

— Я его узнаю, — сказала мистресъ Барнеттъ. — Это тотъ самый медвѣдь, Калюмахъ, твой спаситель.

— Да, да, не убивайте моего медвѣдя! — воскликнула молодая дѣвушка.

— Его не убьютъ, — отвѣчалъ лейтенантъ Гобсонъ. — Не трогайте его, друзья мои: безъ сомнѣнія, онъ уйдетъ, какъ и пришелъ.

— А если онъ захочетъ проникнуть въ ограду? — сказалъ сержантъ

Лонгъ, который, повидимому, не довѣрялъ добрымъ намѣреніямъ этого обитателя полярныхъ странъ.

— Пропустите его, сержантъ, — сказала мистресъ Барнеттъ. — Животное это уже утратило всю свою свирѣпость. Вы знаете, что онъ такой же плѣнникъ на этомъ островѣ, какъ и мы, а плѣнники...

— Не ѣдятъ другъ друга, — докончилъ Джэсперъ Гобсонъ. — Это правда, миледи, но при условіи, чтобы они были одной породы. Впрочемъ, этого звѣря пощадятъ по вашему ходатайству. Мы только будемъ защищаться, если онъ нападетъ на насъ. Однако, я нахожу болѣе благоразумнымъ войти въ домъ. Не слѣдуетъ подавать большого соблазна этому звѣрю.

Всѣ послѣдовали благому совѣту. Войдя въ домъ, заперли двери, но ставней не затворили, что позволяло слѣдить въ окно за всѣми движеніями нежданнаго посѣтителя. Подойдя къ калиткѣ, медвѣдь тихо толкнулъ ее, просунулъ голову, осмотрѣлъ дворъ и вошелъ. Дойдя до середины двора, онъ оглядѣлъ окружающія его строенія и направился къ оленьему сараю и псарнѣ, гдѣ послушалъ ворчаніе почуявшихъ его собакъ и ревъ встревоженныхъ оленей; потомъ, продолжая обзоръ, по окружности палисада приблизился къ главному дому и прислонилъ свою большую голову къ одному изъ оконъ общей залы.

Всѣ невольно попятились назадъ, нѣкоторые солдаты даже схватились за ружья, и Джэсперъ Гобсонъ начиналъ уже раскаиваться, что допустилъ „шутку" такъ далеко.

Одна Калюмахъ не испугалась: она храбро прижала свое кроткое лицо къ ломкому стеклу и взглянула прямо въ глаза звѣрю. Медвѣдь, казалось, узналъ ее — такъ, по крайней мѣрѣ, она думала — и, оставшись, должно-быть, доволенъ, заворчалъ отъ удовольствія; потомъ, поворотивъ къ выходу, онъ, по выраженію Джэспера Гобсона, „ушелъ, какъ и пришелъ".

Тѣмъ и окончилось это происшествіе. Жизнь зимовщиковъ опять потекла обычнымъ порядкомъ.

Выздоровленіе мальчика шло хорошо, и въ послѣднихъ числахъ мѣсяца къ нему снова возвратились его круглыя щеки и живые глазенки.

3-го февраля, около полудня, блѣдный свѣтъ впервые озарилъ на цѣлый часъ южный горизонтъ, на небѣ показался ненадолго и желтоватый кружокъ. Это было первое появленіе солнца послѣ продолжительной полярной ночи.

ГЛАВА XV.

Послѣднія развѣдки.

Съ этого числа солнце каждый день все выше и выше поднималось на горизонтѣ. Но если ночь и прервалась на нѣсколько часовъ, то холодъ увеличился, что нерѣдко бываетъ въ февралѣ, и термометръ показывалъ 17° холода. Это была самая низкая температура въ эту зиму.

— А когда бываетъ вскрытіе льдовъ въ этихъ моряхъ? — спросила однажды мистресъ Барнеттъ у Джэспера Гобсона.

— Въ холодные годы, — отвѣчалъ лейтенантъ, — вскрытіе льдовъ происходитъ не ранѣе первыхъ чиселъ мая; но настоящая зима такъ

тепла, что если не подойдутъ новые сильные морозы, то море можетъ вскрыться въ началѣ апрѣля. Таково, по крайней мѣрѣ, мое предположеніе.

— Значитъ, намъ придется ждать еще два мѣсяца? — продолжала мистресъ Барнеттъ.

— Да, миледи, и это самое меньшее, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Благоразуміе требуетъ не отваживаться на плаваніе на нашемъ кораблѣ среди льдовъ, и я полагаю, что если мы выждемъ время, когда нашъ островъ будетъ находиться въ самой узкой части Берингова пролива, ширина котораго не болѣе ста миль, то мы будемъ имѣть гораздо больше шансовъ на спасеніе, чѣмъ если бы мы сѣли на корабль въ томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ находится нашъ островъ.

— Что вы говорите, мистеръ Гобсонъ?! — воскликнула мистресъ Барнеттъ, удивленная отвѣтомъ лейтенанта. — Развѣ вы забыли, что сюда насъ занесло сѣверное Камчатское теченіе, и что во время вскрытія льдовъ оно можетъ снова подхватить насъ и отнести еще далѣе къ сѣверу.

— Не думаю, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, — и даже увѣренъ, что этого не случится. Вскрытіе всегда происходитъ съ сѣвера на югъ, — потому ли, что Камчатское теченіе заворачиваетъ къ югу, и что льды слѣдуютъ по Берингову теченію, или по какой-либо еще другой причинѣ, — я не знаю, но ледяныя горы постоянно направляются въ Тихій океанъ и тамъ растаиваютъ въ болѣе теплыхъ водахъ. Спросите Калюмахъ: она знаетъ эту мѣстность и, навѣрное, скажетъ вамъ то же самое.

Калюмахъ подтвердила слова лейтенанта. Слѣдовательно, не было ничего невѣроятнаго въ томъ, что если островъ, увлекаемый съ первыхъ чиселъ апрѣля, послѣ вскрытія льдовъ будетъ отнесенъ къ югу, въ самую узкую часть Берингова пролива, часто посѣщаемаго лѣтомъ ново-архангельскими рыболовами, лоцманами и береговыми промышленниками. Но, принимая во вниманіе время, которое употребитъ островъ на передвиженіе къ югу, а также всевозможныя промедленія, могущія случиться дорогою, нельзя было надѣяться достигнуть материка ранѣе мая. Можно было только разсчитывать, что островъ Викторіи выдержитъ это путешествіе и не развалится на дорогѣ, потому что, хотя морозы и были незначительны, но онъ долженъ былъ укрѣпиться, то-есть ледяное основаніе его должно было сдѣлаться толще.

Колонистамъ оставалось только вооружиться терпѣніемъ и ждать.

Выздоровленіе ребенка шло успѣшно. 20-го февраля его вынесли въ первый разъ послѣ сорокадневной болѣзни. Словомъ „вынесли" мы хотимъ сказать, что онъ былъ перенесенъ изъ своей комнаты въ общую залу, гдѣ его сейчасъ же осыпали ласками. Онъ нашелъ тамъ много игрушекъ, сдѣланныхъ ему во время болѣзни друзьями — солдатами, и, право, въ это время онъ былъ счастливѣйшимъ ребенкомъ въ мірѣ.

Послѣдняя недѣля февраля мѣсяца была чрезвычайно дождлива и снѣжна. Дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Были дни, когда температура понижалась настолько, что вызывала обильный снѣгъ. Но сила вѣтра не уменьшалась. Со стороны мыса Батурстъ и сплошныхъ льдовъ ревъ бури былъ прямо оглушительный. Ледяныя горы, сталки-

ваясь, разрушались съ страшнымъ гуломъ, подобнымъ громовымъ раскатамъ. Давленіе происходило со стороны сѣверныхъ льдовъ, накоплявшихся на берегу острова. Порывы бури были такъ сильны, что было страшно за мысъ Батурстъ, бывшій не чѣмъ инымъ, какъ ледяною горой, покрытою землею и пескомъ. Нѣкоторыя громадныя льдины, несмотря на всю ихъ тяжесть, пригоняло почти до самой ограды. Но, къ счастью для факторіи, мысъ держался хорошо и предохранялъ ея постройки отъ возможнаго разрушенія.

Понятно, что положеніе острова Викторіи, при входѣ въ тѣсный проливъ, около котораго скоплялась масса льдовъ, было очень опасно. Онъ могъ быть буквально затертъ и раздавленъ льдами прежде, чѣмъ пошелъ бы ко дну. Это была новая опасность, присоединявшаяся ко многимъ другимъ. Видя непреодолимый напоръ льдинъ, мистресъ Полина Барнеттъ поняла, какъ страшна новая опасность, угрожавшая острову при вскрытіи. Она говорила нѣсколько разъ объ этомъ лейтенанту Гобсону, на что тотъ только качалъ головой, какъ человѣкъ, незнающій что отвѣтить.

Буря прекратилась только въ первыхъ числахъ марта, и тогда можно было видѣть, какъ измѣнился видъ ледяного поля. Казалось, что всѣ сплошныя ледяныя горы приблизились къ острову Викторіи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ находились не болѣе какъ въ двухъ миляхъ и дѣйствовали подобно ледникамъ (напримѣръ, глетчерамъ), съ тою только разницей, что первыя стремятся вверхъ, тогда какъ послѣднія спускаются. Между высокою цѣпью ледяныхъ горъ и берегомъ ледяное поле было сильно изрыто, наполнено холмами, изломанными шпицами, опрокинутыми глыбами, разломанными пирамидами, — словомъ, оно было похоже на море, взволнованное сильнымъ ураганомъ и замерзшее въ этотъ моментъ. Точь въ точь, какъ развалины громаднаго города, въ которомъ не осталось ни одного уцѣлѣвшаго памятника. Одна только высокая цѣпь сплошныхъ ледяныхъ горъ, вырѣзывавшаяся на небѣ своими конусовидными вершинами, куполами и фантастическими гребнями, прочно держалась и красиво окаймляла эти живописныя развалины.

Къ этому времени судно было совершенно окончено. Положимъ, оно имѣло очень грубую форму, но, все-таки, постройка его дѣлала честь Макъ-Нэпу, потому что онъ былъ только плотникомъ, а не корабельнымъ мастеромъ. Судно это, съ его острымъ носомъ, должно было отлично сопротивляться напору льдовъ. Оно походило на голландскія барки, рискующія отправляться въ сѣверныя моря. Оконченный такелажъ его состоялъ, какъ у куттера, изъ фока и косой гротъ-контръбизани. Паруса были сшиты изъ прочной парусины.

Судно легко могло поднять всѣхъ обитателей факторіи, и если бы островъ Викторіи вошелъ въ Беринговъ проливъ, то оно безъ труда прошло бы даже самое большое разстояніе, которое отдѣляло бы островъ отъ американскаго берега. Поэтому оставалось только ожидать вскрытія льдовъ.

Лейтенанту Гобсону пришла мысль предпринять продолжительную экскурсію на юго-востокъ съ цѣлью осмотрѣть состояніе ледяного поля, опредѣлить, существовали ли признаки вскрытія льдовъ, изслѣдовать самую цѣпь ледяныхъ горъ и, кстати, замѣтить по настоящему положе-

нію моря, былъ ли все еще загражденъ путь къ американскому материку. Могло произойти много разныхъ случайностей прежде освобожденія моря отъ льдовъ, а потому осмотръ ледяного поля былъ далеко не лишнимъ.

Въ виду этого, всѣ единодушно рѣшили предпринять эту экскурсію, и выступленіе было назначено на 7-е марта. Экспедиція состояла изъ лейтенанта Гобсона, мистресъ Барнеттъ, Калюмахъ, Марбра и Сабина. Было рѣшено поискать, если возможно, прохода сквозь сплошныя массы льда, и, во всякомъ случаѣ, отсутствіе развѣдчиковъ не должно было продолжаться болѣе сорока-восьми часовъ.

Запасшись провизіей и вооружась, на всякій случай, отрядъ утромъ 7-го марта выступилъ изъ форта Надежды и направился къ мысу Митчель.

Термометръ стоялъ на нулѣ. Атмосфера была очень туманная, но спокойная. Солнце описывало дневную дугу надъ горизонтомъ въ продолженіе уже семи или восьми часовъ, и косые лучи его достаточно освѣщали всю ледяную поверхность.

Въ девять часовъ, послѣ короткаго отдыха, лейтенантъ Гобсонъ и его спутники спустились съ мыса Митчель и выступили на ледяное поле по направленію къ юго-востоку. Съ этой стороны сплошныя ледяныя массы находились не ближе трехъ миль отъ мыса.

Понятно, что путешествіе совершалось довольно медленно. Каждую минуту нужно было обходить глубокую полынью или большой ледяной холмъ. Очевидно, что никакія сани не могли проѣхать по этой бугристой мѣстности. Это были кучи глыбъ разной величины и всевозможныхъ формъ, изъ которыхъ однѣ только какимъ-то чудомъ удерживали равновѣсіе, а другія только что упали, какъ это было видно по ихъ свѣжимъ изломамъ и острымъ, точно лезвее ножа, угламъ. Посреди этихъ грудъ не было ни одного слѣда, который обнаружилъ бы проходъ человѣка или животнаго. Ни одного живого существа не замѣчалось въ этой пустынѣ, которую покинули даже птицы.

Видя все это, мистресъ Полина Барнеттъ спросила лейтенанта, какимъ же образомъ они могли бы пройти по этому полю съ санями, если бы вышли въ декабрѣ. Но Гобсонъ замѣтилъ, что тогда оно не имѣло такого вида. Огромнаго давленія сплошныхъ льдовъ съ сѣвера тогда еще не было, и караванъ нашелъ бы ледяное поле относительно гладкимъ. Единственное препятствіе заключалось въ непрочности льда. Дѣйствительно, теперь переходъ былъ бы невозможенъ, вслѣдствіе неровностей ледяного поля, но въ началѣ зимы этихъ неровностей не существовало.

Между тѣмъ, путники приближались къ высокой цѣпи ледяныхъ горъ. Калюмахъ постоянно была впереди. Живая и легкая эскимоска шла среди льдинъ точно серна по скаламъ. Пріятно было смотрѣть, какъ она увѣренно и быстро шагала впереди, не колеблясь и безъ ошибки выбирая самые удобные проходы въ этомъ ледяномъ лабиринтѣ. Она такъ искусно находила путь, что за ней смѣло можно было слѣдовать.

Однако, только къ полудню добрались до этихъ ледяныхъ горъ, употребивъ на такой сравнительно небольшой переходъ цѣлыхъ три часа. Какую величественную картину представляли громады этихъ

льдинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя поднимались болѣе чѣмъ на четыреста футовъ надъ поверхностью ледяного поля! Образовавшіе ихъ слои виднѣлись вполнѣ отчетливо. Ледяные бока ихъ окрашивались различными цвѣтами со всевозможными оттѣнками: то радужными, то яшмовыми, и повсюду испещрялись самыми причудливыми арабесками и яркими блесками. Никакая скала, какъ бы она ни была красива, не могла дать понятія объ этихъ ледяныхъ утесахъ, темныхъ въ одномъ мѣстѣ и прозрачныхъ въ другомъ. На нѣкоторыхъ замѣчалась чудная игра свѣта и тѣни.

Но не слѣдовало слишкомъ близко приближаться къ этимъ высокимъ ледянымъ массамъ, прочность которыхъ была очень сомнительна. Разрывы и трескъ то и дѣло были слышны изнутри этихъ красивыхъ скалъ, вслѣдствіе частаго распаденія ихъ частей. Воздушные пузыри, заключавшіеся въ ихъ массѣ, постоянно производили дѣло разрушенія, а потому понятна вся непрочность этихъ зданій, воздвигнутыхъ морозомъ и осужденныхъ на разрушеніе подъ солнечными лучами.

Лейтенантъ Гобсонъ счелъ своею обязанностью предупредить товарищей объ опасности, грозящей имъ со стороны лавинъ, которыя каждую минуту срывались съ вершины горной ледяной цѣпи. Вслѣдствіе этого, маленькій отрядъ шелъ вдоль нея на нѣкоторомъ разстояніи. Мѣра эта оказалась весьма благоразумною, потому что на одномъ поворотѣ въ долину, черезъ которую собирались перейти наши путники, огромная льдина сорвалась съ вершины и съ страшнымъ шумомъ упала на ледяное поле. Ледъ подъ этой тяжестью сейчасъ же провалился, и вода брызнула на значительную высоту. Къ счастью, никого не задѣло обломками этой глыбы, разлетѣвшейся на части подобно бомбѣ.

Отъ двухъ до пяти часовъ шли по узкой извилистой тропинкѣ, углублявшейся въ сплошныя ледяныя горы. Глыбы, составлявшія горную цѣпь, стояли внутри въ большемъ порядкѣ, чѣмъ снаружи. Во многихъ мѣстахъ виднѣлись стволы деревьевъ, вмерзшихъ въ массу; деревья эти были не полярнаго, а тропическаго происхожденія. Очевидно, они были занесены въ эти отдаленныя широты гольфштремомъ и другими теченіями. Попадались также и обломки отъ разбитыхъ кораблей: подводныя части, бока, мачты и т. п.

Около пяти часовъ довольно густой туманъ остановилъ нашихъ изслѣдователей. Они сдѣлали, приблизительно, около двухъ миль по этой тропинкѣ, извилины которой не позволяли съ точностью опредѣлить пройденный путь. Джэсперъ Гобсонъ подалъ сигналъ къ остановкѣ. Въ полчаса Марбръ и Сабинъ вырыли въ ледяной глыбѣ, при помощи снѣговыхъ ножей, пещеру. Маленькій отрядъ вошелъ въ нее и поужиналъ. Скоро всѣ, изнуренные усталостью, заснули.

На другой день, въ восемь часовъ утра, развѣдчики были уже на ногахъ и продолжали путь по той же тропинкѣ еще цѣлую милю, съ цѣлью узнать, не прорѣзывала ли она всей ледяной горной цѣпи. Судя по положенію солнца, направленіе ея, бывшее до сихъ поръ сѣверовосточнымъ, сдѣлалось юго-западнымъ.

Въ 11 часовъ лейтенантъ и его спутники вышли на противоположную сторону ледяной горной цѣпи. Теперь не было никакого сомнѣнія въ существованіи прохода.

Вся западная часть ледяного поля имѣла такой же видъ, какъ и восточная: то же безпорядочное нагроможденіе ледяныхъ глыбъ всякаго рода, такіе же холмы и бугры тянулись всюду, куда только хваталъ взоръ; они такъ же во многихъ мѣстахъ были раздѣлены узкими долинками, перерѣзанными тамъ и сямъ полыньями. Словомъ, та же страшная пустыня; ни одно животное ни одна птица не оживляли ее.

Взойдя на вершину одного холма, мистресъ Барнеттъ долго разсматривала этотъ печальный, безжизненный полярный ландшафтъ. Она невольно подумала объ отъѣздѣ, предпринятомъ было ими около пяти мѣсяцевъ тому назадъ, и мысленно представила себѣ всѣхъ обитателей факторіи, весь этотъ несчастный караванъ, затерянный во мракѣ полярной ночи, среди безжизненныхъ ледяныхъ пустынь... Она живо представила себѣ весь ужасъ положенія, въ которое они тогда попали бы, и глубоко задумалась.

Лейтенантъ Гобсонъ вывелъ ее изъ этой задумчивости.

— Миледи, — сказалъ онъ, — вотъ уже больше двадцати-четырехъ часовъ, какъ мы вышли изъ форта. Такъ какъ намъ теперь извѣстна толщина сплошныхъ ледяныхъ горъ, и мы обѣщали употребить на свою экскурсію не болѣе двухъ сутокъ, то я думаю, что намъ пора возвращаться назадъ.

Мистресъ Барнеттъ согласилась съ этимъ мнѣніемъ лейтенанта. Цѣль развѣдокъ, дѣйствительно, была достигнута. Толщина ледяныхъ массъ оказалась умѣренною и должна была скоро растаять. Очевидно, можно было въ недалекомъ будущемъ ожидать вскрытія льдовъ. Слѣдовательно, оставалось только возвратиться, тѣмъ болѣе, что въ погодѣ могла сдѣлаться перемѣна къ худшему и затруднить ихъ возвращеніе въ фортъ.

Послѣ завтрака, около часа пополудни, всѣ тронулись въ обратный путь. Въ пять часовъ остановились, какъ и наканунѣ, въ ледяной пещерѣ, спокойно переночевали, и на другой день, 9 марта, въ восемь часовъ утра, отправились далѣе.

Погода была хорошая. Солнце уже поднималось надъ ледяными горами и бросало свои лучи на дорогу. Наши путники имѣли теперь его за спиною, потому что направлялись къ западу; но глаза ихъ, все-таки, сильно рѣзали солнечныя лучи, отражаемые отъ гладкой поверхности встрѣчавшихся льдинъ.

Мистресъ Барнеттъ и Калюмахъ шли немного позади отряда, слѣдуя по узкимъ проходамъ, извивавшимся въ горахъ. Обѣ женщины оживленно бесѣдовали между собою. Къ полдню надѣялись перейти горную цѣпь, а часа черезъ два добраться и до острова Викторіи. Такимъ образомъ, развѣдчики предполагали возвратиться въ фортъ съ закатомъ солнца. Положимъ, они опаздывали на нѣсколько часовъ, но такое незначительное промедленіе не должно было слишкомъ безпокоить оставшихся въ фортѣ.

Послѣдніе должны были понять, что дорогою могло быть много случайностей, которыхъ нельзя было предвидѣть раньше.

Было около десяти часовъ, какъ вдругъ Марбръ и Сабинъ, шедшіе впереди, остановились. Они, казалось, спорили. Когда къ нимъ подошли лейтенантъ, мистресъ Барнеттъ и молодая эскимоска, то увидали,

что Сабинъ, держа въ рукахъ компасъ, что-то доказывалъ своему товарищу, который смотрѣлъ съ удивленнымъ видомъ.

— Вотъ странная вещь! — воскликнулъ Марбръ, обращаясь къ Джэсперу Гобсону. — Не потрудитесь ли, вы господинъ лейтенантъ, объяснить намъ, въ какой странѣ находится нашъ островъ относительно ледяныхъ горъ?

— Конечно, на западѣ, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, въ свою очередь, удивленный такимъ неожиданнымъ вопросомъ. — Вѣдь это и вамъ очень хорошо извѣстно, Марбръ!..

— Да и я такъ думалъ до сихъ поръ, — отвѣчалъ Марбръ, качая головою. — Но если онъ на западѣ, то, значитъ, мы сбились съ дороги и удаляемся отъ острова.

— Какъ удаляемся?! — воскликнулъ еще больше удивленный лейтенантъ.

— Это невозможно! — воскликнула и мистресъ Барнеттъ.

— А вотъ посмотрите, миледи, — проговорилъ Сабинъ.

Съ этими словами онъ подалъ ей компасъ, магнитная стрѣлка котораго показывала сѣверъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ находился ранѣе.

— Стало-быть, мы ошиблись сегодня утромъ, выходя изъ снѣгового дома, — замѣтилъ Сабинъ. — Мы пошли налѣво, вмѣсто того, чтобы итти направо.

— Нѣтъ, — сказала мистресъ Полина Барнеттъ. — Это невозможно. Мы не могли сбиться.

— Но... — началъ было Марбръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — перебила мистресъ Барнеттъ. — Посмотрите на солнце: развѣ оно не на востокѣ? А если оно съ утра было у насъ за спиною, то ясно, что мы идемъ къ западу гдѣ находится островъ, и по выходѣ изъ этого ущелья мы его найдемъ на западной сторонѣ сплошныхъ горъ.

Марбръ всталъ втупикъ отъ этого довода, противъ котораго не могъ ничего возразить, и молча стоялъ, скрестивъ на груди руки.

— Хорошо, — сказалъ Сабинъ. — Стало-быть, въ такомъ случаѣ компасъ и солнце сегодня въ разладѣ?

— Да, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, — вмѣшался Джэсперъ Гобсонъ. — Дѣло вотъ въ чемъ. Подъ всѣми отдаленными сѣверными широтами и въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ магнитнымъ полюсомъ, иногда случается, что компасы врутъ, и ихъ стрѣлки уклоняются отъ настоящаго направленія.

— Значитъ, мы должны продолжать свой путь спиною къ солнцу? — спросилъ Марбръ.

— Конечно, — отвѣтилъ Гобсонъ. — Мнѣ кажется, что нельзя колебаться въ выборѣ между компасомъ и солнцемъ. Солнце никогда не уклоняется отъ своего пути.

Отрядъ продолжалъ свой путь спиною къ солнцу, такъ какъ противъ доводовъ Джэспера Гобсона, основанныхъ на авторитетѣ дневного свѣтила, возразить ничего было нельзя. Развѣдчики шли впередъ по тропинкѣ гораздо долѣе, чѣмъ предполагали. Гобсонъ разсчитывалъ пройти ее всю къ полудню, а было уже болѣе двухъ часовъ, когда они достигли оконечности узкаго прохода.

Это странное промедленіе очень обезпокоило лейтенанта. Но каково же было изумленіе Гобсона и его спутниковъ, когда они, вступивъ на ледяное поле, не замѣтили острова Викторіи, который долженъ былъ показаться съ этого мѣста!

Да! острова и порта, замѣтныхъ съ этой стороны по деревьямъ, увѣнчивавшимъ мысъ Митчель, не было. На его мѣстѣ тянулось необъ-

Гобсонъ старался ускорить постройку плота. (Стр. 130.)

ятное ледяное поле, освѣщенное солнечными лучами на громадное пространство.

Лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ, Калюмахъ и оба охотника смотрѣли широко раскрытыми отъ удивленія и страха глазами.

— Островъ долженъ же быть тамъ! — воскликнулъ Сабинъ.

— Однако, его нѣтъ болѣе, — отвѣчалъ Марбръ. — Что съ нимъ сдѣлалось, господинъ лейтенантъ?

Джэсперъ Гобсонъ не отвѣчалъ ни слова. Мистресъ Барнеттъ тоже не знала, что сказать.

Въ эту минуту Калюмахъ подошла къ лейтенанту Гобсону и взяла его за руку.

— Мы заблудились въ долинѣ, — сказала она, — потому что пошли вверхъ, вмѣсто того, чтобы спуститься внизъ, и очутились въ томъ мѣстѣ, гдѣ были вчера, пройдя въ первый разъ эти горы. Идемъ, идемъ!

Довѣряясь инстинкту молодой эскимоски, всѣ машинально послѣдовали за ней и вступили обратно въ узкій проходъ. Между тѣмъ, все было противъ Калюмахъ, если соображаться съ положеніемъ солнца.

Но Калюмахъ не объяснялась и только продолжала говорить на ходу:

— Идемъ, идемъ скорѣе!

Всѣ отъ усталости едва передвигали ноги. Наконецъ, съ наступленіемъ ночи, послѣ трехчасового странствованія, путники вышли на другую сторону ледяной цѣпи. Темнота мѣшала имъ видѣть островъ, но они недолго оставались въ неизвѣстности.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ мелькали зажженные факелы и раздавались ружейные выстрѣлы. Сигналы эти были понятны всѣмъ.

На этотъ призывъ наши путники отвѣтили, и вскорѣ къ нимъ присоединились сержантъ Лонгъ, Томасъ Блэкъ, выведенный, наконецъ, изъ своей спячки безпокойствомъ о товарищахъ, и многіе другіе, выбѣжавшіе навстрѣчу. Они были очень встревожены, потому что предполагали, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ, что Джэсперъ Гобсонъ и его спутники на обратномъ пути собьются съ дороги.

Почему же, однако, могли такъ думать оставшіеся въ фортѣ? Почему именно этимъ, а не какимъ-нибудь другимъ предположеніемъ, они объяснили замедленіе возвращенія развѣдчиковъ?

Потому что за эти сутки, во время отсутствія послѣднихъ, обширное ледяное поле, а съ нимъ вмѣстѣ и островъ, перемѣстились, сдѣлавъ полъ-оборота. Вслѣдствіе такого перемѣщенія, пловучій островъ слѣдовало искать уже не на западной, а на восточной сторонѣ цѣпи ледяныхъ горъ.

ГЛАВА XVI.

Вскрытіе льдовъ.

Черезъ два часа всѣ были въ фортѣ Надежды. На другой день, 10 марта, солнце озарило сначала часть берега, составлявшую прежде западную сторону острова. Мысъ Батурстъ, вмѣсто того, чтобы указывать на сѣверъ, указывалъ теперь на югъ. Калюмахъ, догадавшаяся объ этомъ странномъ явленіи, была права, замѣтивъ, что они шли не туда, куда слѣдуетъ.

Итакъ положеніе острова Викторіи снова измѣнилось, и на этотъ разъ гораздо полнѣе. Съ момента, когда островъ отдѣлился отъ американскаго материка, онъ сдѣлалъ полъ-оборота, да и не только онъ одинъ, но и все громадное ледяное поле, среди котораго онъ находился. Это перемѣщеніе показало, что ледяное поле оторвалось отъ берега и не

соединялось болѣе съ материкомъ, и что, слѣдовательно, скоро должно было наступить вскрытіе льдовъ.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ лейтенантъ Гобсонъ мистресъ Полинѣ Барнеттъ, — эта перемѣна можетъ намъ только благопріятствовать. Мысъ Батурстъ и фортъ Надежды повернулись къ югу, то-есть по напраленію, ближайшему къ твердой землѣ, и теперь сплошныя ледяныя горы, черезъ которыя нашему кораблю было бы весьма трудно пройти, не возвышаются болѣе между Америкой и нами.

— Значитъ, все къ лучшему? — сказала мистресъ Полина Барнеттъ съ улыбкою.

— Пока да, миледи, — отвѣчалъ Джэсперъ Гобсонъ, совершенно вѣрно опредѣлившій выгодныя послѣдствія перемѣщенія острова Викторіи.

Съ 10 по 21 марта не произошло ничего особеннаго, но приближеніе весны уже чувствовалось въ воздухѣ. Температура держалась между 6° и 10° выше нуля. Подъ вліяніемъ оттепели вскрытіе льдовъ могло быть внезапнымъ. Образовались новыя полыньи, и вода всюду разливалась по ледяной поверхности. Каждая промоина, по характерному сравненію китоловъ, была „раною", чрезъ которую ледяное поле „истекало кровью". Трескъ ломавшихся льдинъ можно было сравнить съ громомъ выстрѣловъ изъ пушекъ. Теплый дождь, шедшій въ продолженіе нѣсколькихъ дней, также не могъ не способствовать разрушенію ледяной поверхности.

Птицы, покинувшія островъ въ началѣ зимы, начали возвращаться въ большомъ количествѣ. Марбръ и Сабинъ убивали ихъ помногу и у нѣкоторыхъ находили на шеѣ билетики, привязанные лейтенантомъ и путешественницею нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Стаи бѣлыхъ лебедей также появились вмѣстѣ съ прочими птицами, и воздухъ наполнялся ихъ звонкими криками. Что же касается четвероногихъ, грызуновъ и плотоядныхъ животныхъ, то они попрежнему продолжали посѣщать окрестности факторіи.

Почти ежедневно, каждый разъ, когда позволяло небо, лейтенантъ Гобсонъ измѣрялъ высоту. Иногда и мистресъ Полина Барнеттъ, научившаяся искусно владѣть секстантомъ, помогала ему и даже замѣняла его при наблюденіяхъ. Дѣйствительно, было очень важно опредѣлять даже малѣйшія перемѣны въ положеніи острова. Серьезный вопросъ о двухъ теченіяхъ имѣлся постоянно въ виду, и знать, куда они будутъ отнесены послѣ вскрытія — на югъ или на сѣверъ, — было необходимо. Это сильно озабочивало лейтенанта Гобсона и мистресъ Полину Барнеттъ.

Эта мужественная женщина всегда и во всемъ выказывала нравственную силу выше своего пола. Товарищи ея видѣли, какъ она, пренебрегая усталостью, дурною погодой, подъ дождемъ или снѣгомъ, почти ежедневно ходила на развѣдки и часто рисковала своею жизнью, пробираясь по полурастаявшему ледяному полю; потомъ, по возвращеніи домой, она тоже не оставалась безъ дѣла, помогая благоустройству домашняго быта факторіи своими дѣльными совѣтами. Ей всегда дѣятельно помогала преданная Мэджъ.

Мистресъ Полина Барнеттъ смѣло смотрѣла въ лицо будущему и никогда не выказывала ни страха, одолѣвавшаго ее по временамъ, ни предчувствій, которыхъ умъ ея не могъ побѣдить. Это была довѣрчи-

вая, ободряющая женщина, и никто въ ея ровномъ расположенiи духа не могъ замѣтить живѣйшей озабоченности, которой она не могла не подвергаться при настоящихъ обстоятельствахъ. Джэсперъ Гобсонъ питалъ къ ней самое глубокое уваженiе.

Лейтенантъ довѣрялъ и Калюмахъ, вполнѣ полагаясь на необыкновенный инстинктъ молодой эскимоски, совершенно такъ же, какъ охотникъ довѣряетъ инстинкту своей собаки. Притомъ же Калюмахъ была очень умна и хорошо знакома со всѣми условiями и явленiями полярныхъ странъ. На китоловномъ суднѣ она, по всей вѣроятности, могла бы съ успѣхомъ замѣнить „ледяного мастера" (ice-master), т. е. лоцмана, которому ввѣряется управленiе кораблемъ среди льдовъ. Каждый день Калюмахъ ходила наблюдать состоянiе ледяного поля, и только по одному треску лопавшихся вдали ледяныхъ горъ молодая эскимоска угадывала ходъ вскрытiя. Трудно найти болѣе увѣренную ногу, которая такъ смѣло ступала бы по льдинамъ. Калюмахъ инстинктивно угадывала, когда льдина, подмытая снизу, должна была опуститься подъ тяжестью человѣка, и безъ малѣйшаго колебанiя шла по ледяному полю, изрытому промоинами.

Съ 20 по 30 марта оттепель сдѣлала быстрые успѣхи. Шли обильные дожди и помогали таянiю льдовъ. Можно было надѣяться на скорое вскрытiе моря, и что, можетъ-быть, ранѣе двухъ недѣль лейтенантъ Гобсонъ спуститъ свой корабль. Ему нельзя было колебаться, такъ какъ островъ Викторiи послѣ вскрытiя могъ быть отнесенъ къ сѣверу, если только теченiе не увлечетъ его въ Беринговъ проливъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — повторяла Калюмахъ, — не безпокойтесь. Этого бояться нечего, потому что вскрытiе совершается не снизу, а сверху, и опасность вотъ гдѣ, — говорила она, указывая рукою на югъ, гдѣ разстилался безпредѣльный Тихiй океанъ.

Лейтенантъ Гобсонъ зналъ ея мнѣнiе объ этомъ, но не боялся, если островъ попадетъ въ Тихiй океанъ. Въ этомъ случаѣ обитатели факторiи помѣстились бы на свой корабль, и переѣздъ былъ бы не особенно длиненъ къ обоимъ материкамъ, потому что проливъ представлялъ настоящую воронку между восточнымъ мысомъ на азiатскомъ берегу и мысомъ принца Уэльскаго на американскомъ.

Понятно, какъ тщательно нужно было наблюдать за самымъ малѣйшимъ перемѣщенiемъ острова. Измѣренiя производились постоянно, какъ только позволяла погода, и съ этого времени Джэсперъ Гобсонъ и его товарищи приняли всѣ мѣры на случай близкаго, а можетъ-быть, и внезапнаго отъѣзда.

Нечего и говорить, что занятiя собственно по обязанности факторiи, т. е. охота и поддержка западней, были оставлены. Магазины изобиловали мѣхами, большая часть которыхъ должна была пропасть. Охотники и трапперы бездѣйствовали. Что касается плотниковъ, то, окончивъ судно и въ ожиданiи спуска его на воду, они занимались укрѣпленiемъ главнаго дома въ фортѣ, который во время вскрытiя могъ подвергнуться страшному напору береговыхъ льдинъ. Его не защитилъ бы и мысъ Батурстъ, потому что, будучи хорошею защитой отъ бурь и ураגановъ, онъ едва ли могъ бы защитить домъ отъ напора страшныхъ ледяныхъ массъ. Деревянныя стѣны дома были укрѣплены сильными подпорками. Кромѣ того, и внутри дома, для приданiя большей устойчивости и

прочности зданію, не пренебрегли никакими мѣрами предосторожности.

Между тѣмъ, признаковъ весны съ каждымъ днемъ появлялось все больше и больше. Весна была преждевременною, потому что слѣдовала за зимою, слишкомъ теплою для такихъ отдаленныхъ сѣверныхъ широтъ. Нѣсколько почекъ показались на деревьяхъ. Кора березъ, вербъ и кустарниковъ надулась во многихъ мѣстахъ отъ напора оттаявшаго сока. Блѣдно-зеленый мохъ сталъ показываться на покатостяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ лучей солнца; но онъ не могъ быть изобиленъ, потому что грызуны, скоплявшіеся въ окрестностяхъ форта и искавшіе пищи, едва давали ему показаться изъ земли и сейчасъ же съѣдали его.

Если въ это время кто и чувствовалъ особенное огорченіе, такъ это, безспорно, капралъ Джолиффъ. Супругъ мистресъ Джолиффъ, какъ мы уже видѣли, былъ приставленъ стеречь грядки, засѣянныя его женою. Прежде ему приходилось защищать гряды щавеля и ложечной травы только отъ крылатыхъ хищниковъ, что онъ и дѣлалъ съ успѣхомъ. Теперь было дѣло другое. Къ птицамъ присоединились всѣ грызуны и животныя, находившіеся на островѣ. Зима не прогнала ихъ, а инстинктъ удерживалъ возлѣ факторіи, гдѣ они находились въ большей безопасности, нежели внутри острова. Теперь всѣ эти животныя— олени, полярные зайцы, мускусные бобрики, куницы и др., — презирая всевозможныя угрозы капрала, смѣло нападали на гряды. У бѣдняка прямо не хватало силъ: когда онъ защищалъ одну сторону огорода — грабители нападали съ другой.

Конечно, благоразумнѣе бы было уступить и оставить многочисленнымъ врагамъ жатву, воспользоваться которою все равно едва ли бы пришлось, такъ какъ въ скоромъ времени нужно было оставить факторію. Такъ совѣтовала и мистресъ Барнеттъ упрямому капралу, который, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать въ день надоѣдалъ ей со своими жалобами. Но Джолиффъ положительно ничего не хотѣлъ слушать.

— Послѣ столькихъ-то трудовъ! — воскликнулъ онъ. — Оставить такіе труды, когда они на пути къ успѣху? Покинуть эти зерна, которыя мы съ мистресъ Джолиффъ такъ заботливо сѣяли? Миледи, иной разъ у меня является желаніе, предоставивъ вамъ всѣмъ уѣхать, поселиться одному съ женой на этомъ островѣ. Я убѣжденъ, что компанія согласилась бы отдать намъ его въ полное владѣніе.

Мистресъ Полина Барнеттъ не могла удержаться отъ смѣха, слушая эти жалобы капрала, и послала его къ женѣ; но та лучше соглашалась пожертвовать щавелемъ, ложечной травой и другими противоцынготными средствами, теперь совершенно безполезными, лишь бы покинуть страшное мѣсто.

Необходимо прибавить, что здоровье колонистовъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, находилось въ отличномъ состояніи. Даже малютка Митчель пополнѣлъ и отлично росъ подъ лучами весенняго солнца.

Въ продолженіе 2, 3, 4 и 5 апрѣля таяло не ровно: теплота была очень чувствительна, но погода стояла пасмурная. Часто шли большіе дожди. Вѣтеръ дулъ съ юго-запада и былъ очень теплый. При такой туманной атмосферѣ невозможно было никакое наблюденіе, потому что не было видно ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Это было очень не-

пріятно, потому что необходимо было наблюдать малѣйшее движеніе острова Викторіи.

Ночью съ 7 на 8 апрѣля началось настоящее вскрытіе. Утромъ лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ, Калюмахъ и сержантъ Лонгъ, взойдя на вершину мыса Батурстъ, замѣтили нѣкоторую перемѣну въ сплошныхъ льдахъ. Огромная ледяная горная цѣпь была раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ верхняя, казалось, направлялась къ сѣверу.

Было ли это вліяніе Камчатскаго теченія? Не собирался ли и плавучій островъ послѣдовать тому же направленію? Понятно, какъ это безпокоило Гобсона и его товарищей. Судьба ихъ должна была рѣшиться черезъ нѣсколько часовъ, потому что если бы роковая сила увлекла ихъ островъ еще на нѣсколько сотъ миль къ сѣверу, то имъ было бы очень трудно добраться до материка на такомъ небольшомъ суднѣ, какъ корабль Макъ-Нэпа.

Къ несчастью, колонисты не имѣли никакой возможности опредѣлить характеръ происшедшей перемѣны. Во всякомъ случаѣ, было очевидно, что островъ еще не двигался вмѣстѣ съ цѣпью ледяныхъ горъ, потому что движеніе послѣднихъ было очень замѣтно. Казалось, часть ледяного поля отдѣлилась и подымалась къ сѣверу, въ то время какъ другая, окружавшая островъ, оставалась неподвижною.

Впрочемъ, перемѣщеніе большой цѣпи ледяныхъ горъ нисколько не измѣнило мнѣнія молодой эскимоски. Она продолжала утверждать, что вскрытіе шло къ югу, и что самая горная цѣпь не замедлитъ подвергнуться вліянію Берингова теченія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Калюмахъ съ помощью деревянной палочки изобразила на пескѣ расположеніе пролива и, начертивъ его направленіе, показала, что островъ, слѣдуя этому направленію, приблизился къ американскому берегу. Никакія замѣчанія не могли поколебать ея мнѣнія объ этомъ, и почти всѣ успокоились, слушая эту умную туземку, которая такъ увѣренно говорила.

Однако, 8, 9 и 10 апрѣля, повидимому, опровергали мнѣніе Калюмахъ. Сѣверная часть ледяной цѣпи удалялась все болѣе и болѣе къ сѣверу. Вскрытіе происходило съ большимъ шумомъ и въ широкихъ размѣрахъ. Ледъ на всемъ берегу лопался съ оглушительнымъ трескомъ. На открытомъ мѣстѣ прямо нельзя было слышать другъ друга: грохотъ трескавшихся льдинъ, походилъ на залпы осадной артиллеріи и положительно оглушалъ. Въ полумилѣ отъ берега, на всемъ отрѣзѣ, надъ которымъ господствовалъ мысъ Батурстъ, льдины начали уже громоздиться одна на другую. Цѣпь ледяныхъ горъ разбилась на куски, которые, подобно высокимъ холмамъ, поплыли къ сѣверу (такъ, по крайней мѣрѣ, казалось). Лейтенантъ Гобсонъ начиналъ уже тревожиться не на шутку, хотя и не выказывалъ этого. Калюмахъ тщетно старалась всѣми силами успокоить его.

Утромъ, 11 апрѣля, Джэсперъ Гобсонъ показалъ Калюмахъ послѣднія ледяныя горы, исчезнувшія на сѣверѣ, и еще разъ привелъ доказательства, которыя подтверждались неоспоримыми фактами.

— Нѣтъ, нѣтъ!— твердила Калюмахъ, съ большимъ, чѣмъ когда-либо, упорствомъ. — Нѣтъ, не ледяныя горы идутъ къ сѣверу, а нашъ островъ спускается къ югу.

Этотъ отвѣтъ сильно поразилъ Джэспера Гобсона. Кто знаетъ, можетъ-быть, она и права. Дѣйствительно, было очень возможно, что перемѣщеніе ледяныхъ горъ было только кажущимся, и что, напротивъ, островъ Викторіи, увлекаемый ледянымъ полемъ, подвигается къ проливу. Но если это движеніе и существовало, то опредѣлить его при такой погодѣ не представлялось ни малѣйшей возможности, потому что нельзя было вычислить ни широты ни долготы.

Въ самомъ дѣлѣ, не только была пасмурная и неудобная для наблюденій погода, но, къ несчастью, замѣчалось еще одно явленіе, свойственное полярнымъ странамъ, дѣлавшее атмосферу еще болѣе мрачною. Это было нѣчто въ родѣ тумана и значительно уменьшало поле зрѣнія человѣка.

Во время вскрытія льдовъ температура понизилась на нѣсколько градусовъ. Густой туманъ скоро окуталъ всѣ окрестности Сѣвернаго океана, но туманъ этотъ не былъ обыкновенный. Почва покрылась бѣловатымъ слоемъ, похожимъ на водянистый паръ, тотчасъ замерзавшій послѣ своего паденія. Отдѣльныя частицы, составляющія этотъ туманъ, осѣдали на деревьяхъ, кустахъ, стѣнахъ форта,—словомъ, на всякомъ выступѣ и скоро образовали густой слой, усѣянный призматическими или пирамидальными иглами, острея которыхъ были направлены противъ вѣтра.

Джэсперъ Гобсонъ узналъ это явленіе, о которомъ часто упоминали китоловы и зимовщики, видѣвшие его весною въ полярныхъ мѣстностяхъ.

— Это не туманъ, — сказалъ онъ товарищамъ, — а иней, родъ густого пара, находящагося въ состояніи замерзанія.

Но былъ ли это туманъ, или мерзлый паръ, появленіе его было очень вредно, потому что онъ висѣлъ, по крайней мѣрѣ, футовъ на сто въ вышину надъ уровнемъ океана, и отъ него распространялась такая темнота, что за три шага невозможно было видѣть предметовъ.

Отчаяніе колонистовъ по временамъ доходило до крайности. Казалось природа нарочно дѣлала имъ непріятности. Въ самомъ дѣлѣ, когда странствующій островъ готовъ былъ освободиться отъ своихъ ледяныхъ оковъ и малѣйшее движеніе его нужно было тщательно наблюдать, — появился этотъ туманъ, который препятствовалъ всѣмъ наблюденіямъ.

Такъ продолжалось четыре дня. Туманъ разсѣялся только утромъ 15 апрѣля, чему способствовалъ сильный южный вѣтеръ.

Когда появилось солнце, Джэсперъ Гобсонъ бросился за своими инструментами. Онъ измѣрилъ высоту, и результатъ наблюденій былъ слѣдующій: широта 69°57′, а долгота 169°33′.

Калюмахъ оказалась права: островъ Викторіи, подхваченный Беринговымъ теченіемъ, плылъ къ югу.

ГЛАВА XVII.

Лавина.

Колонисты стали, наконецъ, приближаться къ самымъ посѣщаемымъ мѣстамъ Берингова моря. Они уже не боялись, что будутъ отнесены на сѣверъ.

Теперь оставалось только слѣдить за передвиженіемъ острова и за скоростью этого передвиженія, которая, вслѣдствіе различныхъ причинъ, не могла быть всегда одинаковой. Этими наблюденіями занялся Джэсперъ Гобсонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постоянно опредѣлялъ высоту солнца и звѣздъ. На слѣдующій день, 17 апрѣля, онъ вывелъ изъ своихъ наблюденій заключеніе, что при равномѣрной скорости островъ Викторіи достигнетъ полярнаго круга, отъ котораго онъ отстоялъ въ настоящую минуту на 4° широты, въ первыхъ числахъ мая.

Легко также могло случиться, что островъ, достигнувъ узкой части пролива, останется тамъ до тѣхъ поръ, пока начавшійся ледоходъ не увлечетъ его за собою. Въ такомъ случаѣ, пришлось бы спустить корабль и направиться къ американскому материку. Благодаря принятымъ мѣрамъ, корабль былъ уже давно готовъ къ немедленному отплытію.

Жители острова ожидали съ рѣдкимъ терпѣніемъ и вѣрою. Эти храбрые люди, такъ много перенесшіе различныхъ бѣдствій, чувствовали, что скоро должна была наступить развязка; имъ казалось, что они такъ близко отъ берега, что безъ труда могутъ добраться до него въ нѣсколько дней.

Перспектива эта ободрила колонистовъ, и они опять возвратились къ обычной своей веселости, которой лишились было на такое продолжительное время вслѣдствіе тяжелыхъ испытаній. Обѣды и ужины ихъ сдѣлались попрежнему веселы, тѣмъ болѣе, что въ провизіи не было недостатка, а новая программа не предписывала имъ экономіи.

Кромѣ того, однимъ изъ главныхъ виновниковъ веселаго настроенія обитателей форта было вліяніе наступающей весны, и каждый съ наслажденіемъ вдыхалъ теплый воздухъ, который она приносила съ собою.

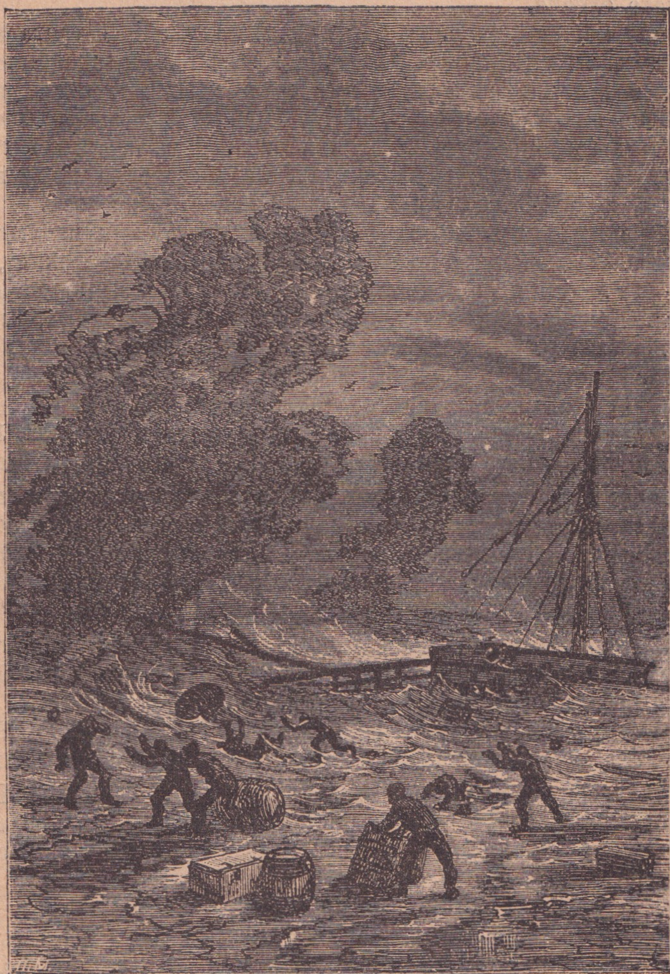
Въ продолженіе слѣдующихъ дней было сдѣлано нѣсколько экскурсій во внутренность острова и на его прибрежья. Пушные звѣри, а также хищныя и жвачныя животныя никакъ не могли покинуть острова. На всемъ островѣ, не исключая мысовъ Митчеля и Эскимосскаго, а также и на другихъ частяхъ прибрежья, не произошло никакой перемѣны. Ничего особеннаго не было замѣтно и во внутренности, напримѣръ, въ срубленныхъ лѣсахъ и на берегахъ озера. Большая трещина, образовавшаяся въ окрестностяхъ мыса Митчель, зимою совершенно закрылась, а другихъ разсѣлинъ на поверхности острова обнаружено не было.

Во время этихъ развѣдокъ часто попадались цѣлыя стаи волковъ, которые пробѣгали по всѣмъ направленіямъ. Изъ всего животнаго царства острова это были единственные хищные звѣри, которыхъ даже предчувствіе опасности не могло приручить.

Нерѣдко видѣли и спасителя Калюмахъ. Этотъ достойный представитель медвѣжьей расы прогуливался съ меланхолическимъ видомъ по

пустыннымъ равнинамъ и каждый разъ останавливался, когда изслѣдователи проходили мимо него.

Иногда онъ слѣдовалъ за ними до форта, зная, что ему нечего бояться этихъ честныхъ людей, которые еще не имѣли повода быть имъ недовольны.

Принуждены были снять съ него всѣ вещи. (Стр. 137.)

20 апрѣля лейтенантъ Гобсонъ объявилъ, что островъ не прекратилъ еще своего движенія къ югу. Остатки ледяныхъ глыбъ южной части острова слѣдовали за нимъ во время его передвиженія. Но такъ какъ не было никакихъ замѣтныхъ точекъ, то пришлось слѣдить за передвиженіемъ острова только посредствомъ астрономическихъ наблюденій.

Джэсперъ Гобсонъ приказалъ измѣрить въ нѣсколькихъ мѣстахъ землю, особенно у подошвы мыса Батурстъ и по берегамъ озера. Онъ

хотѣлъ опредѣлить толщину ледяной коры, находившейся подъ землею. Гобсонъ былъ увѣренъ, что толщина льда не увеличилась зимою, и что общій уровень острова не возвысился надъ поверхностью океана. Изъ этого заключили, что, пожалуй, придется слишкомъ рано покинуть эту ненадежную почву, которая быстро растаяла бы, попавъ въ теплыя воды Тихаго океана.

Къ этому времени (т. е. къ 25 апрѣля) положеніе острова еще разъ перемѣнилось. Вращательное движеніе всей этой ледяной массы происходило съ востока на западъ, при чемъ мысъ Батурстъ указывалъ теперь не на югъ, а на сѣверо-западъ. Весь же горизонтъ съ сѣверной стороны былъ загроможденъ остатками огромныхъ ледяныхъ горъ. Те перь можно было сказать навѣрное, что ледъ свободно можетъ пройти въ проливъ, не приставая ни къ одному изъ его береговъ.

Роковая минута приближалась. Дневныя и ночныя наблюденія давали точныя опредѣленія о положеніи острова, а слѣдовательно, и окружавшихъ его ледяныхъ пространствъ. 30 апрѣля вся эта масса отвалила отъ залива Коцебу, составляющаго глубокій треугольникъ, вдающійся въ американскій берегъ. Въ южной части выдавался мысъ принца Уэльсскаго. Мысъ этотъ могъ бы остановить пловучій островъ, если бы послѣдній направился въ середину узкаго прохода.

Погода стояла прекрасная, и термометръ часто показывалъ 10° выше нуля. Колонисты уже нѣсколько недѣль не носили зимней одежды.

Они каждую минуту были готовы къ отплытію; а астрономъ Томасъ Блэкъ перенесъ даже весь свой научный багажъ — книги и инструменты — на судно, стоявшее на верфи. Точно такъ же были сложены на это судно часть провизіи и нѣкоторые самые дорогіе мѣха.

2-го мая самыми точными наблюденіями было установлено, что островъ Викторіи выказалъ поползновеніе направиться къ востоку, то-есть къ американскому материку. Это былъ очень счастливый случай, такъ какъ Камчатское теченіе, омывающее, какъ извѣстно, азіатскіе берега, въ этомъ случаѣ уже не могло подхватить его. Повидимому, обстоятельства начали, наконецъ, благопріятствовать путешественникамъ.

— Мнѣ кажется, миледи, — сказалъ при этомъ сержантъ Лонгъ мистресъ Полинѣ Барнеттъ, — что мы утомили судьбу въ преслѣдованіи насъ... Мы перешли предѣлъ нашихъ несчастій, и теперь намъ нечего ужъ болѣе страшиться.

— Да, сержантъ, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ, — и я того же мнѣнія. Какое большое счастье, что мы должны были нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отказаться отъ путешествія по ледяному полю! Провидѣніе, очевидно, покровительствуя намъ, сдѣлало тогда льды недоступными.

Мистресъ Барнеттъ, конечно, была права. Сколько препятствій, опасностей и всякаго рода бѣдствій должны были бы они вынести на этомъ пути. Какъ утомительны должны были бы быть для нихъ длинныя сѣверныя ночи въ этой ледяной пустынѣ, находившейся болѣе чѣмъ на 500 миль отъ всякаго берега.

5-го мая Джэсперъ Гобсонъ объявилъ своимъ товарищамъ, что островъ Викторіи перешелъ полярный кругъ и достигъ, наконецъ, того пояса, который никогда не покидается солнцемъ, даже во время самаго

сильнаго южнаго отклоненія. Отважнымъ обитателямъ острова казалось, что они возвращаются въ населенный міръ.

Этотъ день они провели довольно весело, изрядно выпили и даже спрыснули виномъ полярный кругъ, какъ это обыкновенно дѣлается на экваторѣ, когда корабль въ первый разъ переходитъ его черту.

Теперь оставалось только ожидать того момента, когда наполовину распустившійся ледъ окончательно растаетъ и очиститъ мѣсто для судна, которое должно было увезти всю колонію. 7-го мая островъ еще разъ перемѣнилъ свое положеніе на одну четверть своей окружности. Такимъ образомъ, мысъ Батурстъ обратился опять къ сѣверу, имѣя надъ собою массы льда, оставшагося отъ прежнихъ ледяныхъ горъ. Онъ сталъ почти въ такое же положеніе, какое было опредѣлено на географическихъ картахъ въ то время, когда онъ былъ еще прикрѣпленъ къ американскому материку.

Островъ описалъ полный кругъ около своей оси, и восходящее солнце освѣтило всѣ его берега.

Наблюденія 8-го мая показали, что неподвижный островъ находится почти на серединѣ пролива и только въ 40 миляхъ отъ мыса принца Уэльсскаго. Итакъ земля была близка, и этой землѣ былъ посланъ единодушный привѣтъ въ видѣ громкаго „ура“.

Вечеромъ въ тотъ же день въ большой залѣ устроили отличный ужинъ, за которымъ провозглашались тосты въ честь мистресъ Полины Барнеттъ и лейтенанта Гобсона.

Въ эту ночь Гобсонъ рѣшилъ отправиться взглянуть на перемѣны, которыя могли произойти къ югу на ледяныхъ пространствахъ.

Мистресъ Барнеттъ хотѣла ему сопутствовать во время этихъ изслѣдованій, но лейтенантъ настоялъ на томъ, чтобы она пошла отдохнуть; онъ взялъ съ собой только одного сержанта Лонга. Мистресъ Барнеттъ согласилась съ благоразумными доводами начальника колоніи и отправилась въ главный домъ въ сопровожденіи Мэджъ и Калюмахъ. Солдаты и женщины тоже отправились къ своимъ койкамъ, приготовленнымъ для нихъ въ пристройкахъ.

Ночь была великолѣпная. За отсутствіемъ луны, созвѣздія горѣли особенно красивымъ блескомъ.

Какой-то необыкновенный свѣтъ эффектно отражался въ массахъ льда и освѣщалъ атмосферу. Выйдя изъ форта въ 9 часовъ, лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ направились къ той части берега, которая находится между портомъ Барнеттъ и мысомъ Митчель.

Оба изслѣдователя прошли берегомъ отъ двухъ до трехъ миль. Какое великолѣпное зрѣлище разрушенія представилъ морской ледъ ихъ глазамъ! Здѣсь былъ буквально хаосъ. Представьте себѣ громадное соединеніе самыхъ причудливыхъ кристалловъ и море, мгновенно замерзшее въ ту минуту, когда оно было взволновано ураганомъ. При этомъ среди льдинъ не замѣчалось никакого прохода, такъ что ни одно судно не отважилось бы пуститься между ними.

Разговаривая и наблюдая, Джэсперъ Гобсонъ и сержантъ Лонгъ остались на берегу до полуночи. Убѣдившись, что все обстоитъ благополучно, они рѣшили вернуться въ фортъ Надежды, чтобы отдохнуть хоть нѣсколько часовъ.

Они прошли около сотни шаговъ и уже дошли до высохшаго русла рѣки Полины, какъ вдругъ ихъ остановилъ неожиданный шумъ. Это былъ какъ бы отдаленный гулъ, который доносился изъ сѣверной части моря. Шумъ постепенно усиливался и вскорѣ достигъ ужасныхъ размѣровъ. Должно-быть, на морѣ происходило какое-то страшное явленіе природы, потому что Гобсонъ чувствовалъ, какъ дрожала земля подъ его ногами.

— Этотъ шумъ слышится со стороны ледяныхъ массъ, плавающихъ на морѣ, — сказалъ сержантъ Лонгъ. — Что бы тамъ могло случиться?..

Джэсперъ Гобсонъ понялъ въ чемъ дѣло и, сильно взволнованный, схватилъ своего спутника за руку.

— Къ форту, къ форту! — закричалъ онъ, увлекая его за собою.— На морѣ происходитъ передвиженіе льдовъ, и мы, можетъ-быть, будемъ въ состояніи спустить судно на воду.

И оба быстро побѣжали самымъ кратчайшимъ путемъ къ форту Надежды.

Тысяча мыслей промелькнуло у нихъ въ головѣ. Какимъ еще новымъ несчастіемъ угрожаетъ это передвиженіе? Знаютъ ли о немъ спящіе жители форта? Вѣроятно, уже знаютъ, потому что этотъ ужасный шумъ, возраставшій каждую минуту, могъ бы разбудить даже мертваго.

Въ продолженіе 20 минутъ лейтенантъ и сержантъ пробѣжали двѣ мили, которыя ихъ отдѣляли отъ форта Надежды. Не успѣли они еще добраться до ограды форта, какъ увидѣли своихъ товарищей, бѣгущихъ навстрѣчу и испускающихъ крики ужаса и отчаянія.

Плотникъ Макъ-Нэпъ встрѣтилъ Гобсона и Лонга, держа на рукахъ своего маленькаго сына.

— Посмотрите, господинъ лейтенантъ, посмотрите! — воскликнулъ онъ, увлекая Гобсона къ холму, который возвышался въ нѣсколькихъ шагахъ за оградой.

Джэсперъ Гобсонъ поспѣшно взглянулъ туда и онѣмѣлъ отъ ужаса.

Послѣдніе остатки громадныхъ ледяныхъ горъ, которыя передъ его уходомъ были еще на разстояніи двухъ миль въ открытомъ морѣ, налетѣли на берегъ. Мысъ Батурстъ уже не существовалъ. Масса земли и песку, изъ которой онъ состоялъ, затертая льдами, покрывала ограду форта.

Главный домъ и строенія къ сѣверу совершенно исчезли подъ огромною лавиной. Среди страшнаго шума видно было, какъ льдины напирали одна на другую, приподнимались и опять падали, сокрушая все на своемъ пути. Это былъ какъ бы штурмъ, производимый ледяными глыбами на фортъ. Что касается корабля, стоявшаго у подножія мыса, то отъ него остались одни ни на что негодные обломки; вмѣстѣ съ нимъ исчезла послѣдняя надежда несчастныхъ.

Въ эту минуту строеніе, занимаемое солдатами, успѣвшими во-время спастись изъ него, разрушилось подъ тяжестью обрушившейся на него громадной ледяной глыбы.

Всѣ свидѣтели этой страшной катастрофы испустили крикъ отчаянія.

— А гдѣ другіе наши товарищи?! — воскликнулъ Джэсперъ Гобсонъ съ выраженіемъ сильнаго ужаса.

— Тамъ! — отвѣчалъ Макъ-Нэпъ, указывая на массу песку, земли и льда, подъ которыми исчезъ главный домъ.

Да! Подъ этою кучей были зарыты живыми мистресъ Полина Барнеттъ, Калюмахъ, Мэджъ и Томасъ Блэкъ, которыхъ упавшая лавина застала врасплохъ во время ихъ сна.

ГЛАВА XVIII.

Всѣ за работу!

Ужасная катастрофа совершилась! Ледяная гора столкнулась съ пловучимъ островомъ. Погруженная въ море на глубину, въ пять разъ превышающую ея видимую часть, ледяная масса не могла противостать подводному теченію; пробивъ себѣ дорогу среди разъединенныхъ льдинъ, она съ силою налетѣла на островъ Викторіи, который, подъ вліяніемъ этого могучаго двигателя, быстро направился къ югу.

Разбуженные громомъ обвала, разрушившаго сарай, стойла и главныя строенія, Макъ-Нэпъ и его товарищи успѣли во-время покинуть свое жилище, отъ котораго вскорѣ не осталось и слѣда. Островъ неудержимо увлекалъ своихъ обитателей въ необозримый Тихій океанъ. Въ головѣ Макъ-Нэпа мелькнула мысль, что, можетъ-быть, мистресъ Полина Барнеттъ, Мэджъ, молодая эскимоска и астрономъ остались живы подъ обваломъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ нужно было во что бы то ни стало отыскать живыхъ или мертвыхъ, и онъ бѣжалъ доложить объ этомъ лейтенанту.

— Заступы и кирки! — воскликнулъ Гобсонъ, къ которому уже вернулось его хладнокровіе. — Домъ былъ прочно выстроенъ и долженъ былъ выдержать напоръ. За работу!

Хотя въ инструментахъ недостатка не было, но подойти къ тому мѣсту, гдѣ стояло строеніе, въ эту минуту было невозможно, такъ какъ глыбы снѣга и льда продолжали скатываться съ вершинъ уцѣлѣвшихъ ледяныхъ горъ, изъ которыхъ нѣкоторыя возвышались болѣе чѣмъ на 200 футовъ надъ островомъ.

Трудно себѣ представить все величіе этихъ приведенныхъ въ движеніе громадныхъ массъ, которыя, казалось, заняли всю сѣверную часть горизонта. Пространство между мысами Батурстомъ и Эскимосскимъ было не только покрыто, но буквально задавлено движущимися горами. Въ своемъ неудержимомъ стремленіи горы надвигались все ближе и ближе и покрыли уже четверть мили берега. Ежеминутное сотрясеніе почвы и трескъ, подобный сильнымъ взрывамъ, указывали мѣста столкновенія ледяныхъ массъ. Можно было опасаться, что островъ пойдетъ ко дну подъ ихъ тяжестью. Уже берегъ началъ замѣтно понижаться, и вода широкою волной заливала островъ.

Положеніе несчастныхъ колонистовъ было ужасное. Въ продолженіе всей остальной ночи имъ ничего нельзя было предпринять для спасенія товарищей, потому что льдины со всѣхъ сторонъ преграждали имъ путь. Они должны были оставить свои тщетныя попытки и въ мрачномъ отчаяніи ожидать утра.

Съ наступленіемъ дня ихъ взорамъ представилось страшное зрѣлище. Окрестности мыса Батурстъ были неузнаваемы. Тамъ, гдѣ прежде глазъ

обнималъ неизмѣримое пространство, теперь горизонтъ былъ закрытъ громадною ледяною стѣной. Однако, нагроможденіе льдинъ, казалось, на время прекратилось. Правда, изрѣдка еще скатывались небольшія глыбы съ вершины неустановившихся ледяныхъ горъ; но вся масса ихъ, глубоко погруженная своимъ основаніемъ въ море, передавала теперь острову всю силу движенія, полученную въ глубинѣ теченія, и островъ съ невѣроятною быстротой подвигался къ югу, то-есть къ гибели.

Бывшіе на немъ люди не замѣчали пока этой новой опасности, такъ какъ были совершенно поглощены мыслью о спасеніи своихъ товарищей, между которыми находилась женщина, за которую каждый изъ нихъ съ радостью отдалъ бы свою жизнь. Теперь настало время дѣйствовать. Къ мѣсту обвала можно было уже подойти, и не слѣдовало терять ни минуты. Несчастные шесть часовъ уже находились подъ обваломъ.

Мы сказали, что мысъ Батурстъ пересталъ существовать. Подъ натискомъ громадной ледяной горы онъ опрокинулся на факторію, разбилъ судно, хлѣвъ и стойла со всѣми находившимися въ нихъ животными; наконецъ, засыпалъ землею и пескомъ и главное строеніе, на которое обрушились потомъ съ пятидесятифутовой высоты громадныя ледяныя глыбы. Дворъ факторіи былъ совершенно заваленъ ими, а отъ ограды не видно было ни одного столба. Подъ этою массой льда, земли и песку, путемъ страшныхъ усилій, нужно было отыскивать товарищей.

Прежде, чѣмъ приняться за это трудное дѣло, лейтенантъ позвалъ главнаго плотника.

— Какъ вы думаете, Макъ-Нэпъ, — спросилъ онъ его, — могъ ли выдержать домъ тяжесть такой массы песку и льда?

— Думаю, что могъ, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ Макъ-Нэпъ, — и даже почти увѣренъ въ этомъ. Вы знаете, какъ хорошо мы укрѣпили этотъ домъ. Крыша его была казематирована, а балки поставлены вертикально между поломъ и потолкомъ. Замѣтьте также, что домъ сначала былъ засыпанъ землею и пескомъ, а это тоже значительно должно было ослабить силу падающихъ на него ледяныхъ массъ.

— Дай Богъ, чтобъ это было такъ, Макъ-Нэпъ, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ. — Да избавитъ Онъ насъ отъ такого ужаснаго несчастья!

Затѣмъ онъ обратился къ мистрисъ Джолиффъ и спросилъ ее:

— Не осталось ли въ домѣ какой-нибудь провизіи?

— На кухнѣ и въ кладовой остались еще кой-какіе запасы.

— А вода есть?

— Есть и вода и водка.

— Это хорошо, — сказалъ Гобсонъ. — Значитъ, они не погибнутъ отъ голода или жажды. Но не будетъ ли у нихъ недостатка въ чистомъ воздухѣ?

На этотъ вопросъ старшій плотникъ не могъ ничего отвѣтить. Если домъ и устоялъ, то самою большою опасностью для четырехъ заключенныхъ былъ именно недостатокъ воздуха. Эту опасность можно было устранить только скорѣйшимъ ихъ освобожденіемъ или, по крайней мѣрѣ, устройствомъ сообщенія между заваленнымъ домомъ и наружною атмосферой. Всѣ обитатели колоніи, мужчины и женщины, вооружившись желѣзными лопатами и кирками, горячо принялись за дѣло. Они

направили свои усилія на всю массу песку, земли и льда, рискуя произвести новый обвалъ. Макъ-Нэпъ взялъ на себя управленіе работами и управлялъ ими очень энергично.

Удобнѣе всего ему казалось начать работы съ вершины массы, откуда нагроможденныя ледяныя глыбы легко можно было скатывать внизъ, посредствомъ кирокъ и рычаговъ. Большія глыбы нужно было предварительно разбивать; нѣкоторыя изъ самыхъ громадныхъ были растоплены при помощи сильнаго огня.

Всѣ средства были употреблены разомъ, чтобы скорѣе уничтожить эту лавину и добраться до дома.

Но масса нагроможденныхъ льдинъ была такъ велика, что, несмотря на дружныя усилія рабочихъ, она начала поддаваться только къ вечеру. Между тѣмъ, ледъ на вершинѣ началъ сплавляться и выравниваться. Рѣшено было продолжать работы всю ночь. Затѣмъ, когда опасность крушенія льдинъ будетъ устранена, главный мастеръ разсчитывалъ прорыть вертикальный колодецъ черезъ всю сплошную массу льда, земли и песку, чтобы такимъ образомъ дать въ домъ доступъ свѣжему воздуху.

Джэсперъ Гобсонъ и его товарищи энергично занимались этими трудными работами. Огонь и желѣзо мало-по-малу уничтожили эту безпорядочную массу льдинъ. Мужчины работали заступами и кирками, а женщины поддерживали огонь. Ихъ всѣхъ воодушевляла и ободряла мысль: спасти мистресъ Барнетъ, Мэджъ, Калюмахъ и Томаса Блэка.

Къ утру эти несчастные пробыли подъ обваломъ уже тридцать часовъ въ значительно разрѣженной атмосферѣ.

Послѣ работъ, продолжавшихся всю ночь, плотникъ рѣшилъ копать вертикальный колодецъ, который долженъ былъ окончиться на крышѣ дома. По его расчету колодецъ долженъ быть не менѣе пятидесяти футовъ глубины. Въ слоѣ льда, который занималъ, приблизительно, двадцать футовъ, работа не представляла особенныхъ затрудненій; но слой земли и песку, толщиною около тридцати футовъ, былъ, навѣрное, очень рыхлый, что не только затрудняло работу, но и замедляло ее, потому что на всей глубинѣ земляного слоя нужно было укрѣплять стѣнки колодца. Для этой цѣли были изготовлены длинные деревянные бруски. Въ колодцѣ разомъ могли работать только три человѣка, поэтому рабочіе имѣли возможность часто смѣняться, что не такъ утомляло ихъ и хорошо вліяло на успѣшный ходъ работы.

Какъ всегда случается при подобныхъ обстоятельствахъ, работающіе безпрестанно переходили отъ надежды къ отчаянію. Если работа задерживалась какимъ-нибудь непредвидѣннымъ препятствіемъ или обваломъ, разрушавшимъ часть ихъ трудовъ, они начинали отчаиваться; но твердый и увѣренный голосъ старшаго плотника тотчасъ же ободрялъ ихъ.

Въ то время, когда мужчины работали поочередно въ колодцѣ, жены Райе, Джолиффа и Макъ-Нэпа находились у подножія холма и съ трепетомъ ожидали исхода работъ. Изрѣдка онѣ обмѣнивались короткими фразами и по временамъ горячо молились. У нихъ теперь была только одна забота: приготовлять пищу, которую работавшіе съ жадностью поѣдали въ минуты отдыха.

Работа въ колодцѣ хотя и не представляла особенныхъ трудностей, но тѣмъ не менѣе подвигалась впередъ очень медленно, вслѣдствіе

большой твердости льда. Только къ вечеру Макъ-Нэпу удалось добраться до земляного слоя, который онъ надѣялся прорыть не ранѣе, какъ къ вечеру слѣдующаго дня.

Наступила ночь, но работа въ колодцѣ продолжалась при свѣтѣ смолистыхъ факеловъ. Чтобы защитить отъ наступавшей непогоды женщинъ и ребенка, солдаты наскоро вырубили для нихъ во льду пещеру.

Вѣтеръ повернулъ на юго-западъ, и шелъ холодный дождь, сопровождаемый сильнымъ шкваломъ. Но лейтенантъ Гобсонъ и его товарищи ни на минуту не прерывали своей работы, которая въ земляномъ слоѣ сдѣлалась гораздо труднѣе. Земля была такъ рыхла, что невозможно было рыть колодецъ, не укрѣпивъ его стѣнокъ. Для этого была устроена грубая деревянная обшивка, удерживавшая землю. Затѣмъ привязанными на веревкѣ ведрами люди, находившіеся наверху, вытаскивали изъ колодца вырытую землю. Понятно, что при такихъ условіяхъ работа должна была итти крайне медленно; къ тому же, каждую минуту нужно было опасаться обвала и принимать самыя тщательныя мѣры предосторожности для того, чтобы рабочіе, въ свою очередь, не были засыпаны.

Самъ главный плотникъ почти все время былъ на днѣ колодца, управляя работами и погружая по временамъ свой длинный ломъ въ рыхлую землю. Но его ломъ не встрѣчалъ ничего такого, что указало бы ему на близость крыши.

Къ утру вырыли только десять футовъ въ слоѣ земли и песку, а чтобы добраться до крыши дома, предположивъ, что она не обрушилась, нужно было вырыть еще, по крайней мѣрѣ, двадцать футовъ.

Между тѣмъ, прошло уже пятьдесятъ - четыре часа съ тѣхъ поръ, какъ мистресъ Барнеттъ, Калюмахъ, Мэджъ и астрономъ были погребены подъ обваломъ.

Нѣсколько разъ лейтенанту Гобсону и Макъ-Нэпу приходила мысль, что несчастные, съ своей стороны, тоже, вѣроятно, пытаются открыть себѣ путь на свободу. Было прямо не вѣроятно, чтобы такая энергическая и хладнокровная женщина, какъ мистресъ Полина Барнеттъ ничего не предприняла для спасенія себя и своихъ товарищей.

Въ домѣ остались нѣкоторые инструменты, и одинъ изъ плотниковъ, Келлетъ, хорошо помнилъ, что оставилъ на кухнѣ свой топоръ. Плѣнники, такимъ образомъ, могли разломать одну изъ дверей и начать рыть галлерею въ земляномъ слоѣ. Но они могли вести галлерею только въ горизонтальномъ направленіи, а такая работа была бы несравненно продолжительнѣе прорытія колодца, предпринятаго Макъ-Нэпомъ, потому что масса обвала, возвышающаяся только на 60 футовъ, покрывала пространство болѣе 500 футовъ въ діаметрѣ. Плѣнники, конечно, не могли знать этого, и, предположивъ, что горизонтальная галлерея была начата, они не могли прорыть ее ранѣе недѣли, а до того времени недостатокъ, если не пищи, то воздуха непремѣнно погубилъ бы ихъ.

Джэсперъ Гобсонъ лично изслѣдовалъ всѣ части обвала и прислушивался къ каждому звуку, надѣясь открыть какіе-нибудь слѣды подземныхъ работъ. Но всѣ его старанія были тщетны: въ заваленномъ зданіи царствовала полная тишина.

Съ наступленіемъ утра работники съ новымъ рвеніемъ принялись за свою тяжелую работу. По мѣрѣ углубленія колодца, земля и песокъ безостановочно поднимались на поверхность; грубая деревянная обшивка его стѣнокъ еще достаточно хорошо поддерживала землю. Правда, нѣсколько разъ происходили небольшіе обвалы, но они были тотчасъ же устраняемы. Въ этотъ же день не произошло никакого несчастія, только

На всякій случай сигналы были поданы. (Стр. 140.)

солдатъ Гарри былъ слегка раненъ въ голову, но его рана была такъ незначительна, что онъ даже не захотѣлъ оставлять работы.

Къ четыремъ часамъ общая глубина колодца достигла пятидесяти футовъ: двадцать было прорыто во льду и тридцать—въ землѣ и пескѣ.

На этой глубинѣ Макъ-Нэпъ разсчитывалъ достигнуть крыши дома, если только она выдержала давленіе лавины. Легко себѣ представить его отчаяніе и недоумѣніе, когда его ломъ вошелъ въ землю, не встрѣ-

тивъ никакого препятствія. Онъ молча простоялъ нѣсколько секундъ, сложивъ руки и глядя на стоявшаго передъ нимъ Сабина.

— Ничего?— спросилъ охотникъ.

— Ничего! – отвѣчалъ плотникъ. — Ровно ничего! Будемъ, однако, продолжать работу. Крыша, вѣроятно, обрушилась, но не вѣроятно, чтобы прочный накатъ чердака не выдержалъ тяжести обвала. Еще нѣсколько футовъ — и мы доберемся до этого наката, если только...

Макъ-Нэпъ не докончилъ своей мысли и вмѣстѣ съ Сабиномъ съ энергіей отчаянія принялся за работу. Къ шести часамъ вечера вырыли еще десять или двѣнадцать футовъ. Макъ-Нэпъ снова сталъ зондировать землю, но съ прежнимъ успѣхомъ: его ломъ опять безпрепятственно погружался въ рыхлую землю.

— Несчастные! — простоналъ плотникъ, схвативъ себя руками за голову.

Карабкаясь по подпоркамъ, поддерживающимъ деревянную обшивку колодца, Макъ-Нэпъ выбрался на его поверхность.

Здѣсь онъ нашелъ лейтенанта Гобсона и сержанта Лонга, которые въ страшномъ волненіи ожидали результата работъ. Отведя ихъ въ сторону, Макъ-Нэпъ сообщилъ имъ ужасное разочарованіе, которое онъ испыталъ.

— Значитъ, домъ разрушенъ обваломъ! — воскликнулъ Джэсперъ Гобсонъ,— и наши несчастные...

— Нѣтъ! — перебилъ его плотникъ тономъ непоколебимой увѣренности.— Нѣтъ! домъ не разрушенъ. Онъ не могъ разрушиться, это невозможно!

— Но что же тогда съ нимъ случилось, Макъ-Нэпъ?! — вскричалъ съ отчаяніемъ Гобсонъ.

— Нѣчто худшее,— отвѣчалъ Макъ-Нэпъ.— Домъ остался цѣлъ, но почва, на которой онъ находился, не выдержала натиска лавины и провалилась вмѣстѣ съ нимъ сквозь ледяную кору, служащую основаніемъ острову... и несчастныя жертвы...

— Утонули?!— воскликнулъ сержантъ Лонгъ.

— Да, сержантъ, утонули, не успѣвъ сдѣлать ни одного движенія чтобы спастись! Они утонули, какъ тонутъ пассажиры корабля, разомъ пошедшаго ко дну.

Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе. Предположеніе Макъ-Нэпа было очень правдоподобно. Съ полнымъ основаніемъ можно было предположить, что слой льда, служащій основаніемъ острову, не выдержалъ натиска лавины. Домъ, благодаря вертикальнымъ сваямъ, поддерживавшимъ балки потолка и упиравшимся въ полъ, долженъ былъ подъ тяжестью обвала проломить слои льда и провалиться въ морскую бездну.

— Ну, Макъ-Нэпъ, — сказалъ Гобсонъ, — если мы не могли спасти ихъ живыми...

— То должны, по крайней мѣрѣ, найти ихъ мертвыми! — перебилъ его плотникъ.

Съ этими словами онъ, не говоря болѣе ни слова, снова спустился въ колодецъ. За нимъ послѣдовалъ Гобсонъ.

Всю ночь, поочередно смѣняясь, рабочіе продолжали рыть колодецъ.

Въ то время, какъ два солдата работали на днѣ его, Макъ-Нэпъ и поручикъ Гобсонъ слѣдили за работой, сидя на одной изъ подпорокъ.

Вдругъ, въ три часа утра, заступъ Келлета наткнулся на что-то твердое и издалъ сухой рѣзкій звукъ.

Макъ-Нэпъ скорѣе почувствовалъ, нежели услышалъ звукъ, и хотѣлъ что-то сказать, но его предупредилъ Келлетъ.

— Это домъ!— воскликнулъ онъ.— Они спасены!

— Молчи и рой!— приказалъ Гобсонъ глухимъ голосомъ.

Прошло уже почти семьдесятъ-шесть часовъ съ того времени, какъ лавина обрушилась на домъ.

Келлетъ и его товарищъ, солдатъ Пондъ, опять принялись за работу. Глубина колодца почти уже достигла уровня моря, и Макъ-Нэпъ потерялъ всякую надежду найти живыми заключенныхъ въ домѣ.

Минутъ черезъ двадцать показалось твердое тѣло, о которое стукнулъ заступъ. Это было одно изъ стропилъ крыши. Плотникъ бросился на дно колодца, схватилъ топоръ и сталъ съ силою рубить крышу. Черезъ нѣсколько минутъ образовалось большое отверстіе, изъ котораго показалось блѣдное, почти неузнаваемое въ темнотѣ лицо.

Это была Калюмахъ.

— Къ намъ... на помощь... скорѣе! — едва слышно прошептала несчастная эскимоска.

Джэсперъ Гобсонъ самъ спустился въ отверстіе крыши. Его вдругъ охватилъ сильный холодъ. Вода доходила ему почти до пояса. Противъ ожиданія, крыша осталась цѣла, а домъ, какъ и предположилъ Макъ-Нэпъ, провалился подъ почву. Однако, вода еще не наполняла вполнѣ чердака и только на футъ покрывала его полъ. Была еще надежда...

Подвигаясь въ темнотѣ, лейтенантъ наткнулся на чье-то безжизненное тѣло. Онъ притащилъ его къ отверстію и передалъ Келлету и Понду. Оказалось, что это было тѣло Томаса Блэка.

Черезъ нѣсколько минутъ нашли и другое тѣло — Мэджъ.

Съ помощью веревокъ, товарищи вытащили тѣла Блэка и Мэджъ на поверхность колодца, и тамъ, на свѣжемъ воздухѣ, несчастные начали мало-по-малу приходить въ себя.

Оставалось спасти только мистресъ Барнеттъ. Джэсперъ Гобсонъ, по указанію Калюмахъ, отправился на самый отдаленный край чердака, гдѣ, наконецъ, и нашелъ ее. Путешественница была, повидимому, безъ всякихъ признаковъ жизни, съ едва поднимающеюся изъ воды головой. Гобсонъ поднялъ на руки это безжизненное тѣло и, при помощи Макъ-Нэпа и другихъ, вытащилъ его на воздухъ.

Всѣ товарищи несчастной женщины молча собрались вокругъ нея, уже отчаиваясь увидѣть ее въ живыхъ. Молодая эскимоска, сама едва двигавшаяся отъ истощенія, рыдая, бросилась на тѣло своей любимицы.

Однако, мистресъ Барнеттъ еще дышала, и сердце ея слабо билось. Чистый воздухъ, жадно вдыхаемый ея истощенными легкими, возвратилъ, наконецъ, ее къ жизни, и она открыла глаза.

Общій крикъ радости и благодарности къ Богу вырвался у всѣхъ присутствующихъ и далеко разнесся по окрестностямъ.

Между тѣмъ, наступилъ день, и восходящее солнце бросало въ пространство свои первые лучи.

Мистресъ Полина Барнеттъ съ усиліемъ приподнялась и оглядѣлась вокругъ. Съ вершины этой горы, образовавшейся изъ лавины, островъ былъ виденъ какъ на ладони. Вдругъ, съ страннымъ выраженіемъ, заставившимъ всѣхъ невольно вздрогнуть, она произнесла: „Море! море!“

Дѣйствительно, съ востока и запада открывалось море, которое окружало теперь островъ, и на которомъ не было видно ни одной льдины.

ГЛАВА XIX.

Берингово море.

Островъ Викторіи, приведенный въ движеніе массою надвинувшагося на него льда, прошелъ Беринговъ проливъ и вошелъ въ Берингово море. Подъ натискомъ ледяной массы, получавшей свою силу въ нижнемъ теченіи, островъ двигался съ невѣроятною быстротой къ теплымъ водамъ, гдѣ онъ долженъ былъ скоро растаять подъ ногами своихъ обитателей!

А между тѣмъ, раздавленное судно было совершенно негодно къ употребленію.

Придя въ себя, мистресъ Барнеттъ разсказала исторію семидесятичетырехъ часовъ, проведенныхъ ею и ея товарищами въ провалившемся домѣ. Томасъ Блэкъ, Мэджъ и Калюмахъ были захвачены обваломъ врасплохъ. Всѣ бросились къ дверямъ и окнамъ, но выхода уже не было. Слой земли и песку, составлявшій нѣсколько минутъ тому назадъ мысъ Батурстъ, покрывалъ теперь весь домъ. Вслѣдъ за тѣмъ они услышали шумъ паденія ледяныхъ глыбъ, обрушившихся на факторію съ вершины ледяныхъ горъ.

Не прошло и четверти часа, какъ мистресъ Барнеттъ и ея товарищи почувствовали, что домъ, стоявшій до сихъ поръ непоколебимо, начинаетъ опускаться. Ледяная кора, служащая основаніемъ острову, проломилась, и морская вода начала проникать въ домъ.

Захватить провизію, оставшуюся въ кладовой и спастись на чердакъ — было для нихъ дѣломъ одной минуты. Они сдѣлали это только изъ чувства самосохраненія, такъ какъ надежды на спасеніе было мало. Во всякомъ случаѣ, казалось, чердакъ могъ выдержать напоръ льда. Расчетъ ихъ оказался вѣренъ: двѣ льдины, столкнувшись, составили подъ крышей сводъ и, такимъ образомъ, спасли чердакъ отъ разрушенія.

Несчастные, заключенные на чердакѣ, ясно слышали постоянно раздававшійся сверху шумъ обвала, а снизу имъ грозила постепенно подымавшаяся вода. Казалось, не было никакого исхода! Но какимъ-то чудомъ крыша, лежавшая на прочныхъ стропилахъ, не подалась подъ тяжестью льда, а домъ, опустившись на нѣкоторую глубину, въ такомъ положеніи и остался. Но вода, все-таки, пробралась на чердакъ и на цѣлый футъ покрывала его насъ.

Мистресъ Барнеттъ, Мэджъ, Калюмахъ и астрономъ, взобравшись подъ стропила, должны были оставаться тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Преданная Калюмахъ услуживала всѣмъ и переносила по водѣ пищу несчастнымъ заключеннымъ. О спасеніи собственными средствами нечего было и думать. Помощь могла явиться только извнѣ.

Положеніе ихъ, дѣйствительно, было ужасное. Воздухъ, лишенный кислорода и насыщенный угольною кислотой, становился невозможнымъ для дыханія. Еще нѣсколько часовъ заключенія, и лейтенантъ Гобсонъ нашелъ бы только трупы своихъ товарищей. Въ довершеніе физическихъ страданій, явились и моральныя.

Мистресъ Полина Барнеттъ почти тотчасъ же поняла въ чемъ дѣло. Она догадалась, что ледяная гора столкнулась съ островомъ, а по шуму воды подъ домомъ почувствовала, что островъ неудержимо стремится къ югу. Вотъ почему, открывши глаза и осмотрѣвшись, она произнесла слова, которыя были такъ ужасны въ ихъ настоящемъ положеніи, проговоривъ: „Море! море!“

До этой минуты всѣ были поглощены мыслью: во что бы то ни стало спасти заключенныхъ, и не думали ни о чемъ другомъ. Но теперь, когда заключенные были спасены, и это ужасное приключеніе окончилось сравнительно благополучно, колонисты не могли не обратить вниманія на это опасное обстоятельство — занесеніе пловучаго острова въ теплыя воды Берингова моря, — обстоятельство, могущее ускорить катастрофу, развязка которой была не за горами.

Первою заботой Гобсона въ этотъ день было опредѣлить положеніе острова. Оставить островъ теперь уже не было никакой возможности, такъ какъ его со всѣхъ сторонъ окружало открытое море, а судно было негодно къ употребленію.

Ледяныхъ горъ не было видно, за исключеніемъ остатковъ той глыбы, вершина которой уничтожила мысъ Батурстъ; а основаніе, глубоко погруженное въ море, влекло теперь островъ къ югу.

Обыскавъ домъ, нашли почти всѣ инструменты и карты, которые астрономъ успѣлъ захватить съ собою на чердакъ и которые, по счастью, остались цѣлы.

Небо было покрыто облаками, но проглядывавшее по временамъ солнце дало лейтенанту возможность съ точностью опредѣлить положеніе острова. По его вычисленіямъ, островъ Викторіи теперь находился подъ 168°12′ долготы на западъ отъ Гринвичскаго меридіана и подъ 63°27′ широты. На картахъ эта точка значилась въ Нортоновомъ заливѣ, между азіатскимъ мысомъ Чаплина и американскимъ — Стифенса, на разстояніи болѣе ста миль отъ того и другого.

— Значитъ, нужно отказаться отъ мысли высадиться на материкъ? — спросила мистресъ Полина Барнеттъ.

— Увы! — да, — отвѣчалъ Гобсонъ, — на это нѣтъ болѣе никакой надежды. Потокъ съ неудержимою силой влечетъ насъ въ открытое море, и теперь наше единственное спасеніе, это — встрѣча съ какимъ-нибудь китоловнымъ судномъ.

— Но если мы не можемъ болѣе надѣяться пристать къ материку, то, не принесетъ ли насъ теченіе къ какому-нибудь изъ острововъ Берингова моря?

Надежда эта имѣла очень слабое основаніе, но несчастные схватились за нее, какъ упопающій хватается за соломинку. Правда, въ этой части Берингова моря находилось довольно много острововъ, напримѣръ: Св. Лаврентія, Св. Матѳея, Нуніуэнъ, Св. Павла, Георгія и др. Въ это время пловучій островъ находился недалеко отъ довольно значительнаго острова Св. Лаврентія, окруженнаго множествомъ мелкихъ острововъ.

Въ случаѣ, если бы островъ Св. Лаврентія остался въ сторонѣ, они могли надѣяться пристать къ одному изъ Алеутскихъ острововъ, которые замыкаютъ Берингово море съ юга.

Итакъ, островъ Св. Лаврентія могъ быть мѣстомъ спасенія несчастныхъ путешественниковъ. Если же онъ останется въ сторонѣ, то островъ Св. Матѳея, со всею окружающею его группой маленькихъ островковъ, можетъ также встрѣтиться имъ на пути. Что же касается Алеутскихъ острововъ, отъ которыхъ они находились въ настоящую минуту болѣе чѣмъ на восемьсотъ миль, то трудно было надѣяться достигнуть ихъ: гораздо раньше ихъ островъ долженъ былъ растаять въ теплыхъ водахъ океана и подъ вліяніемъ горячихъ лучей солнца, входившаго уже въ созвѣздіе Близнецовъ.

Это предположеніе было вѣрно. Дѣйствительно, льды приближаются къ экватору далеко не на одинаковое разстояніе. Въ южномъ полушаріи они подходятъ къ нему гораздо ближе, чѣмъ въ сѣверномъ. Они встрѣчаются иногда даже около мыса Доброй Надежды, слѣдовательно, около тридцать-шестой параллели; между тѣмъ, какъ ледяныя горы Сѣвернаго океана никогда не заходятъ далѣе сорокового градуса широты. Положеніе той линіи, на которой ледъ начинаетъ таять, зависитъ отъ климатическихъ условій и, главнымъ образомъ, отъ температуры. Во время очень продолжительныхъ зимъ льды доходятъ до весьма низкихъ параллелей; а въ тѣхъ случаяхъ, когда весна наступаетъ рано, они, напротивъ, таютъ очень быстро.

Но въ 1861 году весна была очень ранняя, а потому островъ Викторіи долженъ былъ скоро растаять. Воды Берингова моря имѣли уже зеленоватый оттѣнокъ, а не синій, какъ это всегда бываетъ среди льдовъ, по замѣчанію мореплавателя Гудзона. А такъ какъ судно — ихъ единственная надежда — уже не существовало, то можно было ожидать катастрофы каждую минуту.

Но Джэсперъ Гобсонъ рѣшилъ предупредить ее, построивъ плотъ, который могъ бы поднять всѣхъ обитателей факторіи; на этомъ плоту онъ предполагалъ добраться до какого-нибудь материка.

Онъ приказалъ приготовить необходимое количество лѣса для постройки плота, не переставая, однако, надѣяться на встрѣчу съ какимъ-нибудь китоловнымъ судномъ, которыя въ это время года, обыкновенно, поднимаются на сѣверъ для ловли китовъ.

Макъ-Нэпъ, получивъ приказаніе построить прочный и обширный плотъ, который могъ бы держаться на поверхности моря, когда островъ Викторіи пойдетъ ко дну, рѣшилъ, что прежде всего нужно было устроить какое-нибудь жилище, гдѣ несчастные обитатели острова могли бы укрыться отъ непогоды. Рѣшено было откопать прилегавшій къ главному строенію домъ, въ которомъ жили прежде солдаты, и уцѣлѣвшія стѣны котораго еще могли служить жилищемъ.

Всѣ дѣятельно принялись за работу, и черезъ нѣсколько дней устроили сносное жилище, въ которомъ можно было укрыться отъ безпрестанныхъ и неожиданныхъ перемѣнъ суроваго климата.

Изъ затопленныхъ комнатъ стараго дома вынули довольно много годныхъ еще къ употребленію необходимыхъ вещей, какъ-то: разные инструменты, оружіе, постели, кой-какую мебель, воздушные насосы, воздушный резервуаръ и проч.

На слѣдующій день, 13 мая, должны были отказаться отъ надежды пристать къ берегамъ острова Св. Лаврентія. По наблюденіямъ Гобсона оказалось, что островъ Викторіи проходилъ гораздо восточнѣе его. Дѣйствительно, морскія теченія обыкновенно огибаютъ всѣ естественныя препятствія, въ томъ числѣ, конечно, и острова, и лейтенантъ Гобсонъ понялъ, что надежда пристать къ какому-нибудь маленькому острову будетъ совершенно напрасная. Одни только Алеутскіе острова, растянутые въ видѣ громадной сѣти на протяженіи нѣсколькихъ градусовъ, могли бы задержать его. Но, какъ было уже сказано выше, трудно было надѣяться достигнуть ихъ. Правда, островъ Викторіи двигался чрезвычайно быстро; но эта быстрота непремѣнно должна будетъ уменьшиться, если ледяная масса, толкающая его впередъ, какимъ-нибудь образомъ отдѣлится отъ него или растаетъ прежде острова; а растаять она могла легко, потому что не имѣла никакой защиты отъ солнечныхъ лучей. Лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ и сержантъ Лонгъ часто объ этомъ разсуждали и, наконецъ, послѣ долгихъ размышленій рѣшили, что ихъ островъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть Алеутскихъ острововъ. Это мнѣніе они основывали на томъ, что быстрота пловучаго острова можетъ уменьшиться, что онъ какимъ-нибудь образомъ выйдетъ изъ Берингова теченія и что, наконецъ, можетъ гораздо ранѣе растаять отъ двойного дѣйствія теплыхъ водъ и лучей солнца.

14-го мая Макъ-Нэпъ съ своими людьми приступилъ къ устройству большого плота. Задача состояла въ томъ, чтобы устроить его, по возможности, высоко для обезпеченія отъ волнъ. Работа была трудная, но усердіе работниковъ преодолѣло всѣ препятствія. Къ счастью, кузнецъ Райе нашелъ въ магазинѣ большое количество желѣзныхъ полосъ, привезенныхъ изъ форта Соединенія, посредствомъ которыхъ онъ скрѣпилъ различныя части сооруженія. Мѣстомъ для постройки плота, по мысли Гобсона, было назначено озеро. Отдѣльныя части плота дѣлали на берегу, потомъ спускались на воду и здѣсь сколачивались вмѣстѣ. Отъ этого получалась двоякая выгода: во-первыхъ, плотникъ могъ судить о подъемной силѣ и прочности плота и, во-вторыхъ, плотъ уже находился на водѣ и не могъ подвергнуться поврежденію въ случаѣ гибели острова. Эти два важныя соображенія побудили плотника начать постройку сообразно съ указаніемъ лейтенанта.

Во время этихъ работъ Джэсперъ Гобсонъ часто ходилъ по берегу то одинъ, то въ обществѣ Полины Барнеттъ. Онъ наблюдалъ состояніе моря и постоянно измѣнявшіяся береговыя извилины, которыя образовывались отъ дѣйствія морскихъ волнъ. Куда ни бросалъ онъ взоръ — вездѣ одна только огромная водяная пустыня. Къ сѣверу на горизонтѣ уже не было ни одной ледяной горы. Напрасно ждалъ онъ, какъ ждутъ и всѣ потерпѣвшіе крушеніе, „того судна, которое никогда не является во-время". Пустынность моря только по временамъ нарушалась появленіемъ дельфиновъ, которые охотно посѣщаютъ зеленыя воды, потому что тамъ живутъ миріады инфузорій, служащихъ имъ единственною пищей. Встрѣчались также плавающія деревья разныхъ сортовъ, преимущественно теплыхъ странъ.

Однажды, 16-го мая, мистресъ Барнеттъ и Мэджъ гуляли вмѣстѣ въ той части острова, которая заключалась между мысомъ Батурстъ

и старымъ портомъ. Погода стояла хорошая, и воздухъ былъ очень теплый. Уже нѣсколько дней не видно было даже признаковъ снѣга на всемъ островѣ. Только видъ льдинъ въ сѣверной части острова, нанесенныхъ туда ледяными горами, напоминалъ о полярныхъ странахъ. Эти льдины понемногу таяли; вслѣдствіе чего, на вершинахъ и на склонахъ ледяныхъ горъ появлялись каждый день новые потоки.

Островъ Викторіи представлялъ теперь интересное зрѣлище.

Менѣе озабоченный человѣкъ могъ бы наблюдать его съ большимъ интересомъ. Весна обнаруживалась всюду. Растительная жизнь теперь процвѣтала на островѣ, потому что онъ перешелъ въ другую широту. Мхи, цвѣты и плантаціи мистресъ Джолиффъ разрастались съ необыкновенною быстротой. Вся растительная сила этой земли, освободившись отъ сѣвернаго климата, производила теперь въ изобиліи растенія, окрашивая ихъ самыми яркими красками. Это были уже не тѣ блѣдные линючіе цвѣты, а напротивъ, яркіе и красивые, достойные того солнца, которое ихъ освѣщаетъ и согрѣваетъ. Различныя деревья — толокнянка, ива и береза — покрылись яркою зеленью. Ихъ почки распустились теперь при температурѣ 20° выше нуля. Значитъ, сѣверная природа острова перемѣнилась, когда онъ очутился на одной широтѣ съ Стокгольмомъ и Христіаніей, находящимися, какъ извѣстно, въ умѣренномъ поясѣ и изобилующими зеленью.

Но мистресъ Барнетъ не хотѣла даже смотрѣть на эти чудеса природы. Могла ли природа помочь имъ? Могла ли она присоединить этотъ блуждающій островъ къ материку? Могла ли, наконецъ, она дать ей такой же инстинктъ, какъ и у животныхъ, которыя ее окружали? Можетъ-быть, при помощи этого инстинкта ей удалось бы спасти товарищей. Но теперь, впрочемъ, и удивительный инстинктъ животныхъ не могъ бы ничего сдѣлать. Всѣ эти лисицы, горностаи, куницы, бобры, рыси и даже самые волки, предчувствуя неизбѣжную опасность, дѣлались менѣе хищны и сами все болѣе и болѣе приближались къ своему врагу—человѣку, какъ будто онъ могъ ихъ спасти. Это было какое-то инстинктивное признаніе превосходства человѣка. Странно лишь то, что они выражали это при такихъ обстоятельствахъ, когда и человѣкъ былъ совершенно безсиленъ съ его гордымъ разумомъ.

Мистресъ Барнеттъ все это хорошо понимала, и ея тоскливый взоръ не покидалъ только неумолимаго обширнаго, безконечнаго моря, не имѣющаго другого горизонта, кромѣ неба, съ которымъ оно сливалось.

— Бѣдная моя Мэджъ! — сказала однажды мистресъ Барнеттъ. — Вѣдь это я подвергла тебя такой опасности, — тебя, которая всегда готова слѣдовать за мной. Твоя преданность и дружба заслуживаютъ лучшей участи. Простишь ли ты меня?

— Единственная вещь, — которую я тебѣ не простила бы, это — твоя смерть, если бы мнѣ не пришлось раздѣлить ее съ тобою.

— Мэджъ! Мэджъ! — воскликнула путешественница.— Если бъ моя жизнь могла спасти этихъ несчастныхъ, я отдала бы ее не колеблясь.

— Дочь моя, — отвѣчала Мэджъ, — развѣ у тебя нѣтъ ужъ болѣе надежды?

— Нѣтъ! — прошептала мистресъ Барнеттъ, бросаясь въ объятія своей подруги

Даже въ этой мужественной натурѣ появилась на минуту женщина. Да и кто не понялъ бы и не простилъ бы ей этой слабости при подобныхъ испытаніяхъ!

Мистресъ Полина Барнеттъ заплакала, прижимая къ груди свою подругу.

Мистресъ Барнеттъ посмотрѣла въ лицо Мэджъ. (Стр. 142.)

— Дорогая Мэджъ, — продолжала она, рыдая, — не говори, пожалуйста, имъ, что я плакала.

— Будь покойна, — отвѣчала Мэджъ. — Впрочемъ, они мнѣ всеравно не повѣрили бы. Да это и правда, только минутная слабость. Оправься, дитя мое, вѣдь ты наша поддержка. Ободрись и собери всѣ свои силы.

— А развѣ ты еще надѣешься?! — воскликнула мистресъ Барнеттъ, смотря въ глаза своей вѣрной подруги.

— Я всегда надѣюсь, — просто отвѣчала Мэджъ.

А между тѣмъ, можно ли было сохранить хоть лучъ надежды, когда черезъ нѣсколько дней островъ, пройдя мимо группы острововъ Св. Матѳея, не будетъ уже имѣть въ виду никакой земли въ Беринговомъ морѣ, къ которой можно было бы пристать!

ГЛАВА XX.

Въ открытомъ морѣ.

Островъ Викторіи плылъ теперь въ самой обширной части Берингова моря, на разстояніи шестисотъ миль отъ Алеутскихъ острововъ и болѣе чѣмъ въ 200 миляхъ отъ ближайшаго берега.

Его передвиженіе происходило съ постоянно увеличивавшеюся скоростью. Но, предположивъ даже, что эта скорость не уменьшится, ему, все-таки, нужно было три недѣли, чтобы достичь Алеутскихъ острововъ.

Но можно ли было надѣяться, что этотъ островъ, ледяное основаніе котораго съ каждымъ днемъ, подъ вліяніемъ теплыхъ водъ и умѣренной температуры (10° выше нуля), дѣлалось все тоньше и тоньше, продержится эти три недѣли? Не могъ ли онъ каждую минуту разрушиться?

Лейтенантъ Гобсонъ всѣми силами старался ускорить постройку плота, основа котораго уже плавала въ озерѣ.

Макъ-Нэпъ хотѣлъ устроить плотъ какъ можно прочнѣе, чтобы онъ былъ въ состояніи сопротивляться морскимъ волнамъ. Дѣйствительно, если они не встрѣтятъ въ этихъ мѣстахъ Берингова моря какое-нибудь китоловное судно, то плоту, навѣрное, придется совершить немалое путешествіе по морю, направляясь къ Алеутскимъ островамъ или еще къ какимъ-нибудь пунктамъ Берингова моря.

Что касается острова Викторіи, то онъ еще не измѣнилъ значительно своего общаго очертанія. Каждый день дѣлались наблюденія; при чемъ изслѣдователи должны были двигаться съ большою осторожностью, потому что ямы и рытвины ежеминутно грозили поглотить ихъ.

Глубокая выемка въ окрестностяхъ мыса Митчель, закрытая зимою, стала понемногу возобновляться. Она простиралась теперь на цѣлую милю внутрь острова, доходя до высохшаго русла маленькой рѣчки. Нужно было опасаться, что выемка послѣдуетъ дальше по этому руслу. Если бы это случилось, то, несомнѣнно, разрушилась бы часть острова, заключающаяся между мысомъ Митчель и портомъ Барнеттъ и граничащая къ западу съ русломъ рѣки, т. е. пространство въ нѣсколько квадратныхъ миль.

Джэсперъ Гобсонъ посовѣтовалъ своимъ товарищамъ не отлучаться далеко безъ надобности, потому что достаточно было одного сильнаго волненія, и островъ могъ распасться на двѣ или на нѣсколько частей; такимъ образомъ, они рисковали быть отрѣзанными отъ прочихъ товарищей.

Между тѣмъ, во многихъ частяхъ острова измѣрили толщину ледяного основанія, чтобы узнать, въ какой части островъ долѣе могъ сопротивляться разрушенію.

Изъ этихъ измѣреній узнали, что толщина ледяной коры была всего значительнѣе въ окрестностяхъ мыса Батурстъ, на мѣстѣ прежней факторіи. Это было очень благопріятное обстоятельство. Измѣренныя мѣста оставили незакрытыми для того, чтобы наблюдать, какъ будетъ уменьшаться основаніе острова. Уменьшеніе это хотя происходило и медленно, но каждый день оказывало небольшіе успѣхи. На основаніи этихъ измѣреній рѣшили, что едва ли островъ Викторіи можетъ продержаться три недѣли, тѣмъ болѣе, что онъ продолжалъ плыть къ югу, что, конечно, могло только ускорить его разрушеніе.

Въ продолженіе этой недѣли, съ 19-го по 25-е мая, погода сдѣлалась очень дурная. Разразилась довольно сильная буря. Молніи бороздили небо, и раздавались громовые раскаты. Море, взбаламученное сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, поднималось высокими волнами, крайне опасными для острова. Вся небольшая колонія находилась насторожѣ, будучи готова каждую минуту пересѣсть на плотъ, постройка котораго къ этому времени уже кончилась. Туда уже перенесли необходимое количество съѣстныхъ припасовъ и прѣсной воды. Во время бури шелъ проливной дождь, широкія и теплыя струи котораго глубоко внѣдрялись въ почву и повреждали основаніе острова. Эта дождевая вода заставила даже растаять ледъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На скатахъ многихъ холмовъ совершенно взрытая земля обнажала ледяную кору. Эти углубленія тотчасъ же поспѣшили засыпать землей и пескомъ, чтобы предохранить основаніе отъ вліянія температуры. Безъ этой предосторожности почва скоро превратилась бы въ рыхлый ледъ. Буря произвела большое опустошеніе и въ лѣсистыхъ холмахъ, окаймлявшихъ западный берегъ озера. Земля и песокъ были смыты проливнымъ дождемъ, а деревья, не имѣя болѣе поддержки для корней, падали въ огромномъ количествѣ. За одну ночь измѣнился видъ всей части острова между озеромъ и прежнимъ портомъ Барнеттъ. На всемъ островѣ оставалось только нѣсколько кучекъ березъ да елей, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ ярости бури. Показались признаки скораго разрушенія острова. Противостоять этому разрушенію умъ человѣческій въ данномъ случаѣ былъ безсиленъ. Лейтенантъ Гобсонъ, мистресъ Полина Барнеттъ, сержантъ Лонгъ и всѣ другіе видѣли, что ихъ островъ мало-по-малу разрушается. Одинъ только Томасъ Блэкъ, мрачный и молчаливый, ничего не видѣлъ, не чувствовалъ и ничѣмъ не интересовался, какъ будто не принадлежалъ болѣе къ этому міру.

Во время бури, 23-го мая, охотникъ Сабинъ, выйдя изъ дому утромъ при довольно густомъ туманѣ, едва не утонулъ въ широкомъ отверстіи, образовавшемся ночью. Это случилось на мѣстѣ, занимаемомъ прежде главнымъ домомъ факторіи.

Кстати о домѣ: до сихъ поръ, какъ намъ извѣстно, онъ только на три четверти провалился подъ ледъ, но морское волненіе, дѣйствуя снизу на эту широкую трещину, увеличило ее, и домъ, обремененный громадной тяжестью земли, песку и льда, окончательно провалился въ море. Земля и песокъ вслѣдъ за нимъ также исчезли въ этой ямѣ, на поверхности которой теперь плескались морскія волны.

Вотъ въ эту-то яму и попалъ Сабинъ. На его крикъ сбѣжались товарищи и вытащили его изъ трещины, за края которой онъ судорожно хватался. Бѣднякъ отдѣлался только неожиданнымъ купаньемъ.

Впослѣдствіи замѣчены были домовыя доски и бревна, которыя плавали у берега, какъ обломки корабля. Таковъ былъ вредъ, причиненный бурей острову Викторіи, непрочность котораго увеличивалась съ каждымъ днемъ.

Въ продолженіе дня 25 мая вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока; дождь пересталъ, и море понемногу успокоилось. Ночь прошла спокойно, а утромъ показалось солнце, чѣмъ Джэсперъ Гобсонъ и воспользовался, произведя свои вычисленія.

Въ полдень опредѣленіе высоты солнца показало: широту — 56° 13′ и долготу — 170° 23′. Стало-быть, быстрота острова достигла высшей степени, потому что онъ въ два мѣсяца сдѣлалъ болѣе восьмисотъ миль.

Эта быстрота подала Джэсперу Гобсону нѣкоторую надежду.

— Друзья мои, — сказалъ онъ, указывая товарищамъ на карту Берингова моря, — видите вы эти Алеутскіе острова? Теперь они только въ двухстахъ миляхъ отъ насъ. Можетъ-быть, черезъ недѣлю намъ удастся добраться до нихъ.

— Черезъ недѣлю! — воскликнулъ сержантъ Лонгъ, покачавъ головой. — Это очень долго.

— Я прибавлю, — сказалъ Гобсонъ, — что если бы нашъ островъ слѣдовалъ по сто-шестьдесятъ-восьмому меридіану, то онъ могъ бы достигнуть параллели этихъ острововъ. Но онъ, очевидно, стремится къ юго-западу, вслѣдствіе уклоненія Берингова теченія.

Это было вполнѣ справедливо. Теченіе относило островъ Викторіи въ сторону отъ всякой земли и, можетъ-быть, даже отъ Алеутскаго архипелага, простирающагося только до сто-семидесятаго меридіана.

Мистресъ Барнеттъ молча разсматривала карту. Она обратила вниманіе на точку, обозначенную карандашомъ, которая указывала настоящее положеніе острова. На картѣ довольно большого масштаба эта точка казалась незамѣтною среди громаднаго Берингова моря. Она увидѣла весь путь, пройденный ими отъ мѣста зимовки.

Путешественница нѣсколько времени стояла въ мрачной задумчивости, а потомъ сказала:

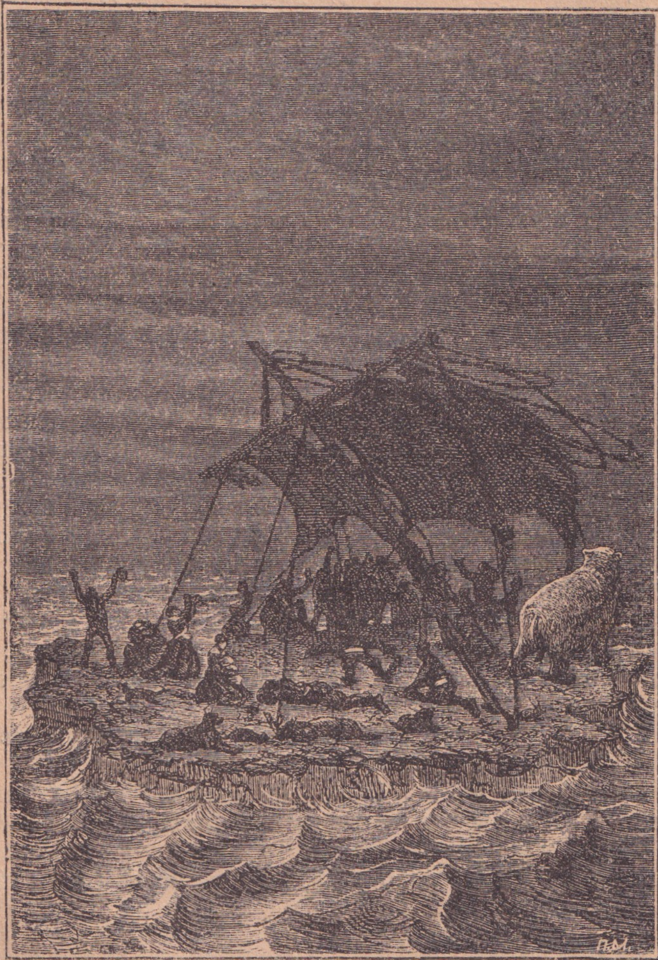
— Неужели нельзя движенію нашего острова дать желаемое направленіе? Еще какая-нибудь недѣля подобной быстроты — и мы могли бы пристать къ послѣднему изъ Алеутскихъ острововъ!

— Теперь все въ рукахъ Божіихъ, — отвѣчалъ серьезно Гобсонъ.— Захочетъ ли Онъ оказать намъ помощь? Наше спасеніе теперь зависитъ только отъ Него.

— Я тоже такъ думаю, мистеръ Гобсонъ, — отвѣчала мистресъ Барнеттъ. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ я думаю, что и мы сами не должны сидѣть сложа руки, разсчитывая на Его помощь. Нѣтъ ли еще какого-нибудь средства для спасенія?

Джэсперъ Гобсонъ покачалъ головою. Онъ зналъ, что теперь у нихъ только одно средство спасенія — плотъ. Но слѣдовало ли имъ сѣсть на него сейчасъ же и, устроивъ изъ простынь и одѣялъ паруса, стараться достигнуть ближайшаго берега?

Гобсонъ посовѣтовался съ сержантомъ Лонгомъ, плотникомъ Макъ-Нэпомъ, которому особенно довѣрялъ, съ кузнецомъ Райе и охотниками Сабиномъ и Марбромъ. По здравомъ обсужденіи этого вопроса, всѣ рѣшили, что островъ нужно оставить въ случаѣ крайней необходимости, и что плотъ долженъ служить самымъ послѣднимъ средствомъ къ спасенію. Перемѣститься же сейчасъ на плотъ было неудобно еще и по-

Всѣми овладѣло какое-то изступленіе. (Стр. 146.

тому, что вѣтеръ дулъ съ востока и скорѣе уносилъ бы ихъ въ открытое море, чѣмъ къ какому-нибудь берегу.

Слѣдовательно, пересаживаться на плотъ нужно было еще подождать, потому что островъ и безъ того быстро несся къ Алеутскимъ островамъ. Съ приближеніемъ къ этому архипелагу можно было сообразить, что дѣлать.

Это рѣшеніе было самое благоразумное. Черезъ недѣлю островъ,

если только не уменьшится скорость, достигнетъ южной границы Берингова моря. Но что же будетъ съ нимъ потомъ? Остановится ли онъ на южной границѣ моря у какого-нибудь острова, или будетъ увлеченъ на юго-западъ, въ безграничный Тихій океанъ, чтобы погибнуть тамъ? Это было извѣстно одному Богу.

Судьба, которая такъ упорно преслѣдовала нашихъ злосчастныхъ колонистовъ, готовила имъ новый ударъ. Быстрота движенія острова, на которую они такъ разсчитывали, скоро должна была принести имъ большой вредъ.

Въ ночь съ 26 на 27 мая, островъ Викторіи еще разъ измѣнилъ направленіе, что повлекло за собою весьма серьезныя послѣдствія. Онъ опять сдѣлалъ оборотъ. Ледяныя горы, оставшіяся отъ огромныхъ сплошныхъ льдовъ, вслѣдствіе этой перемѣны, были отнесены съ сѣвера къ югу.

Утромъ обитатели острова увидѣли восходъ солнца со стороны Эскимосскаго мыса, а не на горизонтѣ порта Барнеттъ.

Какія же могли произойти послѣдствія отъ этой перемѣны? Не готовились ли ледяныя горы отдѣлиться отъ острова?

Каждый предчувствовалъ новое несчастіе, и всѣ поняли, что хотѣлъ сказать солдатъ Келлетъ своимъ восклицаніемъ:

— Еще до вечера мы лишимся винта!

Келлетъ хотѣлъ сказать, что ледяныя горы, находящіяся теперь не позади, а спереди острова, не замедлятъ оторваться. Дѣйствительно, только отъ нихъ и зависѣла такая значительная скорость движенія острова, потому что на каждый футъ возвышенія ихъ надъ поверхностью моря, онѣ имѣли шесть или семь футовъ внизу. Будучи погружены гораздо глубже острова въ подводное теченіе, онѣ были болѣе подвержены вліянію этого теченія. Однимъ словомъ, ледяныя горы служили двигательною силой для острова, поэтому было очень невыгодно лишиться ихъ, а между тѣмъ, это легко могло теперь случиться: онѣ уже ничѣмъ не прикрѣплялись къ острову, и теченіе могло ихъ легко отдѣлить отъ него.

Солдатъ Келлетъ былъ правъ. Если бы это случилось, то островъ походилъ бы на судно, лишенное своего винта.

Никто не отвѣчалъ на это замѣчаніе Келлета: всѣ сознавали его справедливость. Не прошло и четверти часа, какъ вдругъ послышался страшный трескъ. Вершины ледяныхъ горъ поколебались, массы ихъ распались, и въ то время, какъ островъ остался назади, онѣ быстро понеслись къ югу.

ГЛАВА XXI.

Островъ превращается въ островокъ.

Черезъ три часа послѣднія глыбы сплошныхъ льдовъ исчезли на горизонтѣ. Такое быстрое исчезновеніе ихъ доказывало, что островъ былъ почти неподвиженъ. Стало-быть, вся сила теченія сосредоточивалась въ нижнихъ слояхъ моря, а не на его поверхности.

Въ полдень было сдѣлано самое точное вычисленіе, а черезъ сутки оказалось, что островъ не подвинулся впередъ даже и на милю!

Теперь осталась только одна надежда на спасенiе, это—встрѣча съ какимъ-нибудь китоловнымъ судномъ, которое, проходя въ этихъ мѣстахъ, заберетъ несчастныхъ колонистовъ съ острова или съ плота, смотря по тому, гдѣ они будутъ находиться.

Островъ теперь находился подъ 54° 33′ широты и 177° 19′ долготы, слѣдовательно, болѣе чѣмъ въ двухстахъ миляхъ отъ ближайшаго берега — Алеутскихъ острововъ.

Въ этотъ день лейтенантъ Гобсонъ собралъ товарищей и еще разъ спросилъ у нихъ, что имъ теперь дѣлать.

Всѣ были одного мнѣнiя: оставаться на островѣ, пока онъ не затонетъ, потому что, по своей величинѣ, онъ, все-таки, могъ лучше сопротивляться волнамъ, пежели плотъ. Потомъ, когда островъ будетъ окончательно разрушенъ, всѣмъ пересѣсть на плотъ и плыть.

Плыть! Но какимъ образомъ и куда?

Плотъ былъ уже давно оконченъ. Макъ-Нэпъ устроилъ на немъ обширную каюту, въ которой могли прiютиться всѣ обитатели форта. Мачты и паруса тоже были давно приготовлены. Плотъ былъ проченъ, и если бъ, на счастье, подулъ попутный вѣтеръ, и море не слишкомъ бы волновалось, то онъ, навѣрное, могъ бы спасти всѣхъ.

— Ничего нѣтъ невозможнаго для Того, — благоговѣйно сказала мистресъ Барнеттъ, — Кто распоряжается вѣтрами и волнами.

Джэсперъ Гобсонъ приказалъ освидѣтельствовать съѣстные припасы. Запасъ ихъ былъ не очень обиленъ, потому что вредъ, нанесенный лавиною, отразился и на нихъ. Но на островѣ не было недостатка ни въ жвачныхъ ни въ грызунахъ, а потому было очень легко пополнить запасы — стоило только убить нѣкоторыхъ изъ нихъ. Охотники такъ и сдѣлали, убивъ нѣсколько оленей и зайцевъ.

Здоровье островитянъ было очень хорошее. Они мало терпѣли въ эту умѣренную зиму, а моральныя страданiя еще не обезсилили ихъ физически. Ихъ страшила не та минута, когда нужно будетъ оставить островъ, или, вѣрнѣе, когда островъ оставитъ ихъ, — они боялись плаванiя по поверхности этого громаднаго моря почти на простыхъ доскахъ, подверженныхъ всѣмъ прихотямъ волнъ. Даже при умѣренномъ вѣтрѣ волны могутъ заливать плотъ и ставить ихъ въ очень опасное положенiе. Нужно замѣтить, что они не были моряками, освоившимися съ моремъ и не боящимися ввѣриться нѣсколькимъ доскамъ; это были солдаты, привыкшiе къ твердой землѣ. Островъ ихъ былъ хрупокъ и держался на тонкой льдинѣ, но на этой льдинѣ, все-таки, была земля, на которой зеленѣли травы, кусты и деревья и обитали животныя; притомъ волненiе на немъ нисколько не отражалось.

Они любили этотъ островъ, на которомъ жили уже около двухъ лѣтъ, по которому они такъ часто ходили по всѣмъ направленiямъ, и который до сихъ поръ сопротивлялся столькимъ переворотамъ! Они какъ бы сроднились съ нимъ и покинутъ его не безъ сожалѣнiя.

Лейтенантъ Гобсонъ зналъ это настроенiе своихъ товарищей и находилъ его вполнѣ естественнымъ. Онъ зналъ, какъ они неохотно пересядутъ на плотъ. Но гибель острова была неизбѣжна, а потому слѣдовало покориться обстоятельствамъ.

Теперь опишемъ самый плотъ. Онъ былъ въ длину и въ ширину по тридцати футовъ, слѣдовательно, площадь его составляла девятьсотъ

квадратныхъ футовъ. Настилка его возвышалась на два фута надъ водою, а широкій бортъ защищалъ отъ небольшого волненія; большое же, понятно, могло свободно перекидываться черезъ эту слабую преграду. Посрединѣ плота Макъ-Нэпъ устроилъ настоящую рубку, въ которой могло помѣститься двадцать человѣкъ. Вокругъ рубки были уставлены большіе ящики для провизіи и запасы воды, прикрѣпленные къ настилкѣ посредствомъ желѣзныхъ болтовъ. Мачта, вышиною въ тридцать футовъ, опиралась на рубку и поддерживалась винтами, привязанными къ четыремъ угламъ плота. Къ мачтѣ можно было прикрѣплять четыреугольный парусъ, который, конечно, могъ употребляться только при попутномъ вѣтрѣ. Всѣ другія направленія были невозможны для плота, хотя къ нему и придѣлали нѣчто въ родѣ руля.

Таково было судно, которому предполагалось ввѣрить жизнь двадцати человѣкъ, не считая ребенка Макъ-Нэпа. Оно спокойно стояло на водахъ озера, привязанное къ острову прочнымъ канатомъ. Конечно, этотъ плотъ былъ построенъ тщательнѣе тѣхъ, которые строятся въ морѣ послѣ кораблекрушеній. Онъ былъ прочнѣе, лучше приложенъ, но, все-таки, онъ былъ плотъ.

1 іюня случилось слѣдующее происшествіе, взволновавшее колонистовъ. Солдатъ Гопе принесъ воды мистресъ Джолиффъ для кухонныхъ потребностей, но вода оказалась соленой. Мистресъ Джолиффъ позвала Гопе и замѣтила ему, что онъ ей, вмѣсто прѣсной воды, принесъ соленой.

Гопе отвѣчалъ, что черпалъ ее изъ озера. Произошелъ споръ, услышанный лейтенантомъ Гобсономъ. Онъ поинтересовался узнать причину спора и подошелъ къ спорщикамъ. Услыхавъ оправданіе Гопе, Гобсонъ поблѣднѣлъ и поспѣшно отправился къ озеру.

Вода въ немъ, дѣйствительно, была соленая. Очевидно треснуло дно, и морская вода, поглотивъ озерную, пробралась въ озеро.

Это тотчасъ же узнали всѣ и сильно встревожились.

— Нѣтъ болѣе прѣсной воды! — воскликнули бѣдняки.

Дѣйствительно прѣсная вода исчезла вмѣстѣ съ озеромъ.

Но Гобсонъ поспѣшилъ успокоить своихъ товарищей относительно воды.

— Друзья мои, у насъ не будетъ недостатка въ водѣ. Для этого стоитъ только растопить нѣсколько кусковъ нашего острова. Мы не выпьемъ всего, — проговорилъ онъ, усиливаясь улыбнуться.

Извѣстно, что соленая вода при испареніи или замерзаніи утрачиваетъ соль, находящуюся въ ней въ растворенномъ видѣ. Поэтому, отколовъ нѣсколько кусковъ льду, растопили ихъ не только для ежедневнаго употребленія, но и для пополненія запасовъ на плоту.

Но не слѣдовало пренебрегать этимъ новымъ предостереженіемъ природы. Островъ разрушался, очевидно, и снизу; это ясно доказывалось вторженіемъ моря въ озеро. Каждую минуту онъ могъ затонуть, и Джэсперъ Гобсонъ не позволялъ болѣе своимъ людямъ удаляться, потому что они легко могли быть унесены въ море.

Казалось, что и животныя предчувствовали опасность. Они все время толпились вокругъ бывшей факторіи. Со времени исчезновенія прѣсной воды, всѣ животныя, томимыя жаждой, приходили лизать вынутыя изъ

земли ледяныя глыбы. Они были тоже сильно встревожены угрожающей имъ опасностью. Пушные звѣри собирались около круглой ямы, замѣнявшей провалившійся домъ. Тутъ были цѣлыя сотни различныхъ породъ. Одинъ бѣлый медвѣдь, однако, бродилъ по окрестностямъ. Онъ, повидимому, былъ очень встревоженъ и какъ бы просилъ защиты отъ опасности, которую предчувствовалъ, но не могъ самъ предотвратить.

Птицы, замѣчавшіяся прежде въ большомъ количествѣ, мало-по-малу улетали. Въ послѣдніе дни многочисленныя стаи крупныхъ пернатыхъ, которымъ сила крыльевъ позволяла перелетать огромныя пространства, какъ напримѣръ, лебеди, направлялись къ югу, къ Алеутскимъ островамъ. Отлетъ ихъ былъ замѣченъ мистресъ Полиною Барнеттъ и Мэджъ, которыя въ это время прогуливались по берегу. Это показалось имъ печальнымъ предвѣстіемъ.

— Эти птицы находятъ себѣ обильную пищу на островѣ, — сказала путешественница, — а между тѣмъ, улетаютъ. Это не безъ причины, Мэджъ.

— Да, — отвѣчала послѣдняя. — И если онѣ своимъ полетомъ предостерегаютъ насъ, то мы должны воспользоваться ихъ предостереженіемъ. Я нахожу, что и другія животныя кажутся встревоженными болѣе обыкновеннаго.

Въ этотъ день Джэсперъ Гобсонъ намѣревался перенести на плотъ бо̀льшую часть съѣстныхъ припасовъ и всѣ пожитки. Рѣшено было перебираться на него и людямъ.

Но, какъ нарочно, волны были такъ велики на ихъ маленькомъ „средиземномъ“ морѣ, образовавшемся изъ озера, и плотъ качало такъ сильно, что нельзя было и думать о пересадкѣ на него. Напротивъ, принуждены были даже снять съ него вещи и припасы. Понятно, что при такихъ условіяхъ Гобсонъ не настаивалъ на пересадкѣ.

Ночь, однако, прошла спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Вѣтеръ понемногу утихъ, и волненіе улеглось. Это былъ какой-то шквалъ, пролетѣвшій съ изумительною быстротой. Къ восьми часамъ вечера волны окончательно улеглись, и на озерѣ слышны были только легкіе всплески воды.

Островъ, конечно, осужденъ былъ пойти ко дну (противъ этого никто и не спорилъ); но всѣ предпочитали, чтобы онъ погружался понемногу, а не сразу разбился бы отъ бури, что легко могло съ нимъ случиться при сильномъ морскомъ волненіи.

Вскорѣ послѣ бури появился легкій туманъ, который могъ сгуститься ночью. Онъ спустился съ сѣвера и покрылъ бо̀льшую часть острова.

Прежде чѣмъ ложиться спать, Джэсперъ Гобсонъ лично осмотрѣлъ канаты плота, которыми онъ былъ привязанъ къ толстымъ березовымъ пнямъ. Для бо̀льшей прочности ихъ обвили лишній разъ вокругъ деревьевъ. Впрочемъ, все, что могло случиться, это — если бы плотъ оторвался, и его унесло бы въ озеро; но озеро было не настолько велико, чтобы онъ могъ въ немъ затеряться.

ГЛАВА XXII.

Слѣдующіе четыре дня.

Ночь, то-есть около часу сумерекъ между вечернею и утреннею зарями, прошла спокойно. Проснувшись, лейтенантъ Гобсонъ окончательно рѣшился пересадить въ этотъ день всю колонію на плотъ. Съ этой мыслью онъ отправился къ озеру.

Хотя туманъ еще и не разсѣялся, но сквозь него уже пробивались солнечные лучи. Небо очистилось минувшею бурей, и день обѣщалъ быть хорошимъ.

Когда Джэсперъ Гобсонъ приблизился къ берегу озера, то онъ не могъ сразу осмотрѣть его поверхность, которую еще окутывалъ туманъ.

Въ это время къ нему присоединились мистресъ Полина Барнеттъ, Мэджъ и нѣкоторые другіе.

Наконецъ, туманъ началъ подниматься; поверхность озера мало-помалу открывалась, но плотъ еще не показывался.

Вскорѣ порывъ вѣтра окончательно разсѣялъ остатки тумана.

Всѣ тревожно взглянули — ни плота ни озера! Предъ глазами зрителей разстилалось одно необозримое море.

При видѣ этого зрѣлища у всѣхъ вырвался единодушный крикъ отчаянія... Ихъ островъ превратился въ островокъ, а плотъ — ихъ послѣдняя надежда на спасеніе — исчезъ!

Неизбѣжное совершилось! Ночью шесть седьмыхъ прежней мѣстности мыса Батурстъ, размытыя и разбитыя волнами, исчезли въ океанѣ; плотъ, которому открылся выходъ, уплылъ въ море; а тѣ, которые возлагали на него послѣднюю надежду, не могли даже и замѣтить его теперь въ безграничномъ, пустынномъ океанѣ!

Несчастные, находясь надъ бездною, готовою ежеминутно ихъ поглотить, и не имѣя никакихъ средствъ къ спасенію, впали, наконецъ, въ полное отчаяніе. Нѣкоторые изъ нихъ положительно обезумѣли и пытались даже броситься въ море. Мистресъ Полинѣ Барнеттъ съ трудомъ удалось отговорить ихъ отъ этого намѣренія.

Можно себѣ представить положеніе Гобсона среди этихъ обезумѣвшихъ отъ горя людей? Что ему теперь предпринять? Построить новый плотъ? Но изъ чего? Вмѣстѣ съ большей частью острова, теперь затонувшею, исчезли и лѣсные холмы. Вмѣсто лѣса, осталось лишь нѣсколько досокъ отъ жилища, но ихъ было недостаточно для постройки такого плота, который могъ бы поднять всю колонію. Жизнь ихъ теперь ограничивалась продолжительностью существованія ледяного островка, то-есть не болѣе какъ нѣсколькими днями, потому что наступилъ уже іюнь мѣсяцъ, и средняя температура превышала 20° выше нуля.

Въ этотъ несчастный день Гобсонъ счелъ своею обязанностью еще разъ осмотрѣть свой злополучный островъ, теперь, впрочемъ, только островокъ. Можетъ-быть, благоразумнѣе было перебраться на другую его часть, толщина которой была больше. Мистресъ Барнеттъ и Мэджъ сопутствовали ему въ этихъ развѣдкахъ.

— Ты все еще надѣешься? — спросила мистресъ Барнеттъ у своей вѣрной подруги.

— Я всегда надѣюсь, — отвѣчала Мэджъ.

Путешественница не сказала болѣе ни слова. Она вслѣдъ за Джэсперомъ Гобсономъ быстро пошла по берегу, который уцѣлѣлъ отъ катастрофы! Проломъ случился у Эскимосскаго мыса по кривой линіи, которая оканчивалась у крайней части озера, лежавшей во внутрь острова. Съ этой точки новый берегъ острова ограничивался прежнимъ берегомъ озера и омывался теперь морскими волнами. Къ верхней части озера другой проломъ продолжался до берега, лежащаго между мысомъ Батурстъ и бывшимъ портомъ Барнеттъ. Островокъ представлялъ продолговатую полосу не болѣе мили длиною.

Изъ ста-сорока квадратныхъ миль, образовывавшихъ прежде поверхность острова, не оставалось и двадцати!

Лейтенантъ Гобсонъ внимательно осмотрѣлъ новыя очертанія островка и убѣдился, что самая толстая его часть, все-таки, была на мѣстѣ прежней факторіи. Поэтому ему показалось необходимымъ не оставлять настоящей стоянки, возлѣ которой инстинктивно тѣснились и животныя.

Впрочемъ, было замѣчено, что значительное число этихъ жвачныхъ животныхъ и грызуновъ, а также бóльшая часть блуждавшихъ собакъ, исчезли вмѣстѣ съ исчезнувшими частями острова. Но ихъ оставалось еще порядочное количество, особенно грызуновъ. Испуганный медвѣдь бродилъ постоянно вокругъ островка, точно дикій звѣрь, запертый въ клѣткѣ.

Было около пяти часовъ вечера, когда лейтенантъ Гобсонъ и обѣ его спутницы возвратились домой. Собравшись вмѣстѣ, мужчины и женщины были молчаливы, не желая ничего ни видѣть ни слышать. Мистресъ Джолифф молча занималась приготовленіемъ пищи. Охотникъ Сабинъ, который унывалъ менѣе прочихъ, ходилъ взадъ и впередъ по острову, отыскивая свѣжую дичь. Что касается астронома, то онъ сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ на море блуждающимъ, почти равнодушнымъ взглядомъ. Казалось, ничто уже не могло удивлять его.

Джэсперъ Гобсонъ сообщилъ товарищамъ о результатѣ своихъ наблюденій. Онъ объявилъ имъ, что ихъ настоящее мѣсто представляло наибольшую безопасность, сравнительно со всякой другой частью берега, и совѣтовалъ не удаляться отсюда, потому что слѣды близкаго разрушенія уже обнаружились на полдорогѣ между лагеремъ и Эскимосскимъ мысомъ. Поэтому можно было съ полною увѣренностью ожидать, что поверхность острова не замедлитъ значительно уменьшиться. Устранить этого не было никакой возможности.

День былъ жаркій. Выкопанныя для прѣсной воды льдины таяли сами собой, безъ помощи огня. На взрытыхъ частяхъ берега ледяная кора распадалась тоненькими полосками, падавшими въ море. Очевидно, средній уровень островка еще понизился, потому что теплыя воды постоянно подмывали его основаніе.

Колонисты не спали всю слѣдующую ночь. Да и кто могъ бы заснуть при мысли, что каждую минуту можетъ образоваться пропасть и поглотить ихъ всѣхъ?

На другой день, 4 іюня, солнце взошло на совершенно безоблачномъ небѣ. Ночью не произошло никакой перемѣны. Островъ сохранялъ прежнее положеніе.

На слѣдующій день одна великолѣпная лисица забилась въ испугѣ въ домъ и не хотѣла выйти оттуда. Куницы, горностаи, полярные зайцы, мускусные бобрики и бобры кишмя кишѣли возлѣ бывшей факторіи, подобно стаду домашнихъ животныхъ. Теперь полярной фаунѣ недоставало только волковъ. Эти хищники, разсѣянные на противоположной части острова въ моментъ разрыва, очевидно, уплыли вмѣстѣ съ нею. Точно по предчувствію, медвѣдь не удалялся отъ мыса Батурстъ, а другіе звѣри какъ бы не замѣчали его присутствія. Даже люди, освоившіеся съ громаднымъ звѣремъ, предоставляли ему бродить вездѣ, не обращая на него вниманія. Общая опасность, угрожавшая всему живому, подвела подъ одинъ уровень инстинкты и разсудки.

За нѣсколько минутъ до полудня несчастные островитяне ощутили сильное волненіе, которое должно было окончиться горькимъ разочарованіемъ.

Охотникъ Сабинъ, взойдя на высшую точку островка и наблюдая море, вдругъ воскликнулъ:

— Корабль! корабль!

Всѣ, какъ наэлектризованные, бросились къ Сабину. Лейтенантъ Гобсонъ вопросительно взглянулъ на него.

Сабинъ молча указалъ на востокъ, гдѣ виднѣлось бѣлое облако на горизонтѣ. Всѣ взглянули туда, не смѣя произнести ни слова; каждому казалось, что и онъ видитъ корабль, силуэтъ котораго все яснѣе и яснѣе обрисовывался на горизонтѣ.

Очевидно, это было китоловное судно. Ошибиться было невозможно. Черезъ часъ оно сдѣлалось видно вполнѣ ясно.

Къ несчастью, судно явилось на востокѣ, т. е. на противоположной сторонѣ пункта, откуда плотъ былъ унесенъ въ море. Китоловы, зашедшіе сюда, очевидно, совершенно случайно, не встрѣтились съ плотомъ, а потому трудно было ожидать, чтобы они занялись поисками потерпѣвшихъ крушеніе, о которыхъ, вѣроятно, и не догадывались.

Замѣтятъ ли съ корабля и теперь островокъ, едва возвышавшійся надъ поверхностью моря? Приблизится ли къ нему это судно? Будутъ ли видны на суднѣ сигналы? Среди бѣлаго дня, при яркомъ солнцѣ, на сигналы было разсчитывать трудно. Ночью, зажегши нѣсколько досокъ, можно было поддерживать огонь, видимый на большое разстояніе. Но вѣдь корабль, навѣрное, уйдетъ до наступленія ночи, продолжавшейся въ настоящее время не болѣе часа. На всякій случай сигналы были поданы: сдѣлано было нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

Корабль началъ приближаться! Теперь уже можно было различить на немъ три высокія мачты. Должно-быть, это былъ китоловъ изъ Ново-Архангельска, который, обогнувъ полуостровъ Аляску, направлялся къ Берингову проливу. Онъ былъ на вѣтрѣ у островка и, поставивъ нижніе паруса, марсели и брамсели, подымался къ сѣверу. По одному его направленію морякъ узналъ бы, что корабль не подойдетъ къ островку. Но, можетъ-быть, онъ, все-таки, замѣтитъ его?

— Только бы онъ замѣтилъ, — прошепталъ лейтенантъ Гобсонъ сержанту Лонгу, — только бы замѣтилъ... Но, нѣтъ, онъ удаляется!

Джэсперъ Гобсонъ былъ правъ. Корабли ничего такъ не боятся въ этихъ мѣстностяхъ, какъ приближенія ледяныхъ горъ и островов. Они боятся разбиться объ эти блуждающія скалы, особенно ночью. Поэтому

какъ только замѣтятъ ихъ, то сейчасъ же стараются перемѣнить направленіе. Не поступитъ ли точно такъ же и этотъ корабль, когда увидитъ ихъ островокъ? Это было вполнѣ возможно.

Трудно описать переходы отъ надежды къ отчаянію и отъ отчаянія къ надеждѣ, волновавшіе колонистовъ. До двухъ часовъ ночи они могли

Обитатели форта Надежды вступили на берегъ. (Стр. 143.)

еще надѣяться, что Провидѣніе, наконецъ, сжалилось надъ ними и посылаетъ имъ спасеніе при помощи этого корабля, который продолжалъ все еще приближаться по косвенной линіи. Вскорѣ онъ былъ не далѣе шести миль отъ островка. Увеличили сигналы, почти безъ перерыва стрѣляли изъ ружей, устроили даже дымъ, сжегши нѣсколько досокъ изъ своего жилища.

Но все было напрасно: корабль или ничего не видѣлъ, или спѣшилъ уйти отъ островка, едва его замѣтивъ.

Въ два съ половиною часа онъ, слегка придерживаясь вѣтра, началъ удаляться къ сѣверо-востоку.

Черезъ часъ онъ казался уже бѣловатымъ облачкомъ, и скоро исчезъ совершенно изъ вида.

Послѣдняя надежда исчезла!

Мистресъ Полина Барнеттъ посмотрѣла въ лицо Мэджъ, какъ бы спрашивая, можно ли и теперь еще надѣяться?

Мэджъ молча отвернулась.

Вечеромъ этого рокового дня послышался трескъ: оторвалась большая часть островка и ушла въ море. Раздались страшные крики животныхъ. Вскорѣ все стихло. Островокъ ограничивался теперь только мѣстностью отъ затонувшаго дома до разрушеннаго мыса Батурстъ.

Теперь онъ сдѣлался только простою льдиной.

ГЛАВА XXIII.

На льдинѣ.

Островъ превратился въ неправильную треугольную льдину, футовъ сто въ ширину и не болѣе полутораста въ длину. И на этой льдинѣ тѣснилось двадцать-одинъ человѣкъ, сотня пушныхъ звѣрей, нѣсколько собакъ и громадный медвѣдь, въ этотъ моментъ сидѣвшій на корточкахъ на самомъ краю льдины.

Пока всѣ еще были живы, но ежеминутно должны были ожидать смерти. Разрывъ льдины произошелъ въ то время, когда всѣ были вмѣстѣ, и бездна не поглотила пока еще ни одного изъ нихъ. Судьба хранила ихъ, очевидно, для того, чтобы дать имъ возможность погибнуть всѣмъ вмѣстѣ.

Положеніе было безысходное. Никто не говорилъ ни слова и не двигался. Можетъ-быть, малѣйшаго движенія, самаго легкаго толчка было достаточно для окончательнаго разрушенія льдины.

Никто не хотѣлъ даже прикасаться къ кускамъ сушенаго мяса, розданнымъ мистресъ Джолиффъ. Къ чему? Вѣдь все равно скоро умирать!

Большая часть несчастныхъ провела ночь на воздухѣ: они предпочитали утонуть подъ открытымъ небомъ, нежели въ сараѣ, сколоченномъ изъ досокъ.

На другой день, 5 іюня, блестящее солнце снова показалось на безоблачномъ небѣ. Всѣ едва говорили и старались избѣгать другъ друга. Нѣкоторые безпокойнымъ взоромъ оглядывали горизонтъ, центромъ котораго была эта жалкая льдина.

Море было совершенно пустынно: ни паруса, ни ледяной горы, ни ледяного острова. Безъ сомнѣнія, эта льдина была послѣднею, плававшею на Беринговомъ морѣ...

Температура продолжала повышаться. Вѣтеръ утихъ совершенно, и страшное спокойствіе царило въ воздухѣ. Длинныя волны тихо колыхали глыбу земли и льда, оставшуюся отъ острова Викторіи. Она подымалась и опускалась, не измѣняя направленія, какъ обломокъ... Да, она теперь и въ самомъ дѣлѣ была только обломкомъ!

Но обломки, остатокъ остова корабля, кусокъ мачты, доски, стеньга — все это могло плавать долгое время, тогда какъ льдину можетъ скоро растопить лучъ солнца.

Эта льдина, судя по продолжительности ея существованія, составляла самую толстую часть прежняго острова. Слой земли и зелени покрывалъ ее, и можно было предполагать, что ледяная масса имѣла еще значительную толщину. Продолжительные холода Полярнаго моря должны были *питать* ее, когда долгое время, быть-можетъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, мысъ Батурстъ составлялъ еще самую отдаленную оконечность американскаго материка.

Въ описываемый нами моментъ, льдина еще возвышалась отъ пяти до шести футовъ надъ поверхностью моря; можно было допустить, что и основаніе ея имѣло точно такую же толщину. Итакъ, если на этихъ спокойныхъ водахъ она и не рисковала скоро разбиться, то должна была, все-таки, мало-по-малу растаять и превратиться въ воду. Это было замѣтно на берегахъ, постепенно уменьшавшихся отъ напора теплыхъ морскихъ волнъ, при чемъ слой земли съ его зеленою растительностью погружался въ море.

Подобный обрывъ произошелъ въ описываемый день, около часу пополуночи, на мѣстѣ жилища, которое находилось на окраинѣ льдины. Къ счастью, въ сараѣ въ это время никого не было, но отъ самаго сарая удалось спасти лишь нѣсколько досокъ и два или три стропила отъ крыши. Погибла бо́льшая часть утвари и всѣ астрономическіе инструменты. Колонисты должны были перебраться на самое высокое мѣсто льдины, гдѣ уже ничто не защищало ихъ отъ непогоды.

Нашлось еще нѣсколько орудій, лампъ и воздушный резервуаръ, которымъ воспользовался Джэсперъ Гобсонъ, собравъ въ него нѣсколько ведеръ дождевой воды. Нельзя уже было брать льду, который доставлялъ до сихъ поръ прѣсную воду, напротивъ, нужно было тщательно сберегать каждый его кусокъ.

Около четырехъ часовъ дня солдатъ Келлетъ, обнаруживавшій уже нѣкоторые признаки помѣшательства, подошелъ къ мистресъ Полинѣ Барнеттъ и спокойно сказалъ ей:

— Миледи, я хочу утопиться.

— Келлетъ! — воскликнула путешественница.

— Я говорю, что хочу утопиться, — продолжалъ солдатъ. — Я хорошо все обдумалъ. Нѣтъ средствъ отъ этого отдѣлаться, и я предпочитаю покончить съ собою теперь.

— Келлетъ, — сказала мистресъ Барнеттъ, взявъ за руку солдата, глаза котораго лихорадочно блестѣли, — вы не сдѣлаете этого!

— Почему же, миледи?.. А такъ какъ вы всегда были добры для насъ, то я и не хотѣлъ умереть, не попрощавшись съ вами. Прощайте!

Сказавъ это, Келлетъ направился къ морю. Испуганная женщина ухватилась за него. На ея крикъ прибѣжали лейтенантъ Гобсонъ и сержантъ. Они присоединились къ ней и стали отговаривать Келлета отъ исполненія его намѣренія. Но несчастный вбилъ себѣ эту мысль въ голову и только отрицательно качалъ головой.

Трудно было заставить его отказаться отъ этого. А между тѣмъ, это было необходимо сдѣлать, потому что примѣръ безумца, кидающагося въ море, легко могъ найти послѣдователей среди его измученныхъ то-

варищей. Необходимо было во что бы то ни стало остановить этого несчастнаго.

— Келлетъ, — сказала путешественница кротко, почти съ улыбкою, — вѣдь вы искренно были ко мнѣ привязаны?

— Да, миледи, — спокойно отвѣчалъ Келлетъ.

— Хорошо, Келлетъ; если вы хотите, мы умремъ вмѣстѣ, только не сегодня.

— Но, миледи...

— Да, мой добрый Келлетъ. Сегодня я еще не готова, подождемъ до завтра. Согласны?

Солдатъ пристальнѣе чѣмъ когда-либо посмотрѣлъ на эту отважную женщину. Казалось, онъ съ минуту колебался, потомъ бросилъ взоръ какой-то зависти на это блестящее море и, проведя рукой по глазамъ, сказалъ:

— Хорошо!

Послѣ этого, онъ тихими шагами направился на свое мѣсто и присоединился къ товарищамъ.

— Несчастный! — прошептала мистресъ Полина Барнеттъ. — Я просила его подождать до завтра, а кто знаетъ, доживемъ ли мы еще до тѣхъ поръ.

Однако, Джэсперъ Гобсонъ, еще не потерявшій окончательно надежды, спрашивалъ себя: нѣтъ ли какого-нибудь средства остановить разрушеніе острова? Но такого средства пока не находилось.

Мистресъ Барнеттъ и Мэджъ ни на минуту не разставались другъ съ другомъ. Калюмахъ, какъ собака, лежала возлѣ своей госпожи. Мистресъ Макъ-Нэпъ, закутавшись въ мѣха, оставшіеся отъ богатаго запаса форта Надежды, дремала, держа ребенка у груди.

Другіе улеглись въ разныхъ мѣстахъ и не двигались, точно трупы, выброшенные на берегъ послѣ кораблекрушенія. Ни малѣйшій шумъ не тревожилъ этого страшнаго спокойствія. Только и слышно было, какъ волны мало-по-малу подтачивали льдину и понемногу отламывали ея части.

Сержантъ Лонгъ иногда подымался, осматривался вокругъ и снова ложился на свое мѣсто. Медвѣдь, лежа на оконечности льдины, представлялъ какъ бы неподвижную бѣлую кучу.

Сумерки продолжались ровно часъ. Положеніе несчастныхъ не измѣнилось. Нижній утренній туманъ принималъ бѣловатый оттѣнокъ къ востоку. Нѣсколько облаковъ поднялось къ зениту, и скоро солнечные лучи цѣлыми снопами разсыпались по водному пространству.

Первою заботой Гобсона было изслѣдовать льдину. Поверхность ея осталась почти та же, но высота надъ уровнемъ моря значительно уменьшилась. Самаго слабаго морского волненія было достаточно, чтобы покрыть ее водою.

Сержантъ Лонгъ тоже замѣтилъ эти перемѣны. Разрушеніе льдины было такъ очевидно, что не оставалось никакой надежды на спасеніе.

Мистресъ Полина Барнеттъ подошла къ Гобсону.

— Стало-быть, сегодня? — спросила она.

— Кажется, миледи, — отвѣчалъ лейтенантъ. — А вы сдержите обѣщаніе, данное Келлету?

— Мистеръ Гобсонъ, — сказала серьезно путешественница, — все ли мы сдѣлали, что было въ нашихъ силахъ?

— Все, миледи!

— Если такъ, то да свершится воля Божія!

Однако, въ этотъ день сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку. Дулъ довольно свѣжій вѣтерокъ съ моря по направленію къ юго-востоку, гдѣ находились ближайшіе Алеутскіе острова. Но опредѣлить разстояніе за потерею инструментовъ было невозможно. Дѣйствительно, безъ инструментовъ нельзя было узнать положеніе острова, а не зная этого положенія, невозможно было вычислить разстоянія, опредѣляющаго льдину отъ Алеутскихъ островозъ. Уклониться немного она не могла, если ее не увлекло какое-нибудь теченіе, потому что вѣтеръ не могъ на нее дѣйствовать.

А что, если какимъ-нибудь чудомъ льдина находилась отъ земли ближе, чѣмъ предполагали, и теченіе, направленіе котораго невозможно было опредѣлить, приблизило ее къ столь желаннымъ Алеутскимъ островамъ? Тогда вѣтеръ, дувшій къ этимъ островамъ, могъ быстро подогнать льдину, если дать ему какую-нибудь опору. Можетъ-быть, черезъ нѣсколько часовъ могъ показаться берегъ, а если не берегъ, то какой-нибудь каботажный или рыбачій корабль, которые не ходятъ далеко въ открытое море.

Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, не поставить на льдинѣ парусъ, какъ на обыкновенномъ поромѣ? Дѣйствительно, это было вполнѣ возможно. Джэсперъ Гобсонъ сообщилъ свою мысль плотнику.

— Вы правы, лейтенантъ, — отвѣчалъ Макъ-Нэпъ. — Поставимъ парусъ.

Эта попытка, хотя и очень мало имѣла шансовъ на успѣхъ, однако, нѣсколько оживила несчастныхъ. Да и могло ли быть иначе? Развѣ они не должны были хвататься даже за соломинку, лишь бы она походила на надежду?

Всѣ принялись за дѣло, даже Келлетъ, который не успѣлъ еще напомнить мистресъ Полинѣ Барнеттъ объ ея обѣщаніи.

Бревно, составлявшее прежде верхъ солдатскаго жилища, было крѣпко врыто въ землю и песокъ, образовывавшіе холмъ, и укрѣплено веревками наподобіе вантъ и штаговъ. Изъ длиннаго шеста сдѣлали рею, приладили къ ней одѣяло и простыни и подняли на мачту. Парусъ или, вѣрнѣе, подобіе паруса, надулся отъ вѣтра, и вскорѣ по струѣ, появившейся сзади льдины, можно было понять, что льдина уносилась быстрѣе къ юго-востоку.

Это былъ уже успѣхъ. Измученные прежними испытаніями, бѣдняки нѣсколько оживились. Это была уже не неподвижность, а движеніе впередъ, и всѣ приходили въ восторгъ отъ этого движенія, несмотря на его незначительность. Въ особенности плотникъ былъ весьма доволенъ этимъ результатомъ. Всѣ, подобно часовымъ, впились глазами въ горизонтъ, и если бы кто сказалъ, что земля не должна появиться, ему бы не повѣрили.

Въ продолженіе трехъ часовъ льдина шла по довольно спокойнымъ водамъ. Но земля еще не показывалась, и горизонтъ попрежнему замыкался водяною линіей. Но бѣдняки не теряли надежды.

Около трехъ часовъ пополудни, лейтенантъ Гобсонъ отозвалъ сержанта Лонга въ сторону и сказалъ:

— Мы идемъ впередъ въ ущербъ прочности и продолжительности существованія нашей льдины.

— Что вы хотите этимъ сказать, господинъ лейтенантъ?

— Я хочу сказать, что льдина быстро уничтожается отъ тренія о воду. Съ тѣхъ поръ, какъ мы поставили парусъ, я думаю, что она уменьшилась на цѣлую треть.

— Вы увѣрены...

— Положительно увѣренъ, Лонгъ. Льдина удлиняется отъ таянія боковъ. Смотрите, море по бокамъ не далѣе десяти шаговъ отъ холма.

Гобсонъ говорилъ правду: льдина, дѣйствительно, быстро таяла.

— Сержантъ, — сказалъ Джэсперъ Гобсонъ, — не прекратить ли намъ ходъ?

— Я думаю, — отвѣчалъ послѣ минувшаго молчанія Лонгъ, — что мы обязаны посовѣтоваться съ нашими товарищами. Теперь отвѣтственность въ каждомъ рѣшеніи должна падать на всѣхъ.

Лейтенантъ согласился. Оба взошли на холмъ, и Джэсперъ Гобсонъ сообщилъ свое мнѣніе товарищамъ.

— Скорость нашего движенія быстро разрушаетъ льдину, на которой мы плывемъ, — сказалъ онъ. — Эта скорость, можетъ-быть, на нѣсколько часовъ ускоритъ нашу неизбѣжную гибель. Рѣшайте, друзья: хотите ли такимъ образомъ продолжать путь впередъ?

— Хотимъ! — дружно воскликнули несчастные. — Лучше умереть на ходу, нежели стоя на мѣстѣ.

Вслѣдствіе этого единодушнаго рѣшенія, плаваніе подъ парусами стало продолжаться. Въ шесть часовъ вечера Мэджъ вдругъ поднялась и, указывая на юго-востокъ, воскликнула:

— Земля! земля!

Всѣ быстро вскочили и посмотрѣли по указанному направленію. Дѣйствительно, миляхъ въ двѣнадцати на юго-востокъ показалась земля.

— Парусовъ! Какъ можно больше парусовъ! — закричалъ Гобсонъ.

Площадь парусности была увеличена. На ванты прикрѣпили разной одежды, мѣховъ, — однимъ словомъ, всего, что могло послужить опорою вѣтру.

Быстрота увеличилась тѣмъ болѣе, что вѣтеръ посвѣжѣлъ. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ быстроты увеличилось и таяніе льдины. Чувствовалось, какъ она дрожала подъ напоромъ волнъ.

Но объ этомъ никто не хотѣлъ уже и думать. Всѣ стремились впередъ. Спасеніе было тамъ, на этомъ берегу. Его призывали, ему подавали сигналы. Всѣми овладѣло какое-то изступленіе.

Въ семь съ половиною часовъ льдина значительно приблизилась къ землѣ, но она сильно таяла, погружалась, и волны, пробѣгавшія по ней, уносили оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса животныхъ. Каждую минуту нужно было опасаться, что льдина окончательно развалится. Необходимо было облегчить ее, какъ это дѣлаютъ съ тонущимъ кораблемъ или опускающимся воздушнымъ шаромъ. Землю и песокъ, оставшіеся еще на поверхности, сгребли поближе къ краямъ, чтобы предохранить ихъ отъ непосредственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Сверху наложили еще мѣховъ, которые, какъ извѣстно, дурные проводники тепла.

Эти энергичные люди употребляли всевозможныя средства, чтобы отдалить близкую гибель. Но всего этого было недостаточно. Льдина продолжала опускаться, и по временамъ въ ней слышался зловѣщій трескъ. Кой-кто старался грести досками. Но вода уже проходила насквозь, а берегъ былъ не менѣе какъ въ четырехъ миляхъ!

— Сигналъ, друзья! — воскликнулъ лейтенантъ, поддерживаемый геройскою отвагой.— Можетъ-быть, насъ увидятъ.

Все, что еще оставалось горючаго: доски, перекладина и пр., — все пошло на костеръ, который немедленно зажгли. Высокое пламя взвилось надъ льдиною.

Но льдина таяла все болѣе и болѣе и, по мѣрѣ таянія, погружалась въ воду. Вскорѣ только одинъ холмъ остался незалитымъ. Тамъ собрались всѣ, дрожа отъ страха и тоски. Вмѣстѣ съ людьми тѣснились и уцѣлѣвшія животныя. Медвѣдь началъ страшно ревѣть, испуганно озираясь вокругъ.

Вода постепенно прибывала. Ничто не доказывало, что несчастныхъ замѣтили съ берега. По всей вѣроятности, они должны были погибнуть.

Не было ли, однакожъ, какого-нибудь средства продлить существованіе льдины? Три часа, только три часа — и бѣдняки, навѣрное, были бы спасены, потому что берегъ отстоялъ отъ нихъ не далѣе какъ мили на три. Но что же нужно было сдѣлать, чтобы сохранить льдину еще на такой непродолжительный срокъ?

— О,— воскликнулъ Джэсперъ Гобсонъ,— если бъ было какое-нибудь средство помѣшать распаденію льдины, я отдалъ бы жизнь за него!

Въ этотъ моментъ кто-то рѣзко проговорилъ:

— Есть одно средство.

Это сказалъ Томасъ Блэкъ. Онъ давно уже не раскрывалъ рта, и это были первыя слова, произнесенныя имъ за послѣдній, довольно продолжительный промежутокъ времени.

Джэсперъ Гобсонъ бросился къ Томасу Блэку. Онъ и его товарищи буквально впились въ астронома глазами. Имъ казалось, что они плохо разслышали.

— Какое же это средство?— спросилъ дрожащимъ голосомъ Гобсонъ.

— Насосы!— отвѣчалъ коротко Томасъ Блэкъ.

Не помѣшался ли астрономъ? Не принималъ ли онъ льдину за корабль, тонущій съ десятью футами воды въ трюмѣ?

Дѣйствительно, имѣлись еще насосы для провѣтриванія и воздушный резервуаръ, служившій теперь для помѣщенія прѣсной воды. Но къ чему же могли быть полезны эти приборы? Какъ они могли послужить къ укрѣпленію боковъ льдины, таявшей со всѣхъ сторонъ?

— Онъ сумасшедшій,— сказалъ сержантъ Лонгъ.

— Къ насосамъ! — продолжалъ астрономъ. — Наполните резервуаръ воздухомъ!

Насосы были прикрѣплены къ резервуару, крышку котораго быстро наложили и завинтили. Начали дѣйствовать, и резервуаръ наполнился воздухомъ подъ давленіемъ нѣсколькихъ атмосферъ. Послѣ этого Томасъ Блэкъ взялъ одинъ кожаный рукавъ, прикрѣпленный къ резервуару; рукавъ этотъ по открытіи крана могъ давать проходъ сгущенному воздуху. Астрономъ началъ наводить его на края льдины, повсюду, гдѣ она особенно сильно таяла отъ жары. Къ общему удивленію, вездѣ,

куда проникалъ этотъ воздухъ, направленный рукою астронома таяніе останавливалось, щели соединялись и даже возстанавливалось замерзаніе.

— Ура! ура!— восторженно кричали несчастные.

Работа у насосовъ была утомительна, но въ рукахъ недостатка не было. Рабочіе перемѣнялись. Края льдины быстро укрѣплялись, точно подъ вліяніемъ сильнаго холода.

— Вы спасли насъ, мистеръ Блэкъ! — воскликнулъ лейтенантъ Гобсонъ.

— Но вѣдь это такъ естественно,— просто отвѣчалъ астрономъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не было ничего естественнѣе физическаго дѣйствія, происходившаго въ эту минуту.

Замерзаніе льдины возстановилось по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что вода, быстро улетучиваясь подъ давленіемъ воздуха на поверхность льдины, производила сильный холодъ; а во-вторыхъ, потому, что этотъ сжатый воздухъ заимствовалъ для своего разряженія теплоту отъ замерзшей поверхности. Всюду, гдѣ только образовалась щель, холодъ, вызванный разряженіемъ воздуха, соединялъ края. Благодаря этому средству, льдина принимала свою первоначальную крѣпость.

Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Островитяне, снова оживленные надеждой, работали съ необычайнымъ рвеніемъ.

Льдина приближалась къ землѣ.

Когда она приблизилась на четверть мили къ берегу, медвѣдь бросился въ воду, доплылъ до земли и скоро скрылся изъ вида.

Черезъ нѣсколько времени льдину прибило къ песчаному берегу. Первыми выскочили на него животныя, оставшіяся въ живыхъ; потомъ сошли и люди и, упавъ на колѣни, горячо возблагодарили Бога за свое чудесное спасеніе.

ГЛАВА XXIV.

Заключеніе.

Всѣ обитатели форта Надежды вступили на берегъ на оконечности Берингова моря, на послѣднемъ изъ Алеутскихъ острововъ, Блежиникѣ, пройдя болѣе тысячи восьмисотъ миль со времени вскрытія льдовъ. Алеутскіе рыбаки, прибѣжавшіе къ нимъ на помощь, очень радушно приняли ихъ. Вскорѣ лейтенантъ Гобсонъ и его товарищи вошли въ сношенія съ англійскими агентами областей, принадлежащихъ Гудзонбайской компаніи.

Безполезно доказывать послѣ этого подробнаго разсказа отвагу всѣхъ этихъ безстрашныхъ людей, вполнѣ достойныхъ своего мужественнаго начальника, и твердость, выказанную ими въ продолженіе долгаго ряда испытаній. Въ отвагѣ не было недостатка и у женщинъ, которымъ доблестная мистресъ Барнеттъ всегда подавала первый примѣръ твердости въ несчастіи и покорности волѣ Божіей. Всѣ боролись до конца и не падали окончательно духомъ, даже когда видѣли, что полуостровъ, на которомъ былъ основанъ фортъ Надежды, превратился въ пловучій островъ, а этотъ послѣдній — въ островокъ, въ льдину, и, наконецъ, даже въ то время, когда эта льдина таяла подъ двойнымъ дѣйствіемъ

теплыхъ водъ и солнечныхъ лучей. Если компанія должна была снова начать свою попытку, если новый фортъ Надежды погибъ, то никто не могъ въ этомъ упрекнуть Джэспера Гобсона и его товарищей, потому что они подверглись случайностямъ выше всякой человѣческой предусмотрительности. Какъ бы то ни было, но изъ девятнадцати человѣкъ, ввѣренныхъ лейтенанту Гобсону, ни одинъ не погибъ; напротивъ, маленькая колонія даже увеличилась двумя новыми членами — молодою эскимоскою Калюмахъ и сыномъ плотника Макъ-Нэпа, крестникомъ мистресъ Полины Барнеттъ.

Черезъ шесть дней послѣ своего чудеснаго спасенія колонія прибыла въ Ново-Архангельскъ, главный городъ русской Америки.

Здѣсь всѣ эти люди, такъ тѣсно привязавшіеся другъ къ другу во время общей опасности, должны были разстаться и, можетъ-быть, навсегда. Джэсперу Гобсону и его товарищамъ слѣдовало отправиться въ фортъ Соединенія черезъ компанейскія земли, а мистресъ Полина Барнеттъ, Калюмахъ, которая не хотѣла съ ней разлучаться, Мэджъ и Томасъ Блэкъ разсчитывали возвратиться въ Европу черезъ Санъ-Франциско и Соединенные штаты. Прощаясь, лейтенантъ Гобсонъ при всѣхъ своихъ товарищахъ сказалъ путешественницѣ:

— Миледи, да благословитъ васъ Богъ за все добро, которое вы намъ сдѣлали. Вы были нашею вѣрой, нашимъ утѣшителемъ, душой нашего маленькаго мірка. Я васъ благодарю отъ имени всѣхъ насъ.

Троекратное „ура“ раздалось въ честь мистресъ Полины Барнеттъ. Потомъ каждый изъ солдатъ пожелалъ пожать руку отважной путешественницѣ, каждая изъ женщинъ горячо обняла ее.

Что же касается лейтенанта Гобсона, питавшаго къ мистресъ Барнеттъ глубокое уваженіе, то онъ пожалъ ей руку въ послѣдній разъ съ тяжелой грустью.

— Можно ли надѣяться, что мы когда-нибудь увидимся? — спросилъ онъ.

— Да, мы увидимся, мистеръ Гобсонъ, — отвѣчала путешественница.— Если вы не пріѣдете въ Европу, то я возвращусь и отыщу васъ здѣсь... или въ новой факторіи, основанной вами.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Томасъ Блэкъ и тономъ непоколебимой увѣренности проговорилъ:

— Да, мы увидимся... черезъ двадцать-шесть лѣтъ. Друзья мои, если я прозѣвалъ затменіе 1860 года, то, навѣрно, не прозѣваю того, которое произойдетъ, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и въ той же самой мѣстности, въ 1886 году. Итакъ черезъ двадцать-шесть лѣтъ вамъ, уважаемая миледи, и вамъ, отважный лейтенантъ, я назначаю снова свиданіе въ предѣлахъ Полярнаго моря.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

Стр.

